

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – филиал РАНХиГС**

На правах рукописи

Кант Татiana Владимировна

**ЦИФРОВАЯ ПАРАДИГМА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СТРАН
БРИКС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Шифр научной специальности 5.5.2

Специальность Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:
Доктор политических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ Русакова Ольга Фредовна

Екатеринбург

2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы» и цифровой политической коммуникации	26
1.1 Концептуальная эволюция «мягкой силы»: от классики к цифровой парадигме.....	26
1.2 Рейтинги «мягкой силы» как инструмент политтехнологий	42
1.3 Этические аспекты «мягкой силы» в цифровую эпоху.....	52
2. Механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» государствами БРИКС	66
2.1 Китайский опыт цифровой дипломатии и реализации «мягкой силы» через технологии искусственного интеллекта	66
2.2 Механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в Российской Федерации	81
2.3 Цифровая парадигма «мягкой силы» Индии, Бразилии и Южной Африки ...	93
3. «Контрострая сила» и когнитивная безопасность: нормативные и инструментальные аспекты защиты	119
3.1. Нормативные битвы: от UNESCO/OECD к BRICS-подходу	119
3.2. Когнитивная этика и нейроэтикет: принципы, процедуры и метрики	132
3.3. «Контрострая сила»: правовые, технологические и культурные контуры «щита без изоляции»	166
Заключение.....	186
Список использованных источников	191

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация мирового порядка в XXI веке сопровождается смещением центра политической конкуренции, где цифровые платформы становятся ключевым фактором реконфигурации институтов политической власти. Если в предыдущие десятилетия политические процессы опирались преимущественно на традиционные институты дипломатии, военные структуры и экономические механизмы, то современная эпоха характеризуется стремительным переносом конкурентной борьбы в цифровое пространство, где формируются принципиально новые институциональные формы влияния и технологии политического воздействия.

Исследователи фиксируют глубокое влияние цифровизации на общественно-политическое пространство, особенно усилившееся в последние годы. Формирование многополярного мирового устройства актуализирует разработку собственных институциональных моделей политической коммуникации, соответствующих специфике и потребностям региональных блоков государств. В этом контексте страны БРИКС выступают в роли архитекторов новых институтов и технологий цифрового влияния, основанных на принципах суверенитета, культурного многообразия и противодействия технологической гегемонии.

Цифровая повестка занимает центральное место в институциональном сотрудничестве стран БРИКС. Страны объединения последовательно разрабатывают собственные институты управления цифровым пространством, противопоставляя их моделям, продвигаемым западными государствами и технологическими корпорациями.

Актуальность исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами:

Во-первых, нарастающей интенсивностью цифровой трансформации политических институтов и процессов, где искусственный интеллект, большие данные, социальные сети и другие технологии радикально изменяют институциональную архитектуру политического влияния. Традиционные

концепции «мягкой силы», разработанные в доцифровую эпоху, оказываются недостаточными для объяснения современных институтов и технологий трансграничного политического воздействия.

Во-вторых, обострением геополитического противостояния между западным блоком и странами БРИКС в цифровой сфере. Санкционное давление, информационные операции, попытки установления контроля над глобальной цифровой инфраструктурой и навязывания универсальных регуляторных институтов создают угрозы национальному суверенитету государств, не входящих в западную орбиту влияния. В этих условиях разработка процессов и технологий цифровой политической коммуникации приобретает стратегическое значение.

В-третьих, недостаточной теоретической разработанностью проблематики цифровых институтов и технологий «мягкой силы» применительно к странам БРИКС. Существующие концепции «мягкой силы» создавались преимущественно американскими исследователями и отражают специфику либерального институционального порядка. Они слабо учитывают институциональные модели политического влияния, основанные на иных ценностных и организационных основаниях.

В-четвертых, практической потребностью в создании институтов и технологий оценки цифрового политического влияния. Нынешние институционализированные системы измерения «мягкой силы» демонстрируют системную предвзятость в пользу западных стран и неспособность адекватно оценить специфические институты и технологии влияния, характерные для государств БРИКС.

Степень разработанности темы

Теоретический фундамент исследования «мягкой силы» заложен в работах Джозефа Ная ¹, который ввел данный термин в научный оборот в начале 1990-х годов. Профессор Гарвардского университета Джозеф Най ввел концепцию «мягкой силы» в теорию международных отношений, определив ее как

¹ Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

способность государства достигать предпочтительных результатов за счет добровольного следования других государств. Впоследствии Наем были введены в оборот такие понятия как «умная сила» и «острая сила», которые демонстрировали эволюцию его взглядов на «мягкую силу» в контексте новых политических реалий ^{2, 3}.

Оригинальное осмысление «мягкой силы» как нематериального ресурса международного влияния представлено в работах американского исследователя Т. Холла ⁴, посвященных анализу стратегической коммуникации и формирования международного порядка в условиях трансформации глобальной системы. Автор рассматривает «мягкую силу» через призму норм, ценностей, представлений и коммуникативных практик, формирующих восприятие государства в международной среде.

Американский исследователь Н. Читти ⁵ рассматривает «мягкую силу» как интегральный компонент публичной дипломатии и внешней политики США, подчеркивая ее значения в условиях цифровой эры и искусственного интеллекта. Он анализирует, каким образом стратегии «мягкой силы» и практики публичной дипломатии переплетаются с цифровыми коммуникационными технологиями и формируют способности государств к привлечению внимания зарубежных аудиторий.

Среди зарубежных исследователей теоретико-методологических и практических аспектов «мягкой силы» значительных успехов достигли ученые из Китая. В частности, в работе М. Ли ⁶ анализируется стратегия «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке, где подчеркивается, что китайская модель

² Nye J. S. Notes for a Soft Power Research Agenda / F. Berenskoetter, M.J. Williams (eds.) // Power in World Politics. London : Routledge, 2004. Pp. 162-172.

³ Nye J., Goldsmith J. The Future of Power. Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences, 2011. No. 3. Pp. 45-52.

⁴ Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. The Chinese Journal of International Politics, 2010. No. 3. Pp. 209-214.

⁵ Chitty N., Hayden C., Ohnesorge H.W., Wang C. (eds.) The Anthem Handbook of Soft Power and Public Diplomacy in the Age of AI. London : Anthem Press, 2025. 250 p.

⁶ Ли М. Мягкая сила во внешней политике Китая в XXI веке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2. С. 39-42.

«мягкой силы» формируется на основе синтеза классической концепции Дж. Ная и национальной философско-культурной традиции.

Современное понимание китайской «мягкой силы» также отражено в работах исследователя С. Сана ⁷, который анализирует роль конфуцианских институтов как ключевого инструмента культурной «мягкой силы» КНР. Согласно С. Сану, зарубежные институты конфуцианского образования функционируют как каналы культурной коммуникации, укрепляя международное признание китайской культуры и языка, но сталкиваются с ограничениями восприятия в ряде западных стран.

Значительный вклад в разработку коммуникативного и технологического измерения «мягкой силы» внесла Е.Г. Пономарева ⁸, в работах которой анализируются современные формы политической коммуникации, информационного воздействия и символического влияния в международной среде.

В контексте анализа инструментов глобального политического и экономического влияния интерес представляет исследование В.Г. Иванова, посвященное изучению феномена «charts power» («рейтинговой власти») ⁹. Автор предлагает рассматривать рейтинговую власть как способность субъектов, разрабатывающих и продвигающих межстрановые сравнительные рейтинги и индексы, воздействовать на принятие политических и экономических решений, формирование общественного мнения и международный имидж государств.

Критическое переосмысление концепции «мягкой силы» в контексте цифровизации политических институтов представлено в российской научной школе, где особое место занимают работы доктора политических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, О.Ф. Русаковой ¹⁰, посвященные коммуникативно-технологическому подходу и информационным компонентам

⁷ Sun S. Confucius Institutes: China's Cultural Soft Power Strategy. Journal of Culture and Values in Education, 2023. No. 6 (1). Pp. 52-68.

⁸ Пономарева Е. Г. Политические коммуникации. Москва : Издательский дом МГИМО, 2025. 222 с. I.

⁹ Иванов В. Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 23.00.01. Москва, 2016. 66 с.

¹⁰ Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы». Международные процессы. 2019. Т. 17, № 1(56). С. 62-72.

«мягкой силы», где исследуется появление новых видов «мягкой силы» в результате развития цифровых технологий, включая цифровую культуру, цифровую дипломатию и цифровое управление ¹¹.

Проблематика цифровой трансформации политических институтов разработана в исследованиях доктора политических наук, профессора, С.В. Володенкова ¹² и С.Н. Федорченко ¹³, которые анализируют риски и перспективы цифровизации традиционных политических институтов, а также претензии технологических корпораций на обретение статуса нового политического актора. Исследования современных политологов подчеркивают необходимость анализа технологических корпораций как нового типа политических институтов, влияющих на коммуникацию между гражданами и государством.

Современное изучение «мягкой силы» в рамках стран БРИКС представлено Б. Т. Ф. Лии, К. Корнфетчарат и Д. П. Симс ¹⁴, которые анализируют, как страны БРИКС посредством согласованной культурной дипломатии используют «мягкую силу» для формирования альтернативного глобального нарратива и усиления своих позиций в мировом сообществе.

Вопросы применения концепции «мягкой силы» странами БРИКС рассматриваются в работах российских и зарубежных исследователей, среди которых следует выделить труды, посвященные индийской и бразильской моделям «мягкой силы» (А.О. Наумов, А.П. Дхар) ¹⁵.

Значительный вклад в разработку концептуальных, институциональных и технологических аспектов «мягкой силы» вносит исследование И.А. Андреева, в котором «мягкая» сила рассматривается не как статичное свойство, а как динамическое качество, представляющее собой функцию от меняющегося

¹¹ Rusakova O.F., Gribovov E.K., Vakhrusheva E.A. Digitalization As a Growth Factor of «Soft Power» in the Context of Globalization. KnE Social Sciences, 2021. No. 5(2). Pp. 777-784.

¹² Володенков С. В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 6-24.

¹³ Володенков С. В., Федорченко С. Н., Артамонова Ю. [и др.] Трансформация политических институтов и политического участия в условиях цифрового общества // Информационные войны. 2019. № 3(51). С. 36-46.

¹⁴ Lee B.T.F., Kornphetcharat K., Sims J.P. Soft Power: BRICS Cultural Diplomacy and the Rebalancing of Global Narratives. International Review of Humanities Studies, 2025. Vol. 10, no. 2. Pp. 614-629.

¹⁵ Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024. 198 с.

внутреннего состояния политических субъектов и вызовов окружающей политической среды ¹⁶.

Вопросы цифрового суверенитета в повестке БРИКС анализируются в работах специалистов Российского совета по международным делам (А. М. Игнатов, Е. С. Зиновьева ¹⁷), которые фиксируют смещение акцента сотрудничества объединения в сторону инфраструктурных проектов и обеспечения цифровой безопасности.

В бразильском академическом дискурсе проблематика цифровых медиа и их влияния на политическую коммуникацию и демократические процессы занимает значительное место. Как показывают А. Итуассу и М.А. Герреро, цифровые медиа привели к серьезным последствиям для демократий по всему миру, а в Бразилии они стали фактором радикализации политического дискурса, распространения дезинформации и трансформации публичной сферы ¹⁸.

Как показывают исследования Дж. Девани и Р. Бьюкена, Бразилия также активно использует свои дипломатические традиции для продвижения интересов в киберпространстве ¹⁹. Анализируя киберстратегию Бразилии, авторы приходят к выводу, что ее внешняя политика в этой сфере следует принципам «мягкой силы», основанным на многосторонности и защите приватности, сохраняя возможность прагматичного сотрудничества и с западными государствами.

Южноафриканские ученые О. Айоделе и В. Петла в своем анализе цифрового партнерства БРИКС приходят к выводу, что объединенные усилия стран-членов могут стать ключевым двигателем для формирования совместных подходов к управлению в цифровой сфере, особенно в контексте защиты персональных данных ²⁰.

¹⁶ Андреев И. А. Феномен «мягкой» силы: концептуальные, институциональные и технологические аспекты : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.2. Москва, 2023. 23 с.

¹⁷ Цифровой суверенитет в повестке объединения БРИКС // РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/>.

¹⁸ Ituassu A., Guerrero M.A. Public Sphere and Political Communication Changes in Latin America: Digital Media and Democracy in Brazil and Mexico. *Journal of Latin American Communication Research*, 2025. Vol. 12, no. 1. Pp. 4-20.

¹⁹ Devanny J., Buchan R. Brazil's Cyber Strategy Under Lula: Not a Priority, but Progress Is Possible. *Carnegie Endowment for International Peace*, 2023. 426 p.

²⁰ Ayodele O., Petla V. Leveraging the BRICS digital partnership for collaborative digital governance. *Journal of BRICS Studies*, 2024. Vol. 3, no. 1. Pp. 1-7.

В рамках политической коммуникативистики и анализа медиaprостранства существенное значение имеют исследования Л.Н. Тимофеевой ²¹, посвященные механизмам формирования политической повестки, трансформации публичной коммуникации и роли цифровых медиа в политических процессах. Ее работы создают методологическую основу для изучения цифровых каналов мягкой силы как инструмента воздействия на массовое сознание и общественные настроения в международном контексте.

В рамках изучения цифровой парадигмы «мягкой силы» внимания заслуживает также работа И.С. Ашманова и Н.И. Касперской «Цифровая гигиена» ²². Авторы акцентируют внимание на том, что накопленный человечеством социальный опыт не позволяет адекватно реагировать на новые цифровые вызовы, и формулируют принципы «цифровой гигиены» как системы защиты личности в виртуальном пространстве.

Интерес в контексте изучения новых технологий политического влияния представляет исследование Е.С. Арляповой и Е.Г. Пономаревой ²³, посвященное американскому опыту создания виртуального посольства. Авторы анализируют практику использования информационно-коммуникационных технологий и социальных медиа как инструментов дипломатического представительства и «мягкой силы» в условиях отсутствия традиционных дипломатических отношений.

В китайском академическом дискурсе проблематика политической коммуникации в цифровую эпоху занимает значительное место. Как отмечает Лю Синьчжуань, исследования в этой области в КНР прошли путь от классических моделей изучения пропаганды и общественного мнения к междисциплинарному анализу цифровых платформ, алгоритмического воздействия и роли социальных медиа в формировании политической повестки ²⁴.

²¹ Тимофеева Л. Н., Рябенко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 23-39.

²² Ашманов И. С., Касперская Н. И. Цифровая гигиена. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 400 с.

²³ Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысляя американский опыт) // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 3. С. 32-47.

²⁴ Liu Xinzhuang. Research on Political Communication in China. Handbook of Contemporary Chinese Social Sciences. Singapore : Springer, 2025. Pp. 2083-2097.

Юйхань, в свою очередь, обосновывает, что Китай реализует стратегию «мягкой силы», опираясь на сочетание традиционных культурных ценностей и современных политико-экономических инструментов, что предоставляет возможность стране укреплять влияние в регионе через культурную дипломатию, образовательные программы, экономическое партнерство и участие в региональных организациях ²⁵.

Как отмечает исследователь Ч. Малхотра, Индия переживает беспрецедентную трансформацию, в ходе которой цифровые технологии становятся фундаментом для формирования экосистем спроса, предложения и доверия ²⁶. Автор подчеркивает, что десятилетие 2020-2030 годов станет свидетелем нелинейных трансформаций, проявляющихся в виде глобальных мегатрендов, которые создадут высокоэффективные возможности с беспрецедентной скоростью и масштабом.

Исследование источников по проблематике «мягкой силы» показало, что понятие «антимягкой силы» уже существует в российской научной литературе, описанное А.В. Фененко как способность блокировать привлекательность другого субъекта ²⁷.

Вместе с тем, несмотря на наличие обширного корпуса исследований, посвященных отдельным аспектам цифровой трансформации политических институтов и процессов, а также практикам «мягкой силы» различных государств, комплексный анализ цифровой парадигмы институтов, «мягкой силы» стран БРИКС в контексте трансформации мирового порядка остается недостаточно разработанным. Отсутствуют систематические исследования, которые бы интегрировали теоретические основания «мягкой силы» с практиками функционирования цифровых политических институтов государств БРИКС, а

²⁵ Юйхань. «Мягкая сила» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.4. Москва, 2026. 32 с.

²⁶ Malhotra C. Digital India: Past, Present and Future. Indien im 21. Jahrhundert – Auf dem Weg zur postindustriellen Ökonomie. Wiesbaden : Springer, 2024. Pp. 325-345.

²⁷ Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. № 18(1). С. 40-71.

также предлагали авторские концептуальные рамки для анализа и оценки цифрового политического влияния.

В рамках выявленного теоретического пробела особую значимость приобретает необходимость концептуального уточнения инструментов символического и институционального противодействия в цифровой среде. Существующее в научной литературе понятие «антимягкой силы», определяемое как способность субъекта блокировать или снижать привлекательность ценностных, культурных и институциональных моделей другого актора, отражает преимущественно оборонительную логику реагирования на внешнее влияние. «Антимягкая сила» фиксирует состояние сопротивления, однако не предполагает формирования альтернативного нормативного или институционального предложения, что ограничивает ее аналитический и практический потенциал в условиях цифровой трансформации мировой политики.

Цифровая среда принципиально изменяет характер конкуренции «мягких сил», поскольку борьба за привлекательность переносится в пространство платформ, технологических стандартов, алгоритмов и правовых режимов. В этих условиях простое блокирование внешних нарративов и каналов влияния оказывается недостаточным, так как цифровое пространство не допускает устойчивого вакуума и требует наличия собственных институциональных и технологических решений, способных формировать лояльность и вовлеченность. Таким образом, возникает необходимость перехода от логики «антимягкой силы», ориентированной на отрицание и сдерживание, к более сложной модели, сочетающей защиту цифрового суверенитета с проактивным институциональным проектированием.

Именно в этом контексте в настоящем исследовании вводится в научный оборот понятие «контрострой силы», понимаемой как реактивно-проективная институциональная стратегия защиты цифрового суверенитета, сочетающая оборонительные механизмы с активным предложением институциональных рамок и технологических решений. В отличие от «антимягкой силы», «контростройная сила» не ограничивается нейтрализацией внешнего влияния, а предполагает

формирование собственных цифровых институтов, правовых режимов и символических кодов, способных выступать конкурентоспособной альтернативой доминирующим моделям глобального управления.

В рамках данной работы под цифровой парадигмой понимается совокупность представлений, принципов и практик, определяющих способы формирования, распространения и воспроизводства политических смыслов и влияния в условиях цифровой среды.

Цифровая парадигма в таком понимании выступает методологической рамкой диссертационного исследования: все рассматриваемые инструменты «мягкой силы», практики цифровой дипломатии, «контрострой силы» и стратегии стран БРИКС анализируются как составляющие единого цифрового режима производства и управления влиянием.

В рамках исследования был проведен онлайн-опрос среди 153 респондентов с разной вовлеченностью в ИИ, целью которого было изучение восприятия концепта нейроэтикета и цифровой этики как инструментов «мягкой силы». Выборка включала представителей различных возрастных, образовательных и профессиональных групп, что обеспечило репрезентативность данных и предоставило возможность выявить ключевые сферы доверия к ИИ, оценку рисков и общественные ожидания по внедрению этического кодекса «Кант 3.0».

Объектом исследования выступают политические институты, процессы и технологии трансграничной политической коммуникации стран БРИКС в условиях цифровой трансформации мирового порядка.

Предметом исследования являются институциональные механизмы, политические процессы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» государствами БРИКС.

Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование концепции цифровой парадигмы институтов, процессов и технологий «мягкой силы» стран БРИКС как институциональной модели политического влияния в условиях трансформации мирового порядка.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1) Провести теоретико-методологический анализ концептуальной эволюции «мягкой силы» от классических подходов к цифровой парадигме;

2) Критически проанализировать существующие рейтинги «мягкой силы» как инструменты политических технологий, выявив их методологические ограничения и идеологические основания;

3) Исследовать этические аспекты применения технологий «мягкой силы» в цифровую эпоху;

4) Провести сравнительный анализ механизмов и технологий реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» государствами БРИКС;

5) Выявить специфику реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в Российской Федерации;

6) Проанализировать механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в других странах-участников БРИКС, выявив региональные особенности;

7) Провести анализ нормативных битв в сфере цифровой коммуникации и «мягкой силы», выявив противоречия между подходами UNESCO/OECD и нормативной базой БРИКС;

8) Обосновать теоретическую модель когнитивной этики и нейроэтикета как нормативной институциональной основы для защиты от когнитивных угроз в контексте БРИКС-подхода;

9) Разработать концепцию «контрострой силы» как институционального инструмента защиты цифрового суверенитета, определив ее правовые, технологические и культурные контуры.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что страны БРИКС формируют качественно новую парадигму институтов, процессов и технологий цифрового политического влияния, которая базируется на принципах государственного суверенитета, культурного многообразия и противодействия технологическому доминированию, и требует создания авторских теоретических концептов, институциональных рамок и технологий оценки, отличных от западоцентричных моделей «мягкой силы».

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов политической науки.

Системный подход применяется для анализа цифровой парадигмы «мягкой силы» как целостной системы взаимосвязанных элементов, включающей институциональные, технологические, нормативные и коммуникационные компоненты.

Сравнительный метод используется для выявления общих закономерностей и специфических особенностей институтов и технологий реализации цифровой «мягкой силы» различными странами БРИКС, а также для сопоставления западных и незападных институциональных моделей цифрового политического влияния.

Институциональный анализ применяется для исследования формальных и неформальных институтов, обеспечивающих функционирование политических процессов цифровой политической коммуникации в странах БРИКС.

Дискурс-анализ используется для изучения способов артикуляции и подходов к управлению цифровым пространством в официальных документах и заявлениях представителей стран БРИКС.

Кейс-стади используется для углубленного анализа конкретных примеров институционализации цифровых стратегий отдельными странами БРИКС.

Теоретической основой исследования выступают:

- теория «мягкой силы» Дж. Ная и ее критические переосмысления в работах современных исследователей;
- концепции цифровой трансформации политических институтов и процессов;
- теории политической коммуникации и медиатизации политики;
- исследования цифрового суверенитета и когнитивной безопасности;
- работы, посвященные этике искусственного интеллекта и цифровым правам;
- теория институционализма и неоинституциональный подход в политической науке.

Эмпирическую базу исследования составляют:

1) Официальные документы и заявления стран БРИКС: декларации саммитов, совместные заявления, стратегические программы цифрового развития, учредительные документы институтов БРИКС.

2) Нормативные правовые акты: законы и подзаконные акты стран БРИКС, регулирующие цифровое пространство, защиту данных, кибербезопасность, институциональные основы управления цифровой сферой.

3) Международные документы: рекомендации UNESCO и OECD по этике искусственного интеллекта, регулятивные акты ЕС (AI Act), документы институтов глобального управления.

4) Статистические данные о развитии цифровой инфраструктуры, институтов цифрового управления, распространении интернета и социальных медиа в странах БРИКС.

5) Материалы экспертных докладов и аналитических центров: отчеты РСМД, аналитика МГИМО, материалы международных конференций по цифровым политическим технологиям.

6) Результаты авторского социологического опроса, проведенного для изучения общественных представлений о регулировании искусственного интеллекта и функционировании цифровых институтов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1) Предложена авторская концепция «цифрового коммуникационного капитала» как институционально-технологического агрегата политических активов, создающих устойчивое внимание и доверие политических аудиторий. Разработана структура ЦКК, включающая четыре компонента: аудиторный капитал, инфраструктурный капитал, нормативный капитал и нарративный капитал, каждый из которых представляет собой совокупность институтов, процессов и технологий.

2) Введено в научный оборот понятие «контрострой силы» как реактивно-проективной институциональной стратегии защиты цифрового суверенитета, сочетающей оборонительные механизмы с активным предложением

институциональных рамок и технологических решений. Определены правовые, технологические и культурные контуры институционализации «контрострой силы» странами БРИКС.

3) Предложена авторская концепция нейроэтикета, которая как инновационная политическая технология основывается на понимании когнитивных механизмов восприятия политической информации и психологических процессов формирования политических предпочтений, учете социокультурных особенностей политического восприятия различных аудиторий и применении современных цифровых технологий для создания эффективных стратегий политического воздействия.

4) Разработана концепция «этического ядра» БРИКС как нормативно-институциональной основы цифровой парадигмы, воплощенная в авторском кодексе нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейротехники для устойчивого развития», которая представляет собой живую, развивающуюся систему принципов и механизмов, предназначенную для гармоничного развития нейротехнологий в глобальном масштабе. Обоснованы три ключевых принципа институционализации: когнитивный суверенитет, защита от нейроманипуляций и культурная адаптивность алгоритмов.

5) Предложена авторская концепция «Инфраструктуры Доверия» как многоуровневой институциональной экосистемы измерения, стандартизации и внедрения этических норм в сфере искусственного интеллекта. Разработана система трех взаимосвязанных институциональных индексов в виде трехъярусной модели: Индекс Доверия, Индекс культурной ответственности и Индекс динамической этики.

6) Проведен комплексный сравнительный институциональный анализ цифровых стратегий всех стран БРИКС, выявлены две базовые институциональные модели: инфраструктурно-интеграционная (Китай) и суверенно-регуляторная (Россия), а также специфика институциональных подходов Индии, Бразилии, ЮАР и новых участников объединения.

7) Обоснованы методологические основания для создания авторского институционального рейтинга «мягкой силы» БРИКС, основанного на принципах равноправия, сотрудничества и многополярности, с заменой конкурентного ранжирования на систему классификации по уровням институционального развития.

8) Проведен авторский онлайн-опрос на тему «Анализ восприятия концепта нейроэтикета и цифровой этики как инструмента "мягкой силы"» с репрезентативной выборкой (N=153) респондентов, включающей различные возрастные, образовательные и профессиональные группы, направленный на выявление общественных установок, ожиданий и рисков внедрения ИИ в контексте нейроэтикета и цифровой этики как инструментов «мягкой силы».

9) Предложена авторская концепция цифровой парадигмы как методологической рамки анализа «мягкой силы» в цифровой среде, включающая совокупность представлений, принципов и практик, определяющих способы формирования, распространения и воспроизводства политических смыслов и влияния через цифровые платформы, алгоритмы и глобальные медиатехнологические цепочки. Концепция цифровой парадигмы интегрирует институциональные, технологические и нарративные компоненты, обеспечивая системное понимание трансформации традиционных каналов публичной дипломатии и конкуренции нарративов в условиях цифровой среды.

Положения, выносимые на защиту:

1) Цифровой коммуникационный капитал (ЦКК) – это совокупность накапливаемых и конвертируемых ресурсов, обеспечивающих политическим акторам способность создавать, контролировать и направлять коммуникационные потоки в цифровой среде для формирования политического влияния через управление вниманием, доверием и поведенческими паттернами глобальных аудиторий. Предложенная структура ЦКК включает четыре взаимосвязанных компонента – аудиторный, инфраструктурный, нормативный и нарративный капитал, каждый из которых отражает определенный тип институциональных и технологических инструментов. Аудиторный капитал – охваты, вовлеченность и

способность привлекать внимание глобальной цифровой аудитории. Инфраструктурный капитал – контроль над платформами, каналами и суверенными сетевыми решениями. Нормативный капитал – участие в формировании этики ИИ, правил и международных стандартов. Нарративный капитал – создание контента, культурная локализация и развитие экосистемы креаторов.

2) Концепция «контрострой силы» раскрывает стратегию защиты цифрового суверенитета в условиях трансформации мирового порядка. «Контрострая сила» – эволюция политической коммуникации, представляющая собой ответ на вызовы цифровой эпохи через установление новой нормативной парадигмы. Данная парадигма формируется вокруг этического кодекса для искусственного интеллекта, который становится структурным и этическим ядром современной «мягкой силы». Такой кодекс трансформирует «контрострую силу» из оборонительной практики в проактивную стратегию по созданию глобальных стандартов цифровой этики. Интегрируясь в механизмы верификации, фильтрации и производства контента, он позволяет строить суверенные, но открытые цифровые экосистемы, чья притягательность основана на технологическом суверенитете, культурной релевантности и, что ключевое, – на демонстрации этической ответственности как конкурентного преимущества в глобальной борьбе за доверие. Она объединяет три ключевых измерения: правовое, технологическое и культурное, что обеспечивает гармоничное сочетание оборонительных механизмов с возможностью активного международного взаимодействия. При этом концепция отличается от изоляционистских подходов сохранением открытости для сотрудничества и обмена информацией, но при наличии собственных механизмов фильтрации и верификации внешних цифровых потоков, что позволяет странам БРИКС защищать свои институциональные интересы без утраты глобальной коммуникационной вовлеченности.

3) Предложена авторская концепция нейроэтикета. Нейроэтикет как инновационная политическая технология основывается на понимании когнитивных механизмов восприятия политической информации и

психологических процессов формирования политических предпочтений, учете социокультурных особенностей политического восприятия различных аудиторий и применении современных цифровых технологий для создания эффективных стратегий политического воздействия. Нейроэтикет представляет собой не замену «мягкой силы», а дополнительную опцию – «мягкую силу» через нейроэтикет, которая предоставляет возможность управлять коммуникационными процессами с учетом нейropsychологических особенностей восприятия информации целевыми аудиториями.

4) Этическое ядро цифровой парадигмы БРИКС, воплощенное в кодексе нейроэтикета «Кант 3.0 Global», представляет собой комплексную нормативно-институциональную основу, обеспечивающую гармоничное развитие цифровых технологий и нейротехнологий. В основе кодекса заложены три принципа: когнитивный суверенитет (обеспечение автономии мышления и защиты от алгоритмических манипуляций), запрет нейроманипуляций (регулирование скрытого влияния ИИ на поведение граждан) и культурная адаптивность (учет цивилизационных различий при разработке и применении алгоритмических систем). Кодекс нейроэтикета включает семь ключевых принципов: иерархия решений, фильтры сознания, ответственность цепочки, защита от магнитного смога, зеркальность культур, человечность и динамическая адаптивность. Такой подход формирует основу для институциональной легитимизации цифровой политики и повышает доверие общественности к государственным и межгосударственным инициативам.

5) Инфраструктура Доверия рассматривается как многоуровневая институциональная экосистема, объединяющая механизмы измерения, стандартизации и практического внедрения этических норм в области ИИ. В ее основе лежит три взаимосвязанных институциональных индекса – Индекс Доверия, Индекс культурной ответственности и Индекс динамической этики, которые позволяют стандартизировать и внедрять этические нормы в сфере искусственного интеллекта. Индекс Доверия – оценивает уровень контроля человека над ИИ-системами. Данный индекс фокусируется на степени автономности принятия

решений человеком и его способности осуществлять надзор за работой алгоритмов. Критически важным является сохранение за человеком окончательного права принятия решений в ситуациях, затрагивающих фундаментальные права и свободы личности. Индекс культурной ответственности (ИКО) – учитывает нормы всех стран ШОС и других культурных моделей. Этот компонент системы обеспечивает уважение культурного многообразия и предотвращение дискриминации на основе цивилизационных различий. Индекс динамической этики (ИДЭ) – отражает способность этических норм обновляться в реальном времени, адаптируясь к стремительному развитию технологий. Статичность этических стандартов в условиях быстрой эволюции ИИ-технологий создает разрыв между регулированием и практикой. Динамическая этика предполагает постоянный мониторинг новых этических вызовов и оперативную корректировку нормативных рамок. Такая структура обеспечивает баланс между единообразием международных стандартов и учетом национальной специфики институтов, создавая стимулы для добровольного соблюдения этических норм и повышения эффективности цифрового управления.

6) Проведен авторский сравнительный институциональный анализ цифровых стратегий стран БРИКС, выявлены две базовые модели влияния: инфраструктурно-интеграционная (Китай) и суверенно-регуляторная (Россия), а также особенности подходов Индии, Бразилии, ЮАР и новых участников объединения. Китайская инфраструктурно-интеграционная модель характеризуется созданием цифровой инфраструктуры через инициативу Цифрового шелкового пути, экспортом технологических решений и формированием альтернативных центров притяжения в цифровом пространстве. Российская суверенно-регуляторная модель фокусируется на защите информационного суверенитета, создании национальных цифровых экосистем и противодействии информационному доминированию западных держав. Индия реализует инклюзивно-масштабную модель, ориентированную на использование цифровых технологий. Бразилия развивает культурно-коммерческую модель, основанную на экспорте цифрового контента в португалоязычное пространство и за его пределы. ЮАР формирует этико-

региональную модель, позиционируя себя как лидера в разработке этических стандартов использования искусственного интеллекта для африканского континента.

7) Обоснованы методологические принципы создания институционального рейтинга «мягкой силы» стран БРИКС, основанного на классификации по уровням институционального развития, с заменой конкурентного ранжирования на систему многоуровневой оценки. Критический анализ существующих рейтингов «мягкой силы» выявил их системную предвзятость в пользу западных стран и неспособность адекватно отражать специфику цифрового влияния государств БРИКС. Методологические ограничения данных рейтингов проявляются в недооценке государственного контроля над цифровой инфраструктурой, игнорировании региональных механизмов влияния и абсолютизации западных ценностей как универсального стандарта. Важной особенностью нового рейтинга является предложение разделять места не по классическому пониманию «первенства», а по «классам», принимая во внимание концепцию взаимного сотрудничества, многополярного мира и устойчивого совместного развития. Такой подход радикально отличается от западной модели конкурентного ранжирования и отражает философию БРИКС как объединения равноправных партнеров.

8) Обоснованы ключевые направления внедрения этического кодекса «Кант 3.0» в цифровые сферы с помощью проведенного опроса с участием 153 респондентов. Выявлены основные риски респондентов: ошибки алгоритмов, непрозрачность принятия решений, отсутствие ответственности и потенциальное снижение автономии человека. Результаты исследования предоставляют возможность утверждать, что внедрение кодекса «Кант 3.0» способствует повышению доверия пользователей к ИИ и формированию безопасной, справедливой и человекоцентричной цифровой среды. Таким образом, исследование предоставляет практические и методологические рекомендации для формирования глобальных стандартов цифровой этики, отличающихся от существующих подходов, которые либо игнорируют этические аспекты, либо не учитывают вариативность общественного восприятия.

9) В работе обоснована цифровая парадигма как интегрирующая методологическая рамка анализа «мягкой силы» в цифровой среде, которая предоставляет возможность рассматривать все инструменты и практики (включая цифровую дипломатию, «контрострую силу» и стратегии стран БРИКС) как части единого цифрового режима производства и управления влиянием. Проведенный теоретический анализ показал, что цифровые платформы, алгоритмы и медиа-технологические цепочки формируют новые параметры конкуренции нарративов и изменяют баланс между государственными и негосударственными акторами. Использование цифровой парадигмы обеспечивает целостность исследования, позволяет переосмыслить традиционные концепции «мягкой силы» и публичной дипломатии, учитывать технологические и институциональные условия современного цифрового пространства и формировать рекомендации по внедрению этических рамок и стратегий влияния, включая кодекс «Кант 3.0» и пилотные проекты стран БРИКС.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии понятийного аппарата политической науки в области исследования политических институтов путем введения новых концептов («цифровой коммуникационный капитал», «контрострая сила», «этическое ядро БРИКС», «Инфраструктура Доверия»), которые позволяют более адекватно описывать и анализировать современные институты и процессы трансграничной политической коммуникации. Предложенная теоретическая рамка может быть использована для дальнейших исследований цифровой трансформации политических институтов в международных отношениях, сравнительного институционального анализа политических систем в цифровую эпоху, изучения институциональных моделей глобального управления.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов:

– в деятельности государственных институтов, ответственных за выработку стратегии цифрового развития и международного сотрудничества;

- при разработке нормативных правовых актов, регулирующих институты цифрового пространства, этику искусственного интеллекта и защиту цифрового суверенитета;

- в работе институтов БРИКС, занимающихся координацией политики объединения в цифровой сфере;

- в аналитической деятельности экспертных центров, изучающих трансформацию институтов мирового порядка и геополитическую конкуренцию в цифровом пространстве;

- в образовательном процессе при преподавании дисциплин «Политические институты и процессы», «Политические технологии», «Мировая политика», «Цифровая дипломатия», «Международные отношения».

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов и спецкурсов, подготовке учебных пособий по проблемам институтов и технологий цифровой политической коммуникации и трансформации мирового порядка.

Достоверность полученных результатов обеспечивается использованием комплекса апробированных методов политической науки, опорой на обширную эмпирическую базу, включающую официальные документы институтов, нормативные правовые акты, статистические данные и результаты социологического опроса, а также критическим анализом широкого круга отечественных и зарубежных источников.

Основные положения и выводы диссертационного исследования апробированы в публикациях автора, включая статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях на научных конференциях и семинарах.

Концепция «контрострой силы» была разработана и апробирована в рамках:

- публикации статьи «"Анти-мягкая сила" в международной информационной безопасности: институциональные механизмы защиты на площадках ШОС и БРИКС» в сборнике докладов XVIII Международного форума

НАМИБ «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности»;

- анализа глобальных рейтингов кибербезопасности и оценочных систем информационного влияния, выявивший методологические ограничения существующих инструментов оценки «мягкой силы» и необходимость разработки авторского концептуального аппарата;

- выступления на тему «"Анти-мягкая сила" в международной информационной безопасности и пути решения на площадках ШОС И БРИКС» на XVIII Международном форуме НАМИБ «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности».

Концепция нейроэтикета введена в рамках:

- публикаций в рецензируемых научных изданиях, посвященных разработке теоретических оснований нейроэтикета;

- выступлений на международных научных конференциях;

- международной промышленной выставки ИННОПРОМ-2025 (июль 2025 г.), где концепция была представлена международному экспертному сообществу и освещена в материалах агентства «Sputnik Arabic»;

- XIX Международного форума НАМИБ «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» (сентябрь 2025 г.);

- образовательной программы Дипломатической академии МИД России, где модуль «Нейроэтикет» был интегрирован в учебный курс «Международный деловой протокол и этикет».

- термин «нейроэтикет» был введен в оборот на китайский язык 神经伦理与数字交往规范.

Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка использованных источников. Структура работы определяется логикой последовательного решения поставленных задач: от теоретико-

методологического анализа концепции «мягкой силы» в цифровую эпоху через исследование механизмов и технологий реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» государствами БРИКС к обоснованию институтов и технологий «контрострой силы» и когнитивной безопасности.

1 Теоретико-методологические основы изучения «мягкой силы» и цифровой политической коммуникации

1.1 Концептуальная эволюция «мягкой силы»: от классики к цифровой парадигме

В политической науке термин «мягкая сила» введен относительно недавно и сразу же привлек внимание исследователей политических коммуникаций и технологий влияния. Классическое понимание данной концепции неразрывно связано с именем американского политолога Джозефа Ная, который в противовес традиционным трактовкам власти, основанным на принуждении или материальном стимулировании, предложил рассматривать способность государства добиваться желаемого за счет привлекательности своей культуры, политических ценностей и внешней политики.

Исследуя различные механизмы политического воздействия, он пришел к выводу о том, что они могут быть не только принудительными или основанными на материальных стимулах.

В своих размышлениях о природе власти в книге «Soft Power: the means to success in world politics», опубликованной в 2004 году, Джозеф Най определил «мягкую силу» как способность «заставлять других хотеть результатов, которые хотите вы»²⁸.

В структуре «мягкой силы» исследователь выделил три основных ресурса «мягкой силы», которые составляют ее фундаментальную основу (рисунок 1).

Первый ресурс – ценности, которые есть у государства. По мнению Джозефа Ная, они должны быть привлекательными для других акторов политических коммуникаций и вызывать у них желание следовать аналогичным принципам.

Второй ресурс – культура в широком смысле этого слова: от массовой культуры до высокого искусства.

²⁸ Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

Рисунок 1 – Основные ресурсы «мягкой силы»

Третий ресурс – внутренняя и внешняя политика, которая может служить примером для подражания ²⁹.

И культура, и политические ценности являются исторически сложившимися параметрами, в то время как внешняя политика определяется субъективными факторами, связанными с интересами находящихся у власти политиков ³⁰.

Осознавая ограниченность первоначальной модели, Джозеф Най в 2009 году представил развитие своей теории в виде концепции «умной силы» (Smart Power). Эта новая формулировка предполагала более гибкое сочетание мягких и жестких инструментов влияния, но при этом в значительной степени сохраняла первоначальную рамку привлекательности как основного механизма воздействия. Умная сила подразумевала способность государства эффективно комбинировать различные инструменты в зависимости от конкретной ситуации и целей, которых оно стремится достичь в политических коммуникациях. Най отмечает: «Твердая и мягкая силы порой подкрепляют друг друга, поэтому важен разумный подход с учетом конкретной ситуации к вопросу об их взаимодействии при разных обстоятельствах» ³¹.

²⁹ Быков И. А. «Мягкая сила»: понятие, сущность и содержание. Эволюция концепции «мягкой силы» во втором десятилетии XXI века // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8(38). С. 17-21.

³⁰ Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122-131.

³¹ Най Дж. С. Будущее власти / Дж. С. Най ; пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва : АСТ, 2014. 448 с.

Задача «умной силы» нацелена на сохранение и развитие национально-государственных стратегических приоритетов, при этом важно учитывать тенденции общемирового развития, которые имеют сложные отношения и структуру ³².

Практическое использование ресурсов «мягкой силы» решает ряд задач и проблем, по мнению Джозефа Ная (рисунок 2).

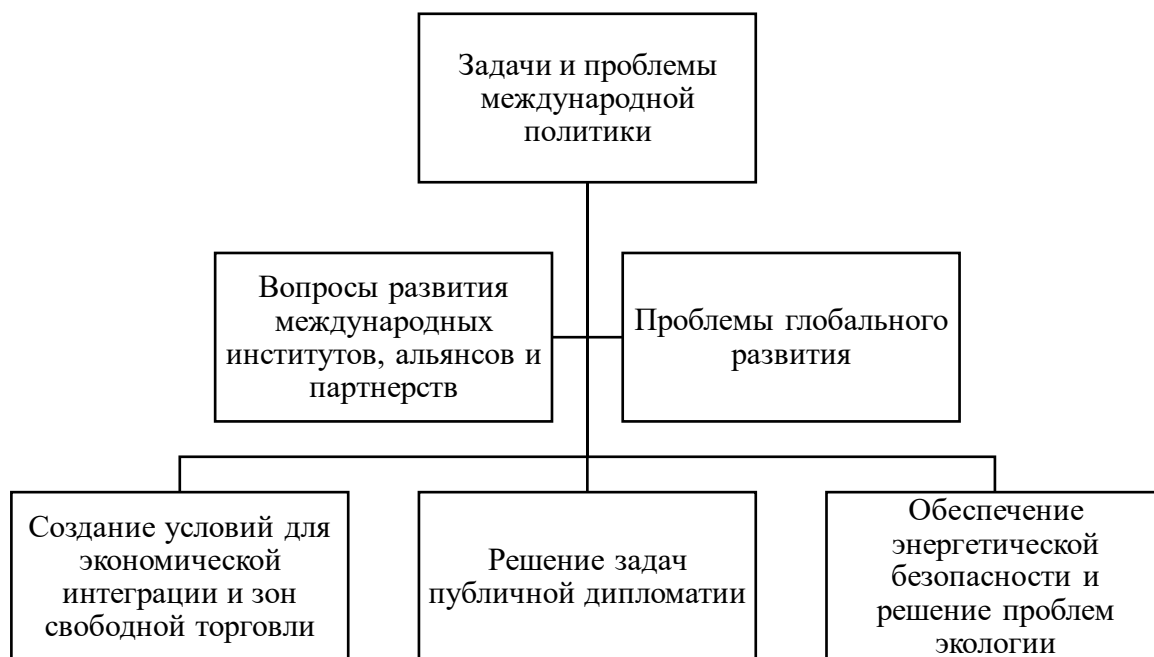

Рисунок 2 – Задачи и проблемы политической коммуникации, решаемые использованием ресурсов «мягкой силы» ³³

По мере цифровизации политической коммуникации и усложнения международной среды все отчетливее проявлялись ограничения классической теории Ная.

Ученый Ин Фан признавал, что данная концепция обрела значительную популярность в научных и политических кругах, обращая при этом внимание на то,

³² Русакова О. Ф., Жакьянова А. М. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов // Культура и природа политической власти: теория и практика : сборник научных трудов, Екатеринбург, 15 апреля 2022 года / под общей редакцией А. А. Керимова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Уральский университет, 2022. С. 65-73.

³³ Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

что в своих многочисленных трудах Най определяет «мягкую силу» по-разному и эти определения далеко не всегда совпадают. В итоге он приходит к выводу, что ключевое положение концепции Ная («мягкая сила» – это возможность побудить других хотеть того же, чего хотите вы) остается непроверенным, так как «неясно, как этого можно достичь в реальности»³⁴

Коллега Дж. Ная из американского Университета Виллановы Дж. Маттерн среди слабых сторон концепции «мягкой силы» отмечал отсутствие внятного объяснения алгоритма генерирования одного из трех ее ключевых ресурсов – привлекательных ценностей. По его мнению, симптоматичной проблемой теории Ная является то, что последний ничего не говорит о том, почему некие политические ценности являются «правильными» или как человек приобщается к таким ценностям³⁵.

Также следует отметить, что подход Ная нормативный, изначально ориентированный на либеральные ценности западной политической традиции. Автор рассматривал «мягкую силу» преимущественно через призму демократических институтов, свободы слова, рыночной экономики и других элементов либерального порядка. Такой подход затрудняет применение «мягкой силы» для анализа политических технологий в различных институциональных контекстах и культурными традициями.

Связанной с этим проблемой является американоцентричность концепции, которая изначально разрабатывалась для объяснения и обоснования лидерства США.

В итоге альтернативные модели политического влияния рассматриваются как отклонения от некой идеальной модели политических технологий, а не как самостоятельные и потенциально эффективные подходы к политическому влиянию. В своей работе Най настаивает, что привлекательность демократических

³⁴ Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? Place Branding and Public Diplomacy, 2008. No. 2. Pp. 147-158.

³⁵ Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. Millennium: Journal of International Studies, 2005. Vol. 33, is. 3. Pp. 583-612.

ценностей США делает их уникальными. Однако этот тезис отражает не объективное описание, а либерально-нормативную установку ³⁶.

Когда Най разрабатывал свою концепцию в начале 2000-х годов, интернет-технологии только начинали трансформировать политические коммуникационные процессы, и их потенциал для политических технологий еще не был очевиден. Классическая теория «мягкой силы» основывалась на традиционных каналах политической коммуникации: государственных медиа, институтах культурной политики, образовательных программах. Концепция не учитывала революционные изменения, которые принесла с собой цифровизация. Цифровая среда оказалась особенно благоприятной для реализации стратегий дезинформации, манипулирования общественным мнением и других форм «темной» «мягкой силы», которые классическая теория Ная не рассматривает.

По мере того, как цифровые технологии трансформировали политическую коммуникацию, а глобальная политическая среда становилась все более многополярной, академическое сообщество начало осознавать ограниченность классической теории «мягкой силы».

Критическое переосмысление «мягкой силы» в 2010-е годы происходило также через разработку альтернативных теоретических подходов, которые лучше объясняли реальность политических коммуникаций в цифровую эпоху. Исследователи из разных дисциплин предлагали новые концептуальные рамки, которые показывали узость традиционной парадигмы привлекательности.

Так, Жан Мелиссен в своих работах описывал новые технологии публичной коммуникации. Он написал в своей книге: «Новая публичная дипломатия отошла от навязывания информации иностранцам и «обработки» иностранной прессы для привлечения аудитории на свою сторону» ³⁷. Жан Мелиссен подчеркивает, что большой ошибкой было рассматривать новую публичную дипломатию в качестве инструмента для достижения краткосрочных задач. Следует понимать, что новая

³⁶ Nye J. S. Bound to lead. New York : Basic Books, 2016.

³⁷ Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the digital age. The Hague : Clingendael, Netherlands Institute of International Relations, 2015.

публичная дипломатия основывается на длительном формировании доверия и сотрудничества, поэтому она дает позитивный эффект лишь в долгосрочной перспективе.

Это противоречило базовым предположениям Ная о том, что «мягкая сила» реализуется преимущественно через традиционные политические институты.

Публичная дипломатия в большей степени действует в сетевой среде, где существует множество других акторов помимо государств, чем в иерархической, государственно-центричной среде ³⁸.

Новая публичная дипломатия тесно связана с глобализацией, поскольку интенсификация социальных сетей привела к размыванию государственных границ, национальных культур и традиций ³⁹.

Она включает в себя множество специализированной литературы и электронных изданий, блоги и интернет-ресурсы. Жан Мелиссен фактически не выделял электронную дипломатию в отдельный вид, считая ее неотъемлемой составляющей современной публичной дипломатии. Этот подход косвенно показывал, что теория Ная, разработанная до цифровой революции, не учитывала фундаментальных изменений в коммуникационной среде.

Британский исследователь Николас Калл, специализирующийся на истории и эволюции публичной дипломатии, предложил другой угол критики классических подходов. Его анализ показал, что традиционное понимание «мягкой силы» как «привлекательности» слишком упрощено и не учитывает сложную инструментальную природу современного политического влияния. Он обращал внимание, что тема использования электронных средств коммуникации в целях публичной дипломатии обсуждалась еще в конце 1960-х гг., в т.ч. рассматривалась возможность распространения за рубеж знаний, хранящихся в библиотеках и университетах ⁴⁰.

³⁸ Концевая Н. А. Паблик Рилейшнз в системе публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 1. С. 52-64.

³⁹ Глебов М. С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 275-293.

⁴⁰ Cull N. J. Public diplomacy: Taxonomies and histories. The annals of the American academy of political and social science, 2008. Vol. 616, no. 1. Pp. 31-54.

Николас Калл отмечает особую важность обратной связи с автором информации, которую тот может оценить через «лайки», «ретвитты» и комментарии в сети. Исследователь считает, что благодаря интернету сила отдельных людей, сплоченных через сеть, стала велика как никогда в истории, что не позволяет игнорировать это в принятии политических решений ⁴¹.

Николас Калл подчеркивал, что, если цель – улучшить взаимоотношения с другой страной, это означает, что обе стороны должны слушать друг друга. Граждане не будут долго терпеть воздействие от кого-то, кто не хочет понять их и исключает возможность изменения самих себя и своих убеждений ⁴².

Наиболее фундаментальный вызов теории Ная представила работа Мануэля Кастельса «Communication Power». Испанский социолог не полемизировал с Наем напрямую, но предложил радикально иную концепцию власти в информационном обществе. Кастельс показал, что в современном мире власть реализуется не через привлекательность культуры и ценностей, а через контроль над коммуникационными сетями, цифровыми инфраструктурами и алгоритмами.

Исследователь обозначил четыре формы власти (рисунок 3).

Среди четырех форм властных отношений Кастельс в первую очередь выделяет власть акторов и организаций, играющих ключевую роль в структуре глобального общества, над теми сообществами и индивидами, которые не включены в эти глобальные сети (*networking power*).

Второй формой является власть, возникающая в результате применения стандартов для координации социальных взаимодействий в сетях (правил включения в сеть, встроенных в сетевые программы).

Третьей формой выступает власть как результат доминирующего положения нескольких сетевых акторов по отношению к другим акторам (*networked power*).

Последняя, четвертая, форма власти (*network-making power*) означает возможность создавать и программировать сети в соответствии с интересами и

⁴¹ Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 1. С. 78-89.

⁴² Концевая Н. А. Паблик Рилейшнз в системе публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 1. С. 52-64.

ценностями «программистов» (тех, кто это осуществляет) и «переключать» (switch) связи между ними, т.е. объединять их цели и ресурсы, обеспечивая стратегическое сотрудничество доминирующих в этих сетях акторов и одновременно защиту от конкурирующих сетей ⁴³.

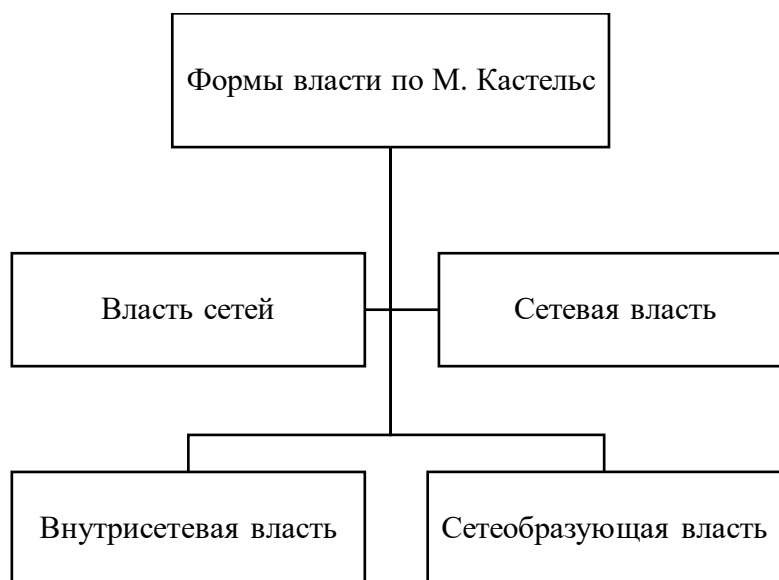

Рисунок 3 – Формы власти по М. Кастельс ⁴⁴

Попытки западных исследователей сохранить аналитическую релевантность концепции «мягкой силы» в цифровую эпоху привели к появлению нового термина – «острая сила» («sharp power»).

Концепция «острая сила» была предложена исследователями Национального фонда демократии (National Endowment for Democracy) Кристофером Уокером и Джессикой Людвиг в 2017 году для описания манипулятивных и принудительных практик влияния авторитарных государств.

Острая сила – «подход к международным делам, который обычно предполагает попытки цензуры или манипуляции для подрыва целостности

⁴³ Соколова М. Е. 2012.04.011. Кастельс М. Сетевая теория власти. Castells M. A network theory of power // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2012. № 4. С. 76-85.

⁴⁴ Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 564 с.

независимых институтов, который использует асимметрию между свободными и несвободными системами, позволяя авторитарным режимам ограничивать свободу слова и деформировать политическую обстановку в демократических странах, одновременно защищая свои внутренние публичные пространства от демократических призывов из-за рубежа»⁴⁵.

Основными инструментами этой «острой силы» Уокер называет следующие (рисунок 4).

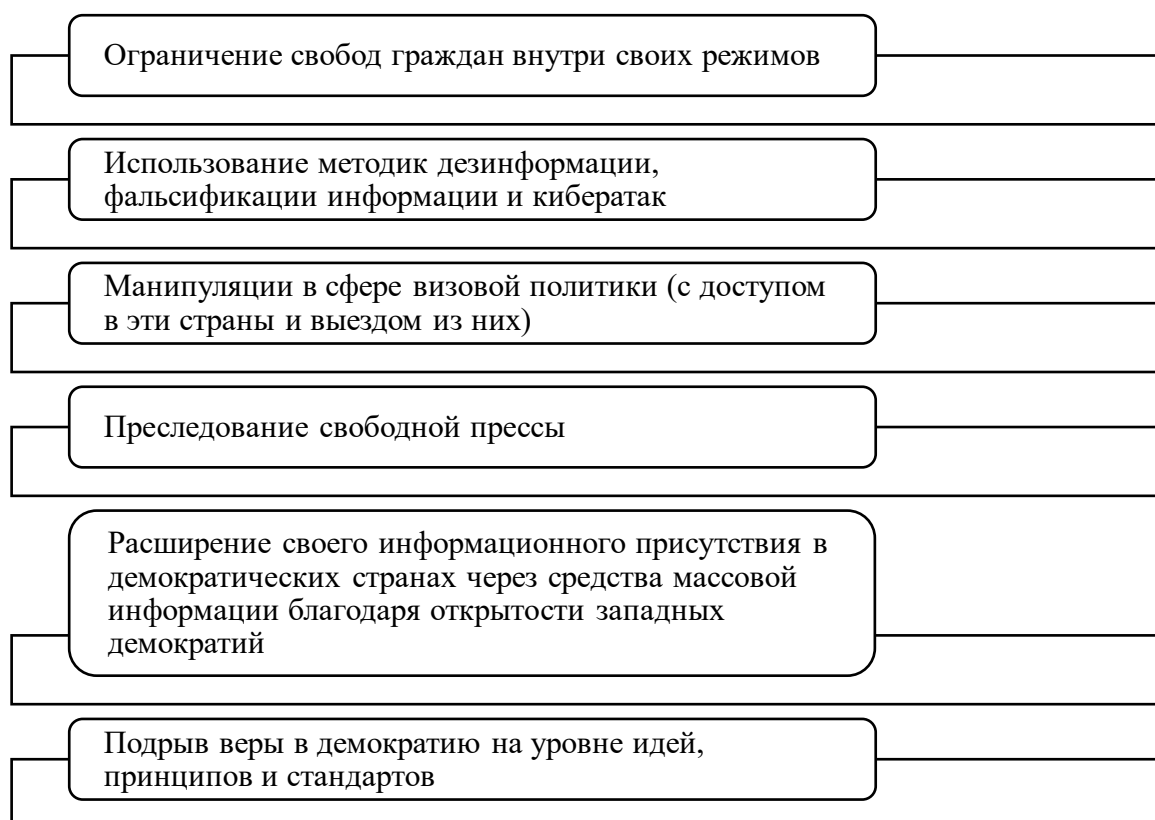

Рисунок 4 – Основные инструменты «острой силы»⁴⁶

Концепция «острая сила» носит политически ангажированный характер: она воспроизводит идеологическую дихотомию «демократия – авторитаризм» и используется преимущественно для критики внешнеполитических стратегий

⁴⁵ Walker C. What Is «Sharp Power»? Journal of Democracy, 2018. Vol. 29, no. 3. Pp. 9-23.

⁴⁶ Walker C. The Authoritarian Threat: The hijacking of «Soft Power». Journal of Democracy, 2016. Vol. 27, no. 1. Pp. 49-63.

России и Китая», приписывая им «нечестную» внешнюю политику в сфере информационных технологий, пропаганды, фальсификации информации, жесткий контроль над СМИ ⁴⁷.

Дихотомия «мягкой силы» и «острой силы» воспроизводит упрощенное разделение на «хороших» демократических и «плохих» авторитарных государств, игнорируя сложность и многообразие современных форм политического влияния. Тот факт, что концепция разработана вице-президентом по исследованиям Национального фонда демократии – организации, основанной Конгрессом США для поддержки свободы по всему миру, выдает ее идеологическую мотивацию ⁴⁸.

Появление концепции «острой силы» свидетельствует о попытке западной теории сохранить аналитическую релевантность за счет морализаторских категорий, что, однако, не решает проблемы описания гибридных стратегий влияния.

Критический анализ эволюции концепции «мягкой силы» показывает необходимость создания нового теоретического инструментария, способного учесть специфику цифровой эпохи и многополярного мира. Сравнительный анализ подходов к «мягкой силе» представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ подходов к политическому влиянию

Автор	Концепция	Ключевые ограничения
Дж. Най	Мягкая сила – «способность влиять на других без принудительного давления» и «возможность побудить других хотеть того же, чего хотите вы».	Игнорирование цифровых медиа; западоцентричность; слабая операционализация
Ж. Мелиссен	Новая публичная дипломатия отошла от навязывания информации иностранцам и «обработки» иностранной прессы для привлечения аудитории на свою сторону	Абстрактное описание цифровой среды
М. Кастельс	Власть реализуется не через привлекательность культуры и ценностей, а через контроль над коммуникационными сетями, цифровыми инфраструктурами и алгоритмами	Недостаточная операционализация сетевой власти

⁴⁷ Махмуд А. Х. «Sharp power». Попытка западных авторов разделить «мягкую силу» на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4-2. С. 186-202.

⁴⁸ Journal of Democracy. Режим доступа: <https://www.journalofdemocracy.org/about/masthead/>.

Продолжение таблицы 1

Автор	Концепция	Ключевые ограничения
П. Бурдьё	Три типа капитала. Экономический капитал «непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности» ⁴⁹ . Социальный капитал — это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений знакомства и признания» ⁵⁰ . Культурный капитал существует в трех состояниях: инкорпорированном («длительные диспозиции ума и тела»), объективированном («культурные товары») и институционализированном (институциональное признание культурного капитала, например ученая степень) ⁵¹	Не учитывает цифровое измерение капитала

Анализ показывает три критические лакуны современных подходов:

1) недооценка цифровых медиа и алгоритмов. Существующие концепции не учитывают роль ИИ, алгоритмической посредничности и платформенной логики в формировании политического влияния.

2) культурная западоцентричная предвзятость. Рейтинги «мягкой силы» построены на либеральных критериях, что создает структурные препятствия для незападных стран.

3) игнорирование этики технологий как нового ресурса. Способность формировать международные стандарты ИИ, защиты данных и цифровых прав человека не рассматривается как источник влияния.

Дальнейшее исследование опирается на представление о цифровой парадигме как интегрирующей рамке, в которой ранее разработанные концепции не отрицаются, а переосмысливаются и развиваются с учетом новых технологических и институциональных условий.

Как отмечает ректор МГИМО А.В. Торкунов, «практика последних лет показывает, что появилось уже более глубокое явление – цифровая трансформация самих политических коммуникаций. Трансграничная электронная торговля,

⁴⁹ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74.

⁵⁰ Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power. Sociological Theory, 1989. Vol. 7, no. 1. Pp. 14-25.

⁵¹ Bourdieu P., Nice R. Outline of a Theory of Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. 249 p.

мгновенное распространение информации в мессенджерах, создание контента с помощью генеративных нейросетей, использование искусственного интеллекта – все это в корне меняет сам подход к работе дипломата»⁵².

Эти технологические трансформации создают принципиально новые условия для политического влияния, которые не укладываются в рамки классической теории «мягкой силы». Если в условиях однополярного мира политическое влияние реализовывалось через процессы формирования культурной привлекательности, то в условиях мгновенного распространения информации и ИИ-генерированного контента успех зависит от понимания когнитивных механизмов восприятия информации целевыми аудиториями.

В современной ситуации формирования конфигурации многополярного мира, а также резкого обострения противостояния между государствами коллективного Запада и Россией классическая «мягкая сила», основанная на универсальной привлекательности либеральных ценностей, теряет свою эффективность. Появляется потребность в новых аналитических инструментах, способных учесть специфику различных цивилизационных моделей и технологические особенности современной коммуникационной среды.

С учетом всего вышеизложенного термин «мягкая сила» в чистом виде уже не может использоваться без дополнительных настроек и элементов, учитывающих новые технологические и геополитические реалии. Необходима разработка дополнительных опций и инструментов, которые позволили бы оперативно управлять процессами влияния на современном этапе, учитывая как внутренние, так и внешние вызовы.

Эволюция стратегий воздействия, отражающаяся в переходе от классических военных форм к современным когнитивным, наглядно демонстрирует трансформацию самой природы влияния. Если ранние формы противостояния были направлены на поражение живой силы противника, а последующие на разрушение инфраструктуры и системы управления, то современный этап

⁵² Интервью ректора МГИМО Анатолия Торкунова // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/30/ii-i-diplomatiiia.html>.

характеризуется переходом к информационно-психологическим и когнитивным методам ⁵³. В рамках этих подходов объектом воздействия становится не физическая структура, а сознание – система восприятия, убеждений и ценностей противника.

Именно здесь проявляется тесная связь между когнитивной войной и «мягкой силой». Когнитивное воздействие представляет собой форму «мягкой силы», в которой происходит смещение акцента с культурного и идеологического влияния к управлению процессами мышления и восприятия. Если «мягкая сила» традиционно предполагает добровольное принятие привлекательных идей, норм и образов, то когнитивное влияние способно формировать эти предпочтения заранее, управляя самим механизмом их возникновения.

В российской политической науке критическое переосмысление концепции «мягкой силы» получило развитие в работах О.Ф. Русаковой.

В статье «Информационно-коммуникативные компоненты "мягкой силы"» был предложен коммуникативно-технологический подход, который выявляет инверсионный характер современных инструментов влияния. Отмечено, что «некоторые практики влияния начинают утрачивать «мягкие» характеристики» и превращаются в собственную противоположность, то есть в инструменты «жесткого» воздействия» ⁵⁴. Информационный компонент «мягкой силы» определялся как «комплекс стратегий, технологий, ресурсов и продуктов, используемых в информационном пространстве в интересах субъектов». Утверждалось, что развитие цифровых технологий привело к появлению новых видов «мягкой силы», таких как цифровая культура, цифровая дипломатия, цифровое управление, цифровая избирательная система». В этих условиях «осуществляется интеграция сетевых технологий, новых и социальных медиа, усиливается их адаптивность к новым реалиям, что в итоге приводит к повышению мобильности структурных компонентов «мягкой силы».

⁵³ Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. 300 с.

⁵⁴ Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 1(56). С. 62-72.

Цифровая парадигма предоставляет возможность рассматривать практики цифровой дипломатии как часть единого цифрового режима формирования влияния и нарративов, где дипломатические инструменты интегрируются с алгоритмическими системами, платформами и медийными цепочками, формируя комплексное поле воздействия на международные аудитории.

В условиях обострения геополитической конкуренции и санкционного давления по отношению к России модель «мягкой силы», апеллирующая к универсальности либеральных ценностей, утрачивает действенность для государств, не разделяющих эту ценностную повестку. Появляется потребность в новых аналитических инструментах, способных учесть специфику различных цивилизационных моделей и технологические особенности современной коммуникационной среды.

Российское научное сообщество указывает на несоответствие западных концепций «мягкой силы» реалиям современного мира. С.В. Чугров отмечает, что «в мире постправды эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности». В таких условиях традиционные механизмы формирования общественного мнения подвергаются кардинальной трансформации, а «механизмы формирования сетевого информационного поля стали задавать парадигму манипулирования всем массовым сознанием»⁵⁵.

И.С. Ашманов и Н.И. Касперская в работе «Цифровая гигиена» анализируют комплекс угроз, с которыми сталкивается личность в виртуальном пространстве⁵⁶:

- киберпреступность;
- цифровую зависимость;
- социальную атомизацию;
- утрату приватности;
- когнитивную деградацию;

⁵⁵ Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59.

⁵⁶ Ашманов И. С., Касперская Н. И. Цифровая гигиена. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 400 с.

- дезинформацию;
- кибербуллинг;
- манипулирование сознанием.

Авторы формулируют принципы «цифровой гигиены» – системы правил и практик, позволяющих распознавать сетевые манипуляции и минимизировать вред от бесконтрольного распространения цифровых технологий

Появление искусственного интеллекта, нейросетей, алгоритмов обработки больших данных создает принципиально иные условия для политического влияния. Как справедливо отмечает А.В. Торкунов, «создание контента с помощью генеративных нейросетей, использование искусственного интеллекта для глубокого анализа социально-политической обстановки – все это в корне меняет сам подход к работе»⁵⁷.

Этот сдвиг находит практическое воплощение в появлении новых форм дипломатического присутствия. Как показывают Е.С. Арляпова и Е.Г. Пономарева⁵⁸, цифровые платформы и социальные медиа становятся самостоятельным каналом «мягкой силы» в условиях, когда традиционное дипломатическое представительство отсутствует или затруднено.

На примере функционирования «зонтика» цифровых каналов USABehFars, авторы демонстрируют, что виртуальное посольство, даже при блокировке основного веб-ресурса, способно служить прямым каналом коммуникации с населением, минуя официальные структуры.

Данные иллюстрируют более широкую тенденцию: в цифровую эпоху публичная дипломатия трансформируется из монологической в диалоговую, а виртуальное присутствие может становиться полноценным инструментом международного влияния, особенно в регионах, где традиционная дипломатия затруднена.

⁵⁷ Интервью ректора МГИМО Анатолия Торкунова // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/30/ii-i-diplomatia.html>.

⁵⁸ Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысляя американский опыт) // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 3. С. 32-47.

Попытки механического применения западных подходов к «мягкой силе» в российском контексте неизбежно сталкиваются с цивилизационными ограничениями и культурными барьерами. Российская цивилизационная модель основана на принципах соборности, духовности и державности. Поэтому такие инструменты политического влияния, учитывающие специфику национального менталитета и когнитивных особенностей восприятия информации в различных культурных контекстах.

В рамках изучения трактовок «мягкой силы» заслуживает внимания исследование И.А. Андреева, в котором обосновывается принципиальная многовариантность моделей «мягкой» силы⁵⁹. Автор говорит о том, что «мягкая» сила не имеет какой-то одной «канонической» формы, а ее эффективность должна оцениваться не с точки зрения соответствия какой-либо образцовой модели (например, американской), а с учетом наличных ресурсов, конкретных интересов и целей применяющих ее политических субъектов.

Таким образом, классическое понятие «мягкой силы» требует концептуального уточнения и дополнения с учетом технологических и геополитических реалий. Необходима разработка теоретических конструктов, которые позволили бы оперативно управлять процессами влияния на современном этапе, учитывая как внутренние, так и внешние вызовы.

В то же время классические концепции «мягкой силы», публичной дипломатии и «острой» силы важно рассматривать не как устаревшие и подлежащие полному отказу, а как важные исследовательские основания, которые сохраняют эвристический потенциал в цифровой парадигме.

Цифровой поворот следует понимать как эволюционное развитие предшествующих подходов, позволяющее уточнить механизмы влияния, добавить измерение платформенности и алгоритмичности, а также по-новому интерпретировать взаимодействие государств, корпораций и гражданских сообществ.

⁵⁹ Андреев И. А. Феномен «мягкой» силы: концептуальные, институциональные и технологические аспекты : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.2. Москва, 2023. 23 с.

1.2 Рейтинги «мягкой силы» как инструмент политтехнологий

Первый опыт операционализации и измерения «мягкой силы» как политической технологии был совершен в исследовании Soft Power Index, которое с 2010 года ежегодно публиковалось Институтом управления совместно с британским журналом Monocle. В результате сотрудничества был создан индекс The New Persuaders⁶⁰, который рассчитывался с 2010 по 2012 гг.

Индекс учитывал «объективную и субъективную» стороны «мягкой силы», что предполагало сочетание количественных и опросных данных в соотношении 7 к 3⁶¹.

Индекс складывается из пяти категорий индикаторов: управление, культура, дипломатия, образование и бизнес/инновации, а также включает ряд субъективных категорий, предлагаемых экспертами. Каждый из этих индексов подразделяется на соответствующие подындексы⁶².

Индекс TNP был первой попыткой измерения «мягкой силы» и поэтому, несмотря на методологические недостатки, индекс TNP заложил основу для последующих исследований.

На основе данного опыта был создан рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30, запущенный в 2015 году британской консалтинговой компанией Portland Communications под руководством Джонатана МакКлори⁶³

Методология The Soft Power 30 основывалась на комбинации «объективных данных» и результатов опросов общественного мнения, охватывавших 7500 человек в 20 странах мира. Важной особенностью данного подхода стало то, что результаты опросов имели меньшее влияние на общий результат по сравнению с другими показателями, поскольку авторы стремились оценить прежде всего ресурсы или «активы» «мягкой силы». Новизна SP30 заключалась во включении

⁶⁰ Гриневич П. А., Бочарова А. П., Стукал Д. К. Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям // Полит. наука. 2024. № 2. С. 38-43.

⁶¹ McClory J. The New Persuaders. London : Institute for Government, 2010. 15 p.

⁶² Галларотти Д. М. Как измерять «мягкую силу» в политических коммуникациях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89-103.

⁶³ The Soft Power 30. Режим доступа: <https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power30.pdf>.

нового субиндекса, отвечающего за информационную открытость и доступность, а также в замене экспертных оценок социологическими опросами ⁶⁴.

The Soft Power 30 просуществовал до 2019 года, когда третье, четвертое и пятое издания (2017, 2018 и 2019) выпускались в сотрудничестве с Центром публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии ⁶⁵.

Новым этапом развития рейтингов «мягкой силы» стало появление рейтинговой системы Brand Finance Global Soft Power Index, чьи данные были впервые опубликованы в 2019 г. ⁶⁶

Этот рейтинг показал кардинально иной масштаб и методологический подход по сравнению с предшественниками.

Brand Finance Global Soft Power Index с 2020 года ежегодно ранжирует страны по уровню их «мягкой силы». Индекс 2024-2025 годов представляет собой пример того, как западные исследовательские организации претендуют на создание универсальной системы измерения, однако методология рейтинга содержит имплицитные ценностные предпочтения.

Методология Глобального рейтинга «мягкой силы» (Global Soft Power Index) включает три основных компонента. Первый – ключевые показатели эффективности (KPI), среди которых:

- известность – насколько хорошо известна страна;
- репутация – насколько позитивно воспринимается страна;
- влияние – считается ли, что страна оказывает влияние на другие государства ⁶⁷.

Второй компонент – 35 атрибутов национального бренда, распределенных по 8 категориям «мягкой силы» ⁶⁸:

1) бизнес и торговля:

⁶⁴ Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30 // ИМЭМО РАН. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sili-the-soft-power-30>.

⁶⁵ Contributors to Soft Power 30 // USC Center on Public Diplomacy. Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/users/softpower30>.

⁶⁶ Global Soft Power Index // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandirectory.com/softpowe>.

⁶⁷ Методология составления рейтинга «мягкой силы» Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/>.

⁶⁸ Understanding the Global Soft Power Index 2025 // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/insights/understanding-the-global-soft-power-index-2025>.

- сильная и стабильная экономика;
- продукты и бренды, которые любит мир;
- легко вести бизнес;
- потенциал будущего роста.

2) международные отношения:

- влиятельные дипломатические круги;
- помощь нуждающимся странам;
- хорошие отношения с другими странами.

3) образование и наука:

- передовые технологии и инновации;
- развитая наука;
- сильная образовательная система;
- инвестиции в исследование космоса.

4) культура и наследие:

- влиятельные в искусстве и развлечениях;
- еда, которую любит мир;
- великое место для посещения;
- лидер в спорте;
- привлекательный образ жизни;
- богатое наследие.

5) управление:

- международно-признанные правительственные лидеры;
- политическая стабильность и хорошее управление;
- высокие этические стандарты и низкая коррупция;
- безопасность и защита;
- уважение закона и прав человека.

6) медиа и коммуникации:

- за делами следят внимательно;
- легко общаться;
- влиятельные медиа;

- надежные медиа.

7) устойчивое будущее:

- инвестиции в зеленую энергетику и технологии;
- устойчивые города и транспорт;
- действия по защите окружающей среды;
- поддержка глобальных усилий по борьбе с изменением климата.

8) люди и ценности:

- заслуживающие доверия;
- щедрые;
- дружелюбные;
- веселые;
- толерантные и инклюзивные.

Эта детализированная структура выявляет западоцентричность методологии Brand Finance. Практически все атрибуты отражают определенную модель политических ценностей и критерии эффективности, характерные для конкретного типа политических систем. Такие категории, как «высокие этические стандарты и низкая коррупция», «уважение закона и прав человека», «толерантные и инклюзивные» смещает фокус в сторону государств с западной политической системой.

Для стран БРИКС эта система оценки создает структурные препятствия. Например, альтернативные модели политического управления (как в Китае или России) оказываются в заведомо невыгодном положении по столпу «Управление», независимо от их эффективности. Коллективистские политические ценности, характерные для азиатских и африканских культур, плохо вписываются в индивидуалистические критерии столпа «Люди и ценности».

Также проблематичным является игнорирование цифровых политических технологий и технологического суверенитета – ни один из 35 атрибутов не оценивает способность стран создавать собственные цифровые платформы и технологические экосистемы, что является важным элементом современного политического влияния.

Атрибуты не учитывают современные цифровые политические технологии: алгоритмическое воздействие на общественное мнение, технологии управления информационными потоками, применение ИИ в политических процессах или способность создавать собственные цифровые экосистемы. Это критическое упущение в эпоху, когда цифровые платформы определяют политические информационные потоки.

Эти методологические ограничения подтверждают необходимость разработки альтернативной панели индикаторов ЦКК, которая учитывала бы многообразие цивилизационных моделей и специфику незападных подходов к международному влиянию.

Третий компонент – рекомендуемое измерение (дополнительный показатель), где Brand Finance исследует привлекательность страны в сферах инвестиций, торговли, работы, учебы и туризма.

Система весов в индексе распределена следующим образом: влияние (influence) получает 30% от общего веса KPI, тогда как знакомство и репутация – лишь по 10% каждый. Это отражает ориентированное на действие определение «мягкой силы», как указывают сами создатели индекса, но такое взвешивание смещает фокус в сторону государств, обладающих значительным экономическим и военным потенциалом, способным проецировать прямое влияние, что противоречит классическому пониманию «мягкой силы» как влияния через привлекательность.

В 2025 году исследование охватило 173 602 респондента в 102 странах. Оценивается 193 национальных бренда (страны). Данные собираются онлайн. Используется метод «случайного набора», где респондент оценивает случайные страны. Мнение российских экспертов при составлении рейтинга было исключено в 2023 г. и в 2024 г. В 2025 г. Brand Finance включил мнение россиян в опрос 2025 года.

В 2023 г. Россия была на 13 месте, снизив позиции с 4 места ⁶⁹.

⁶⁹ Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. Режим доступа: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf>.

В 2024 г. рейтинг России опустился еще на 3 позиции (16 место) ⁷⁰.

Решение Brand Finance исключить российские мнения в 2023-2024 годах, а затем вернуть их в 2025 году показывает политизированность научной методологии. Организаторы признают, что возвращение российских респондентов было сделано для получения «целостного обзора восприятия национальных брендов, учитывающего все географические перспективы», но подобная избирательность в сборе данных подрывает научную валидность инструмента.

Методология составления рейтинга «мягкой силы» делает его частью социально-политического процесса. Этот процесс состоит из нескольких этапов – от сбора данных до их интерпретации, а затем и публичного распространения. В результате рейтинг становится элементом глобальной политической коммуникации, влияя на восприятие стран и их репутацию в политическом пространстве.

Анализ результатов Brand Finance Global Soft Power Index выявляет существенные методологические ограничения при оценке стран БРИКС и других незападных государств.

В 2024 году среди стран БРИКС только Китай занял 3-е место в рейтинге, в то время как остальные участники показали значительно худшие результаты: Индия – 29-е место, Бразилия – 31-е место, Южная Африка опустилась на рекордно низкое 43-е место, а Россия находится на 16-м месте ⁷¹.

Исследование отмечает, что Индия, Бразилия и Южная Африка не реализуют свой потенциал «мягкой силы», поскольку все три страны имеют относительно высокие показатели известности и влияния, особенно в своих регионах, но занимают более низкие позиции по репутации ⁷².

Парадоксально, что в рейтинге «Потенциала будущего роста» страны БРИКС демонстрируют иные результаты. Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка

⁷⁰ Global Soft Power Index 2024 // Brand Finance. Режим доступа: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf>.

⁷¹ Brand Finance's Global Soft Power Index 2024. Режим доступа: <https://brandfinance.com/press-releases/brand-finances-global-soft-power-index-2024-usa-and-uk-ranked-top-nation-brands-china-takes-third-place-overtaking-japan-and-germany>.

⁷² Global Soft Power Index 2024. Режим доступа: <https://defencepk.com/forums/threads/brand-finances-global-soft-power-index-2024-usa-and-uk-ranked-top-nation-brands-china-takes-third-place-overtaking-japan-and-germany.6288/>.

представлены в топ-10 данного показателя, при этом Россия, Южная Африка и Бразилия занимают соответственно 6-е, 8-е и 9-е места ⁷³.

Данное противоречие указывает на фундаментальные проблемы в методологии основного рейтинга, которая недооценивает альтернативные формы политического влияния и цивилизационные модели, характерные для стран БРИКС.

Выявленные методологические ограничения западных рейтингов «мягкой силы» стимулируют страны БРИКС к формированию альтернативных механизмов международного влияния, основанных не на соответствии западным критериям привлекательности, а на практическом многостороннем сотрудничестве в критически важных сферах. Показательным является опыт институционализации взаимодействия в области цифровых технологий и международной информационной безопасности, где объединение демонстрирует способность создавать собственные форматы влияния, игнорируемые традиционными рейтингами.

Практическое содержание сотрудничества реализуется через разветвленную сеть специализированных рабочих групп по противодействию терроризму, вопросам сотрудничества в сфере информационно-коммуникационных технологий, передовым технологиям, информационной безопасности и другим направлениям ⁷⁴.

Смежное направление анализа представлено в диссертационном исследовании В.Г. Иванова, посвященном концептуализации феномена «charts power» («рейтинговой власти») как самостоятельного инструмента политического и экономического влияния ⁷⁵. Автор вводит в научный оборот понятие «рейтинговой власти», понимаемой как способность субъектов, разрабатывающих

⁷³ Future Growth Potential: Japan Soars and BRICS Build Strength // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/insights/future-growth-potential>.

Global Soft Power Index // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandirectory.com/softpowe>.

⁷⁴ Особенности политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Режим доступа: <https://namib.online/wp-content/uploads/2024/05/BRICS.pdf>.

⁷⁵ Иванов В. Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 23.00.01. Москва, 2016. 66 с.

и продвигающих межстрановые сравнительные рейтинги и индексы, оказывать воздействие на принятие политических и экономических решений, формирование общественного мнения и имидж государств на международной арене. В.Г. Иванов демонстрирует, что суверенные кредитные рейтинги, индексы политической стабильности, качества государственного управления, развития демократии и другие подобные инструменты, несмотря на претензии на объективность и научность, часто несут в себе имплицитные ценностные установки и могут использоваться как «рейтинговое оружие» в геополитическом противостоянии. Также внимание уделяется механизмам легитимизации неолиберальной идеологии через «рейтинговую инфраструктуру» и формированию «рейтингового мышления» среди элит и экспертного сообщества. Данный подход напрямую перекликается с проведенным в настоящей диссертации критическим анализом западоцентричности рейтингов «мягкой силы» и обосновывает необходимость создания альтернативных систем оценки, учитывающих многообразие цивилизационных моделей и специфику незападных подходов к международному влиянию.

Таким образом, проведенный анализ эволюции и методологии рейтингов «мягкой силы» демонстрирует их трансформацию из исследовательского инструмента в полноценную политическую технологию, обладающую значительным влиянием на формирование международного восприятия государств. Начиная с первого опыта операционализации концепции «мягкой силы» в индексе The New Persuaders, созданном Институтом управления совместно с журналом Monocle в 2010 году, и заканчивая современным Brand Finance Global Soft Power Index, охватывающим более 170 тысяч респондентов в 102 странах, рейтинги прошли путь от экспериментальных попыток измерения до масштабных инструментов политической коммуникации.

Методологическая эволюция рейтингов выявляет устойчивую тенденцию к западоцентричности критериев оценки. Если индекс TNP сочетал количественные и опросные данные в соотношении семь к трем, стремясь охватить объективную и субъективную стороны «мягкой силы» через пять категорий индикаторов

(управление, культура, дипломатия, образование и бизнес-инновации), то последующие рейтинги, включая The Soft Power 30 и особенно Brand Finance Global Soft Power Index, показывают системное смещение в сторону либерально-демократических ценностей. Детализированная структура Brand Finance с восемью категориями и тридцатью пятью атрибутами национального бренда фактически кодифицирует западную модель политического устройства как универсальный стандарт эффективности.

Критический анализ методологии Brand Finance обнаруживает структурные препятствия для объективной оценки стран с альтернативными цивилизационными моделями. Такие атрибуты, как высокие этические стандарты и низкая коррупция, уважение закона и прав человека, толерантность и инклюзивность, изначально благоприятствуют странам западного политического типа, в то время как альтернативные модели управления автоматически получают низкие баллы независимо от их реальной эффективности. Коллективистские ценности, характерные для азиатских и африканских культур, оказываются дискриминированы в индивидуалистической системе оценки столпа «люди и ценности».

Также показательным является полное игнорирование цифровых политических технологий в системе атрибутов Brand Finance. Ни один из тридцати пяти критериев не учитывает способность государств создавать собственные цифровые платформы и технологические экосистемы, алгоритмическое воздействие на общественное мнение, технологии управления информационными потоками или применение искусственного интеллекта в политических процессах. Данное упущение становится критическим в эпоху, когда цифровые платформы определяют глобальные информационные потоки и формируют общественное сознание, превращаясь в ключевой инструмент современного политического влияния.

О политической ангажированности рейтинговой методологии свидетельствует изменение подхода Brand Finance к включению российских респондентов: их исключение из опросов в 2023–2024 гг. и последующее

возвращение в 2025 г. под предлогом обеспечения целостного обзора восприятия национальных брендов.

Изменение состава респондентов совпало с понижением рейтинговых позиций России: с 4-го места в 2022 г. до 13-го в 2023 г. и 16-го в 2024 г.

Методологическое противоречие выявляется при сопоставлении основного рейтинга с показателем потенциала будущего роста. В то время как в общем рейтинге две тысячи двадцать четвертого года среди стран БРИКС только Китай занял третье место, а Индия, Бразилия и Южная Африка показали результаты от двадцать девятого до сорок третьего места, в рейтинге потенциала будущего роста все страны объединения представлены в первой десятке, причем Россия, Южная Африка и Бразилия занимают соответственно шестое, восьмое и девятое места. Это противоречие указывает на фундаментальную неспособность основной методологии адекватно оценивать альтернативные формы политического влияния и цивилизационные модели развития.

Рейтинги «мягкой силы», таким образом, функционируют не как нейтральный научный инструмент измерения, а как элемент глобальной политической коммуникации, встроенный в многоэтапный социально-политический процесс от сбора данных до их интерпретации и публичного распространения.

Их методология отражает и одновременно конструирует определенную иерархию политических систем и ценностей, легитимируя западную модель как универсальный стандарт и маргинализируя альтернативные цивилизационные проекты.

Выявленные методологические ограничения и структурные предубеждения существующих рейтингов обосновывают необходимость разработки альтернативной системы индикаторов, способной учитывать многообразие цивилизационных моделей, специфику незападных подходов к международному влиянию и критическую роль цифровых технологий в современном политическом пространстве.

1.3 Этические аспекты «мягкой силы» в цифровую эпоху

Наиболее системный подход к регулированию ИИ как политической технологии среди стран БРИКС реализуется в Китае. В июне 2019 года Министерство науки и технологий КНР опубликовало «Принципы управления искусственным интеллектом нового поколения: развитие ответственного искусственного интеллекта». Документ содержит восемь основных принципов: «гармония и дружелюбие, справедливость, инклюзивность и совместное использование, уважение к частной жизни, безопасность и контролируемость, общая ответственность, открытое сотрудничество, гибкое управление»⁷⁶.

Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями Интернет-информационной службы вступили в силу в Китае 1 марта 2022 года. Данный нормативный акт функционально сопоставим с европейскими регламентами DMA и DSA. Разработанные Администрацией киберпространства Китая положения требуют, чтобы поставщики персонализированных рекомендаций на основе искусственного интеллекта в мобильных приложениях поддерживали права пользователей, включая защиту несовершеннолетних от вреда и предоставление пользователям возможности выбирать или удалять теги об их личных характеристиках.

Положения регламента сгруппированы по трем основным категориям: общие положения, нормы информационных услуг и защита прав пользователей. Эти положения затрагивают американские и международные компании, которые используют алгоритмы и/или машинное обучение в своих приложениях или веб-сайтах, работающих в Китае, поскольку от них ожидается их соответствие.

Статья 13 запрещает алгоритмическое генерирование фейковых новостей и требует, чтобы поставщики онлайн-услуг, которые также работают в онлайн-новостях, добивались специального лицензирования.

⁷⁶ Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Искусственный интеллект в политике ЕС и КНР // Современная Европа. 2024. № 4 (125).

Статья 19 предлагает особую защиту пожилым людям, требуя от поставщиков онлайн-услуг удовлетворять потребности пожилых пользователей, особенно в контексте предотвращения мошенничества.

Среди прочего, регламент запрещает фальшивые счета и продвижение контента, вызывающего привыкание.

Особенностью китайского подхода является переход от принципов к конкретному регулированию. 15 августа 2023 года вступили в силу «Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта», которые стали «первым специальным административным регулированием Китая по управлению услугами генеративного ИИ»⁷⁷.

Уделяя внимание регулированию цифровых платформ и синтетического контента (deepfakes), китайское правительство создало комплексную защиту от широкого спектра рисков, связанных с внедрением ИИ.

Несмотря на критику в связи с потенциальными ограничениями свободы слова, данные законы создают важный нормативный прецедент, формируя стандарты безопасного использования ИИ.

Данные правила распространяются также на международные компании, работающие в Китае, от которых требуется соблюдение установленных норм⁷⁸.

Правила направлены на то, чтобы сбалансировать инновации и правовое управление, и основаны на пяти ключевых принципах.

Генеративный ИИ должен придерживаться основных социалистических ценностей Китая и не должен ставить под угрозу национальную безопасность или интересы или способствовать дискриминации и другому насилию или дезинформации. Необходимо принять меры для предотвращения дискриминации по этническому признаку, убеждениям, национальности, региону, полу, возрасту, роду занятий и здоровью, возникающей в результате генеративного ИИ. Генеративный ИИ должен уважать права интеллектуальной собственности и

⁷⁷ Ли Я. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 245-267.

⁷⁸ Making Sense of China's AI Regulations // Holistic AI. Режим доступа: <https://www.holisticai.com/blog/china-ai-regulation>.

деловую этику, чтобы избежать недобросовестной конкуренции и обмена коммерческой тайной. Генеративный ИИ должен уважать права других и не ставить под угрозу физическое или психическое здоровье других. Необходимо принять меры для повышения прозрачности, точности и надежности. Требования к ИИ-системам в Китае включают четыре основных направления.

В области защиты данных и персональной информации необходимо соблюдать существующие законы о защите данных и персональной информации, а также создавать системы управления для проверки алгоритмов, регистрации пользователей и защиты детей среди прочих мер.

Требования прозрачности предполагают разработку руководящих принципов, критериев и процедур для распознавания ложной или вредной информации, формирование и раскрытие правил управления платформами, а также внедрение систем аутентификации реальной личности.

Управление контентом и маркировка требуют обязательного устранения фейковых новостей, ведения записей и сообщения о таких случаях соответствующим органам власти.

Техническая безопасность подразумевает периодическую проверку алгоритмов и проведение оценки безопасности при предоставлении моделей, шаблонов и других инструментов.

26 октября 2021 года в России был подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта», разработанный Альянсом в сфере искусственного интеллекта совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ и Минэкономразвития.

Российская модель этического регулирования ИИ основана на принципах добровольного саморегулирования индустрии. Как отметил заместитель председателя Правительства РФ Дмитрий Чернышенко, «уровень доверия к искусственному интеллекту в России достаточно высок – порядка 48%, по данным ВЦИОМ»⁷⁹.

⁷⁹ В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта» // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html>.

Как отмечается в анализе экспертов, «выработка этических норм заявлена одним из пунктов программы «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490.

Кодекс состоит из 33 пунктов и устанавливает «общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта»⁸⁰.

Документ прошел широкое обсуждение – в указанной разработке приняли участие свыше 500 экспертов в области IT-технологии, а в период создания Кодекса, состоящего из 33 пунктов, было внесено порядка 300 предложений⁸¹.

Среди ключевых принципов – «ответственность, предосторожность, риск-ориентированность, безопасность, подконтрольность, человекоцентричность, нравственность, сотрудничество, недискриминация и поднадзорность»⁸².

Основополагающим принципом выступает гуманистическая направленность технологий ИИ. «При развитии технологий ИИ человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность. Разрабатываемые Акторами технологии ИИ должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и наивысшего расцвета личности»⁸³.

Важный акцент в кодексе установлен в вопросах справедливости применения ИИ: «Акторам рекомендуется создавать и применять методики и программные решения, выявляющие и препятствующие возникновению дискриминации по признакам расовой, национальной, половой принадлежности, политических взглядов, религиозных убеждений, возраста, социального и экономического статуса». Также, согласно кодексу, акторы ИИ не должны допускать передачи

⁸⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://base.garant.ru/406862712>.

⁸¹ Игнатенко В. А. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: попытка внедрения безопасных технологий или воззвание к совести акторов // Высотехнологичное право: генезис и перспективы : Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24–25 февраля 2022 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 88-93.

⁸² В России подписан Кодекс этики искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://edurobots.org/2021/10/ai-ethics/>.

⁸³ Этика в сфере ИИ. Режим доступа: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf.

полномочий ответственного нравственного выбора СИИ, делегировать ответственность за последствия принятия решений СИИ – за все последствия работы СИИ всегда должен отвечать человек.

Принятие Кодекса является важным шагом в развитии этического регулирования ИИ в России. Еще требуются значительные усилия научного сообщества, практикующих IT-технологов, заинтересованных государственных структур и гражданского общества для совершенствования этических стандартов и принятия нормативных правовых актов, регулирующих сферу ИИ.

10 декабря 2024 года Сенат Бразилии одобрил законопроект PL № 2338/2023, устанавливающий национальную нормативную базу для разработки, использования и управления системами ИИ в Бразилии ⁸⁴.

Бразильский законопроект об ИИ направлен на установление руководящих принципов и требований, защиту прав человека и наказание за несоблюдение. Законопроект использует риск-ориентированный подход к регулированию систем искусственного интеллекта. Он устанавливает более строгие правила для систем высокого риска, которые могут повлиять на общественную безопасность или основные права человека.

Разработчикам и пользователям искусственного интеллекта необходимо будет сделать свои системы справедливыми, прозрачными и простыми для понимания. Законопроект соответствует Общему закону Бразилии о защите данных (LGPD) для защиты конфиденциальности. Также планируется создать новый орган для надзора за правилами искусственного интеллекта и обеспечения соблюдения правил. Ключевые особенности законопроекта:

1) законопроект будет применяться к разработке, внедрению и использованию ИИ в Бразилии.

2) законопроект устанавливает обязательства на поставщиков и операторов систем искусственного интеллекта, независимо от того, являются ли они физическими или юридическими лицами.

⁸⁴ Artificial Intelligence Act. Режим доступа: <https://artificialintelligenceact.com/brazil-ai-act>.

3) законопроект использует подход, основанный на оценке рисков, который запрещает системы искусственного интеллекта с повышенным риском и налагает дополнительные требования безопасности на системы ИИ с высоким риском.

4) законопроект позволит разработчикам использовать материалы, защищенные авторским правом, для обучения моделей искусственного интеллекта, если материал был получен в некоммерческих целях.

5) штрафы за несоблюдение законопроекта могут достигать 50 миллионов бразильских реалов (приблизительно. \$1,6 млн) или 2% от общего оборота.

Законопроект определяет «центральность человеческой личности, ответственные инновации, конкурентоспособность рынка ИИ и внедрение безопасных и надежных систем»⁸⁵.

Принятая в Сенате Бразилии, текущая версия законопроекта по-прежнему требует дальнейшего анализа в Палате представителей и одобрения президента, прежде чем он сможет быть подписан и вступить в силу.

Нормативно-правовая база определяет набор прав, предназначенных для защиты отдельных лиц или групп, затронутых системами ИИ, таких как:

1) право на четкую, доступную информацию об использовании ИИ в их взаимодействии с такими системами;

2) право требовать пересмотра автоматизированных решений людьми при определенных обстоятельствах;

3) право на недискриминацию (незаконную или злоупотребляющую), а также право на исправление прямой или косвенной дискриминационной предвзятости.

Законопроект классифицирует системы искусственного интеллекта на основе степени их риска, которая основана на предварительной оценке агентов искусственного интеллекта – разработчиков систем, дистрибьюторов и разработчиков приложений, которые работают внутри и работают с цепочками создания стоимости системы искусственного интеллекта и внутренним управлением.

⁸⁵ Regulatory framework for artificial intelligence passes in Brazil's Senate // Mattos Filho. Режим доступа: <https://www.mattosfilho.com.br/en/unico/framework-artificial-intelligence-senate>.

Системы искусственного интеллекта можно разделить на две категории (таблица 2).

Таблица 2 – Категории систем искусственного интеллекта

Категория	Характеристика
Системы чрезмерного риска	– системы искусственного интеллекта, используемые с целью манипулирования поведением с целью нанести вред здоровью, безопасности или основным правам других лиц; – использование в автономных системах вооружения и возвращение сбежавших осужденных.
Системы высокого риска	– системы искусственного интеллекта, используемые для управления и эксплуатации критически важной инфраструктуры (управление дорожным движением, водоснабжение и электроснабжение); – отправление правосудия; автономные транспортные средства; набор, проверка, фильтрация и оценка кандидатов на работу; сектор здравоохранения; – биометрические системы идентификации и аутентификации для распознавания эмоций, среди прочего.

Нормативно-правовая база позволит разрабатывать, внедрять и использовать системы высокого риска в Бразилии при условии, что агенты искусственного интеллекта соблюдают конкретные обязательства. Как правило, эти системы будут подвергаться алгоритмической оценке воздействия, надзору со стороны человека и мерам прозрачности для минимизации рисков для здоровья, безопасности и основных прав затронутых лиц или групп.

ИИ остается в значительной степени нерегулируемым в Южной Африке. Существующее законодательство регулирует некоторые виды деятельности, осуществляемые организациями, использующими ИИ, включая Закон о защите личной информации, Закон об авторском праве, Закон о патентах и Закон о конкуренции. В августе 2024 года Департамент связи и цифровых технологий ЮАР выпустил «Концептуальные рамки политики искусственного интеллекта», направленные на баланс между преимуществами ИИ и этическими, социальными и экономическими соображениями. Концепция подчеркивает человеко-ориентированный ИИ и определяет стратегические столпы, такие как развитие

талантов, цифровая инфраструктура и этические принципы конфиденциальности⁸⁶.

В документе для обсуждения вопросов планирования ИИ Южной Африки отмечаются следующие области регулирования, подлежащие рассмотрению в будущем:

1) дезинформация и фейковые новости, генерируемые с помощью приложений и программного обеспечения Generative AI.

2) предвзятость и дискриминация, которые могут проявляться разработчиками и пользователями ИИ.

3) злоупотребление авторскими правами в соответствии со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

4) конфиденциальность для защиты личных, частных и общедоступных данных⁸⁷.

В документе рассматривается оптимальная форма регулирования в отношении следующего:

1) антиконкурентное поведение должно быть сосредоточено на предоставлении ключевых моделей искусственного интеллекта или других факторов, способствующих этому, среди небольшого числа игроков.

2) риски в роботизированных или автономных устройствах, которые используют искусственный интеллект для принятия решений о действиях, таких как автономные автомобили с поддержкой искусственного интеллекта.

3) резкое сокращение рабочих мест, приводящая к социальным рискам.

4) преступное поведение или иные угрозы общественной безопасности.

5) экзистенциальные риски должны ИИ «выйти из-под контроля» и преследовать цели, наносящие ущерб человечеству.

6) риски распространения военных ИИ-технологий в гражданской сфере, которые приведут к усилению преступного поведения.

⁸⁶ AI Watch: Global regulatory tracker – South Africa // White & Case. Режим доступа: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/ai-watch-global-regulatory-tracker-south-africa>.

⁸⁷ AI national government summit discussion document. Режим доступа: https://www.dcdt.gov.za/images/phocadownload/AI_Government_Summit/National_AI_Government_Summit_Discussion_Document.pdf.

Южноафриканский подход отличается фокусом на социальную справедливость. Как отмечается в анализе, «существует риск усиления хорошо документированных предубеждений в алгоритмах ИИ, если это не будет тщательно решено, что создает глубокие этические проблемы»⁸⁸.

30 июля 2024 года ОАЭ запустили новую «Хартию ИИ», направленную на поддержку стратегии ИИ до 2031 года с акцентом на «благополучие людей, безопасность, конфиденциальность и прозрачность в разработке и использовании ИИ».

Хартия определяет 12 принципов для обеспечения этичной и инклюзивной реализации технологий ИИ, подчеркивая «управление, подотчетность и соблюдение международных и местных законов».

ОАЭ стремятся «установить принципы, которые формируют основу для разработки, развертывания и управления искусственным интеллектом в ОАЭ» и «укрепить стратегическое положение ОАЭ как мирового лидера в области искусственного интеллекта»⁸⁹.

Среди принципов «безопасность, приоритет физической и цифровой безопасности людей и сообществ; человеческие ценности, обеспечивающие уважение к достоинству и правам человека; устойчивость, способствующую экологической устойчивости; и защиту конфиденциальности».

Государственные органы и регулирующие органы ОАЭ также выпустили руководств для поддержки разработки передового опыта в области ИИ. Например, Управление ИИ опубликовало ряд необязательных национальных руководств, касающихся ИИ, в том числе:

1) руководство по дипфейку (2021) – предоставляет информацию о дипфейках, а также дает рекомендации по мерам защиты от дипфейков и рекомендации о том, как сообщать о дипфейках соответствующим органам

⁸⁸ AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI. Режим доступа: <https://ainowinstitute.org/publications/reflections-on-south-africas-ai-industrial-policy>.

⁸⁹ UAE's International Stance on Artificial Intelligence Policy // UAE Legislation. Режим доступа: <https://uaelegislation.gov.ae/en/policy/details/uae-s-international-stance-on-artificial-intelligence-policy>.

2) руководство по этике ИИ (2022 г.) – устанавливает необязательные руководящие принципы в отношении этического проектирования и развертывания систем искусственного интеллекта как в государственном, так и в частном секторах

3) руководство по внедрению ИИ в государственных службах (2023 г.) – стремится повысить осведомленность, ускорить воздействие ИИ и предоставить постоянно обновляемое хранилище четких вариантов использования в отношении развертывания ИИ в государственных службах

4) рамки ответственного метавселенного самоуправления (2023 г.) – технический документ, целью которого является установление общих минимальных принципов саморегулирования в отношении ответственного использования в метавселенной ⁹⁰.

В Египте существует Национальный совет по искусственному интеллекту, созданный в 2019 году ⁹¹. Египет запустил национальную стратегию искусственного интеллекта для использования данной технологии для достижения целей устойчивого развития страны ⁹².

Это второе издание Национальной стратегии искусственного интеллекта на 2025-2030 годы. Его видение состоит в том, чтобы создать инклюзивную структуру искусственного интеллекта, которая поддерживает цифровой Египет, способствуя социальному и экономическому развитию на благо всех египтян. Стратегия также направлена на создание национальной основополагающей модели для стимулирования промышленного роста и содействия региональному и международному сотрудничеству, позиционируя Египет как лидера в области искусственного интеллекта в Африке и арабском регионе, одновременно повышая его роль на глобальной арене. Миссия, вытекающая из этого видения, сосредоточена на развитии надежной индустрии искусственного интеллекта, поддерживаемой сильным управлением, передовыми технологиями, надежными

⁹⁰ Руководства в области ИИ // UAE. Режим доступа: <https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/AI-DeepFake-Guide-EN-2021.pdf>.

⁹¹ AI Policy Egypt // Nemko. Режим доступа: <https://digital.nemko.com/regulations/ai-policy-egypt>.

⁹² Egypt National Artificial Intelligence Strategy // Ministry of Communications and Information Technology. Режим доступа: https://mcit.gov.eg/en/Publication/Publication_Summary/9283.

данными, современной инфраструктурой, процветающей экосистемой и квалифицированными талантами.

Египетская стратегия включает четыре основных направления:

1) быстрое внедрение технологий искусственного интеллекта посредством автоматизации государственных процессов для повышения эффективности и прозрачности.

2) применение ИИ в ключевых секторах развития Египта, таких как сельское хозяйство, здравоохранение, окружающая среда, инфраструктура и производство, чтобы помочь решить проблемы страны в соответствии с Целями устойчивого развития ООН.

3) подготовка населения Египта к эпохе ИИ на всех уровнях: от распространения общей осведомленности до руководства формальным образованием и предложения профессиональной подготовки.

4) создание в Египте центра для различных видов деятельности в области искусственного интеллекта в регионе и активное глобальное участие в различных инициативах и дискуссиях, связанных с искусственным интеллектом ⁹³.

Проблемы и возможности в ландшафте искусственного интеллекта Египта:

- ограниченная цифровая инфраструктура в сельской местности;
- разрыв в навыках в передовых технологиях искусственного интеллекта;
- необходимость увеличения инвестиций частного сектора;
- баланс инноваций с нормативным надзором;
- учет этических соображений при развертывании системы искусственного интеллекта.

Сравнительный анализ национальных этических кодексов стран БРИКС представлен в таблице 3.

Рассматривая развитие этических подходов к ИИ, особый интерес представляет концепция «нейроэтикета», разработанная Т.В. Кант. Необходимо отметить ограниченность академической базы данного концепта, что характерно

⁹³ The OECD.AI Policy Navigator. Режим доступа: <https://oecd.ai/en/dashboards/policy-initiatives/egypt-national-ai-strategy-5294>.

для emerging-теорий в быстро развивающейся области пересечения нейронаук, этики и политических коммуникаций.

Таблица 3 – Сравнительный анализ национальных этических кодексов стран БРИКС в сфере ИИ

Страна	Документ/Год	Ключевые принципы	Особенности подхода	Связь с ЦКК
Китай	Принципы управления ИИ (2019), Временные меры по генеративному ИИ (2023)	Гармония, справедливость, безопасность, контролируемость, соответствие социалистическим ценностям	Переход от принципов к конкретному регулированию; требования к контенту и прозрачности	Нормативный капитал через установление технических стандартов
Россия	Кодекс этики ИИ (2021)	Ответственность, человекоцентричность, безопасность, подконтрольность, недискриминация	Добровольное саморегулирование; высокий уровень доверия населения (48%)	Нормативный капитал через этические стандарты саморегулирования
Бразилия	Законопроект PL 2338/2023 (одобрен Сенатом в 2024)	Человекоцентричность, ответственные инновации, риск-ориентированность	Комплексное правовое регулирование; защита авторских прав; создание надзорного органа	Инфраструктурный и нормативный капитал через правовые рамки
ЮАР	Концептуальные рамки политики ИИ (2024)	Человеко-ориентированный ИИ, инклюзивность, социальная справедливость	Фокус на преодоление цифрового неравенства и исторических предубеждений	Нарративный капитал через инклюзивную модель развития
ОАЭ	Хартия ИИ (2024)	12 принципов: справедливость, подотчетность, прозрачность, устойчивость, защита конфиденциальности	Стратегическое позиционирование как мирового лидера; международное сотрудничество	Все компоненты ЦКК через комплексную стратегию лидерства
Египет	Национальная стратегия ИИ (2021)	ИИ для правительства, развития, наращивания потенциала, исследований	Применение ИИ в ключевых секторах развития; региональное лидерство в Африке и арабском мире	Аудиторный и нарративный капитал через секторальное внедрение

Нейроэтикет может рассматриваться как дополнительный инструмент «мягкой силы», учитывающий нейропсихологические особенности восприятия информации различными культурными аудиториями. Данная концепция потенциально расширяет понимание этических аспектов политической

коммуникации в цифровую эпоху, предлагая иные инструменты политического влияния.

Анализ национальных этических кодексов стран БРИКС+ показывает, как различные подходы к регулированию ИИ формируют нормативный капитал – ключевой компонент ЦКК. Способность государств устанавливать этические стандарты и влиять на международные нормы становится новой формой политической привлекательности.

Китайская модель демонстрирует трансформацию политико-нормативного регулирования в технологическую инфраструктуру через создание конкретных технических стандартов для политических коммуникаций. Российский подход демонстрирует развитие аудиторного капитала через формирование доверия к ИИ-технологиям. Стратегии ОАЭ и Египта иллюстрируют конвертацию этических принципов в нарративный капитал регионального лидерства.

Этические аспекты цифровых политических технологий представляют собой качественно новое поле политической конкуренции и инноваций. В отличие от традиционной культурной привлекательности, этическое лидерство в регулировании ИИ-технологий дает возможность формировать стандарты политико-технологического развития и определять принципы цифрового политического взаимодействия.

Страны БРИКС+ показывают альтернативные западным подходы к этическому регулированию ИИ-технологий, основанные на различных цивилизационных ценностях: от китайского акцента на гармонии и контроле до южноафриканского фокуса на инклюзивности и справедливости. Эти различия создают основу для формирования многовариантной системы этических стандартов политических технологий ИИ, что усиливает нормативный компонент ЦКК данных стран.

Центральным результатом теоретического анализа стало выделение цифровой парадигмы «мягкой силы», в рамках которой цифровые платформы, алгоритмические системы и глобальные медиатехнологические цепочки задают новые параметры конкуренции нарративов, меняют баланс между

государственными и негосударственными акторами и трансформируют традиционные каналы публичной дипломатии.

Таким образом, дальнейшее исследование «мягкой силы» в работе опирается на представление о цифровой парадигме как интегрирующей рамке, в которой ранее разработанные концепции не отрицаются, а переосмысляются и развиваются с учетом новых технологических и институциональных условий.

2 Механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» государствами БРИКС

2.1 Китайский опыт цифровой дипломатии и реализации «мягкой силы» через технологии искусственного интеллекта

Китайская Народная Республика показывает высокую активность в разработке и внедрении технологий искусственного интеллекта как инструмента реализации государственной стратегии «мягкой силы».

Китайские исследователи подчеркивают, что применение ИИ не только повышает эффективность в отдельных областях человеческой деятельности, но и способствует развитию экономики и общества ⁹⁴.

Некоторые исследователи отмечают фундаментальный характер влияния технологий на социальную эволюцию, указывая, что «развитие технологий приводит к социальной эволюции» ⁹⁵.

Вместе с тем Ф. Шэнь высказывает предположение, что по мере усложнения технологических систем возможности внешнего контроля над ними могут существенно снижаться, поскольку «технология приобретет достаточную мощь и свой собственный путь развития» ⁹⁶.

Специфика китайского подхода к исследованиям ИИ заключается в их тесной связи с доктриной верховенства права ⁹⁷.

При реализации принципа верховенства права следует тщательно учитывать принципы прозрачности и объяснимости: с учетом технических условий необходимо устанавливать различные обязательства по раскрытию и разъяснению

⁹⁴ Яо З. В., Ли З. Л. Правовое регулирование рисков генеративного контента искусственного интеллекта // Журнал Сианьского университета Цзяотун. 2023. № 43 (05). С. 147-154.

⁹⁵ Пу К., Сян В. Возможности и проблемы, возникающие при использовании ChatGPT в качестве генеративного ИИ, и стратегия реагирования // Журнал Чунцинского университета. 2023. № 29 (3). С. 102-114.

⁹⁶ Шэнь Ф. Риски и управление генеративным искусственным интеллектом: решение «дилеммы Коллингриджа» // Журнал Чжэцзянского университета. 2024. № 6. С. 73-79.

⁹⁷ Чжан С. Продвижение верховенства закона с главным направлением продвижения нового качества продуктивности цифрового интеллекта // Цифровое правовое государство. 2024. № 4. С. 4-16.

содержания информации в соответствии с возможностями регулирующих органов и общественности ⁹⁸.

Основой китайской стратегии развития ИИ стал план «План развития искусственного интеллекта нового поколения», принятый Государственным советом КНР в июле 2017 года. Как отмечается в официальном документе, «ИИ стал новым фокусом международной конкуренции. Крупнейшие развитые страны мира рассматривают развитие ИИ в качестве основной стратегии для повышения национальной конкурентоспособности и защиты национальной безопасности; активизируют внедрение планов и стратегий для этой базовой технологии, лучших талантов, стандартов и правил и т. д.; и пытаются перехватить инициативу в новом раунде международной научно-технической конкуренции» ⁹⁹.

В документе указано, что страна развернула ключевые специальные проекты Национального плана ключевых исследований и разработок, такие как интеллектуальное производство, выпустила и внедрила «Интернет +» и трехлетнюю программу мероприятий и внедрения ИИ, выпустив ряд мер из области научных и технологических исследований и разработок; и содействовала применению и промышленному развитию и другим аспектам.

Основные принципы в работе с ИИ были выделены следующие (рисунок 5).

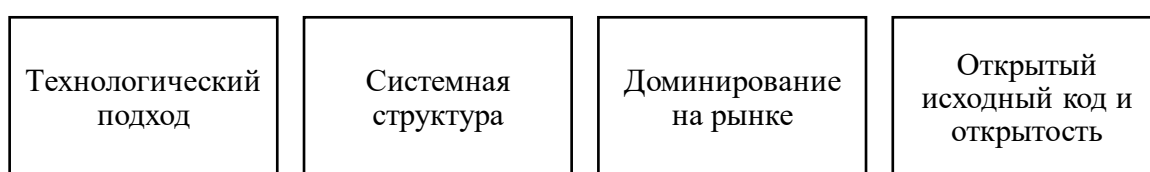

Рисунок 5 – Основные принципы в работе с ИИ согласно «Плану развития искусственного интеллекта нового поколения»

⁹⁸ Харитонов Ю. С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 5(222). С. 130-138.

⁹⁹ China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' // DigiChina. Режим доступа: <https://digichina.stanford.edu/work/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/>.

К технологическому подходу относится понимание глобальных тенденций развития ИИ, выделение перспективных исследований и разработок, изучение перспективных направлений в ключевых передовых областях, долгосрочная поддержка и стремление к достижению трансформационных и революционных прорывов в теории, методах, инструментах и системах, комплексное развитие потенциала оригинальных инноваций в области ИИ, ускорение создания преимущества первопроходца для достижения передовых разработок высокого уровня.

Принцип системной структуры гласит о том, чтобы сформулировать целевую стратегию развития систем, учитывая различные характеристики фундаментальных исследований, технологических исследований и разработок, промышленного развития и коммерческого применения. Необходимо в полной мере использовать преимущества социалистической системы для концентрации усилий на выполнении крупных проектов, содействовать планированию и разработке проектов, баз и кадрового резерва, органично связывать уже запущенные крупные проекты с новыми задачами, продолжать удовлетворять текущие неотложные потребности и развивать долгосрочные направления развития, наращивать инновационный потенциал, создавать кооперативную силу для институциональных реформ и формирования политической среды.

Принцип доминирования на рынке гласит о том, чтобы следовать правилам рынка, ориентируясь на практическое применение, подчеркивать выбор компаний в технологическом направлении и их ведущую роль в разработке стандартов коммерческой продукции, ускорять коммерциализацию технологий и результатов ИИ и создавать конкурентное преимущество. Хорошо понимать разделение труда между государством и рынком, эффективно использовать преимущества государства в планировании и руководстве, политической поддержке, обеспечении безопасности и охраны, регулировании рынка, экологическом строительстве, разработке этических норм и т. д.

Открытый исходный код и открытость – про то, чтобы продвигать концепцию совместного использования открытого исходного кода и концепцию,

согласно которой промышленные, академические, исследовательские и производственные организации, каждый из которых внедряет инновации и, в первую очередь, стремится к совместным инновациям и обмену опытом, – соблюдать закон о координированном развитии в сфере экономики и национальной обороны; содействовать двустороннему преобразованию и применению военных и гражданских научно-технических достижений, а также совместному созданию и совместному использованию военных и гражданских инновационных ресурсов; формировать многокомпонентную, многоотраслевую, высокоэффективную новую модель гражданско-военной интеграции. Активно участвовать в глобальных исследованиях, разработках и управлении ИИ, а также оптимизировать распределение инновационных ресурсов в глобальном масштабе.

Задачами Китая в развитии ИИ, согласно документу, были следующие (рисунок 6).

Создание открытых и скоординированных инновационных систем в области науки и технологий ИИ

Содействие развитию высокоэффективной и интеллектуальной экономики высокого уровня

Построить безопасное и удобное интеллектуальное общество

Укрепить военно-гражданскую интеграцию в сфере ИИ

Создание эффективной интеллектуальной инфраструктурной системы

Планирование нового поколения крупных научно-технических проектов в области искусственного интеллекта.

Рисунок 6 – Задачи Китая в развитии ИИ согласно «Плану развития искусственного интеллекта нового поколения»

Китайская стратегия предполагает комплексный подход к формированию научно-технологического потенциала в области искусственного интеллекта. Документ подчеркивает необходимость «стимулировать обмен открытым

исходным кодом, систематически повышать устойчивый инновационный потенциал». Стратегическая цель – «обеспечить, чтобы уровень науки и технологий в области ИИ в нашей стране поднялся до лидирующих мировых показателей.

Экономическая составляющая стратегии ориентирована на трансформацию всех отраслей промышленности через внедрение ИИ. План предусматривает ускорение развития индустрии ИИ с мощным лидирующим и движущим эффектом, стимулирование глубокой конвергенции ИИ со всеми отраслями промышленности. Планируется создать экономическую модель, где межотраслевая конвергенция станет важной экономической моделью, а совместное создание и обмен станут базовыми характеристиками экономической экологии.

Социальная составляющая стратегии фокусируется на улучшении качества жизни граждан. План исходит из цели повышения уровня и качества жизни людей, необходимости ускорить и углубить применение ИИ, повысить уровень интеллектуализации всего общества. Стратегия нацелена создавать больше высококачественных и комфортных рабочих мест и сделать точные интеллектуальные услуги более разнообразными.

Военно-гражданская интеграция представляет собой стратегически важное направление развития ИИ в Китае. Планируется содействовать двусторонней трансформации технологий ИИ между военно-гражданскими структурами и укреплять новое поколение технологий ИИ в качестве надежной поддержки командования и принятия решений, военной дедукции, оборонного оборудования. По стратегии так же важно направлять технологии ИИ в оборонной сфере на гражданское применение и поощрять и предоставлять преимущества научным исследовательским силам народа для участия в области национальной обороны.

Инфраструктурная задача направлена на создание материально-технической базы для развития ИИ. В документе подчеркивается необходимость ускорить продвижение передачи информации как ядра цифровой сетевой информационной инфраструктуры с интеграцией осведомленности, передачи, хранения, вычисления и обработки.

Заключительная задача предполагает создание мегапроектов национального масштаба. План указывает на необходимость создать новое поколение крупных научно-технических проектов в области искусственного интеллекта для удовлетворения потребностей Китая в области искусственного интеллекта и устранения слабых звеньев.

Сформулированные в документе задачи характеризуются комплексностью и системностью китайского подхода к развитию искусственного интеллекта, охватывающего научно-технологические, экономические, социальные, военные, инфраструктурные и проектные аспекты, что создает прочную основу для реализации стратегии «мягкой силы» через цифровые технологии.

15 августа 2023 года в Китае вступил в силу документ – «Положение о временных мерах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта», состоящий из 24 статей.

Китай стал первой страной в мире, принявшей комплексное регулирование генеративного искусственного интеллекта ¹⁰⁰.

Документ появился в ответ на стремительное развитие технологий генеративного ИИ, особенно после запуска ChatGPT в ноябре 2022 года, который стал одной из самых быстрорастущих платформ в истории.

Процесс разработки был относительно быстрым: первоначальный проект был опубликован 11 апреля 2023 года для общественного обсуждения. После завершения периода консультаций 10 мая 2023 года окончательная версия Положения получила внутреннее одобрение САС 23 мая 2023 года, а затем была обнародована 10 июля 2023 года, прежде чем официально вступить в силу 15 августа 2023 года ¹⁰¹.

В основе этих мер лежит принцип баланса между развитием и безопасностью. Меры направлены на стимулирование инноваций, а также на устранение потенциальных рисков, связанных с технологиями генеративного ИИ, включая

¹⁰⁰ China's Interim Measures on generative AI: Origin, content and significance // ScienceDirect. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364924000529> (дата обращения: 17.09.2025). – Текст: электронный.

¹⁰¹ China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' // DigiChina. Режим доступа: <https://digichina.stanford.edu/work/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/>.

манипулирование общественным мнением и масштабное распространение конфиденциальной или вводящей в заблуждение информации.

Наиболее заметные изменения в окончательной версии включают в себя:

- 1) изменение институциональной динамики, при котором САС играет менее заметную роль;
- 2) разъяснение применимости и сферы применения Мер;
- 3) введение ответственности для пользователей;
- 4) введение дополнительных обязанностей для поставщиков, таких как принятие эффективных мер по улучшению качества обучающих данных, заключение соглашений на обслуживание с зарегистрированными пользователями и оперативное реагирование на противозаконный контент;
- 5) распределение обязанностей между государственными органами по усилению управления услугами генеративного ИИ;
- 6) введение требования прозрачности для услуг генеративного ИИ в дополнение к существующим обязанностям поставщиков по повышению точности и надежности генерируемого контента.

Согласно документу, регулирование применяется к услугам генеративного ИИ, предоставляемым публично на территории материкового Китая. Статья 2 определяет сферу применения мер как применимую к публичным услугам генеративного ИИ в пределах Китайской Народной Республики. Она освобождает внутренние услуги компаний, исследовательских институтов и других организаций, которые не предоставляют услуги отечественной общественности ¹⁰².

Для создания моделей ИИ и генеративного искусственного интеллекта новых материалов поставщики услуг и генеративного искусственного интеллекта обязаны использовать только легальные источники данных; соблюдая при этом интеллектуальные права; в том случае, если для генерации данных используются

¹⁰² Китай вводит 24 новых правила регулирования ИИ // CNews. Режим доступа: https://gov.cnews.ru/news/top/2023-08-15_kitaj_vvodit_24_novyh_pravila.

сведения, которые относятся к личным данным физических лиц, то такие сведения должны быть получены только с их согласия ¹⁰³.

Положение содержит обширные нормы о защите прав пользователей. Статья 11 обязывает провайдеров защищать конфиденциальность пользователей, минимизировать сбор и хранение персональной информации и избегать незаконной передачи информации о пользователях другим лицам. Провайдеры должны принимать запросы пользователей на просмотр, копирование, изменение или удаление их персональной информации.

Провайдеры также «обязаны не собирать ненужную персональную информацию и запрещено хранить введенную информацию и записи об использовании способом, позволяющим идентифицировать отдельных пользователей» ¹⁰⁴.

Документ включает специальные меры защиты молодежи. Статья 10 предписывает принятие эффективных мер против чрезмерного использования несовершеннолетними. Провайдеры должны разъяснять надлежащее использование своих услуг пользователям и помогать пользователям понимать генеративный ИИ.

На фоне расширения сфер применения искусственного интеллекта в Китае активно проводится работа по созданию механизма правового обеспечения принципа прозрачности. Во многом обращение к принципу прозрачности связывают с его ключевым значением для решения проблемы «черного ящика» алгоритма ¹⁰⁵.

Исследователи отмечают, что концепция прозрачности включает в себя две составляющие: формальную и предметную (по существу).

В августе 2023 года Китай выпустил руководство по маркировке услуг генеративного ИИ. Теперь на экранах с контентом, созданным ИИ, должна быть

¹⁰³ Саяпин С. П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. 2025. № 3. С. 19-29.

¹⁰⁴ How to Interpret China's First Effort to Regulate Generative AI Measures // China Briefing. Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/how-to-interpret-chinas-first-effort-to-regulate-generative-ai-measures>.

¹⁰⁵ Чжан С. Продвижение верховенства закона с главным направлением продвижения нового качества продуктивности цифрового интеллекта // Цифровое правовое государство. 2024. № 4. С. 4-16.

добавлена метка «Создано ИИ». Форма, расположение и спецификации пикселей метки должны соответствовать определенным требованиям ¹⁰⁶.

Стратегические документы 2017 и 2023 годов заложили нормативную основу для использования цифровых технологий, однако практическая реализация «мягкой силы» Китая осуществляется через конкретные медиа-платформы и цифровые сервисы, которые формируют глобальное восприятие китайской культуры и ценностей.

Как справедливо отмечает китайский исследователь Лю Синьчжуань ¹⁰⁷, в современных условиях традиционные модели политической коммуникации исчерпывают себя, а на смену им приходят междисциплинарные подходы, учитывающие влияние цифровых платформ, алгоритмов и социальных медиа на формирование политической повестки. Автор подчеркивает, что китайская школа политической коммуникации активно интегрирует достижения политологии, коммуникативистики, социологии и психологии, что позволяет ей адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Этот вывод подтверждает обоснованность перехода к цифровой парадигме анализа «мягкой силы», предлагаемой в настоящей диссертации, поскольку традиционные концепции, разработанные в доцифровую эпоху, уже не способны в полной мере объяснить современные механизмы политического влияния.

Юйхань приходит к заключению, что «мягкая сила» Китая в регионе носит комплексный и системный характер, опираясь на масштабные экономические проекты, разнообразный культурный экспорт и активное участие в многосторонних институтах для формирования институционального влияния ¹⁰⁸. В отличие от этого, «мягкая сила» России, по оценке Юйхань, в значительной степени остается инструментальной и специализированной, фокусируясь на

¹⁰⁶ Navigating the Complexities of AI Regulation in China // Reed Smith. Режим доступа: <https://www.reedsmith.com/en/perspectives/2024/08/navigating-the-complexities-of-ai-regulation-in-china>.

¹⁰⁷ Liu Xinzhuang. Research on Political Communication in China. Handbook of Contemporary Chinese Social Sciences. Singapore : Springer, 2025. Pp. 2083-2097.

¹⁰⁸ Юйхань. «Мягкая сила» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.4. Москва, 2026. 32 с.

энергетическом сотрудничестве и классическом культурном наследии, действуя в роли стратегического балансира.

Наиболее успешным примером китайской цифровой экспансии стал TikTok/Douyin. Платформа, принадлежащая компании ByteDance, насчитывает более миллиарда пользователей по всему миру и стала основным каналом распространения развлекательного контента, а также культурных кодов, трендов и ценностей.

Алгоритмы TikTok, основанные на технологиях машинного обучения, персонализируют контент для каждого пользователя, создавая возможность для целевого культурного влияния. Китайские создатели контента активно продвигают традиционную культуру, кухню, язык и достижения страны в формах, соответствующих запросам молодежной аудитории.

Также в Китае существует WeChat, который функционирует как полноценная цифровая экосистема, объединяющая мессенджер, социальную сеть, платежную систему и платформу для бизнеса. За пределами Китая WeChat служит основным каналом коммуникации для китайской диаспоры и инструментом для вовлечения иностранцев в китайское цифровое пространство. Интегрируясь в экосистему WeChat, пользователи принимают китайские модели цифрового взаимодействия, включая системы идентификации, методы оплаты и формы социального общения.

Культурное влияние усиливается через стриминговые сервисы iQIYI, Tencent Video и Youku, которые систематически экспортируют китайский видеоконтент на мировые рынки. От исторических драм, романтизирующих имперское прошлое, до современных сериалов, демонстрирующих технологический прогресс страны, эти платформы формируют многослойный нарратив о Китае как центре культурного и экономического притяжения.

Игровая индустрия представляет собой еще один уровень культурного проникновения, где Tencent и NetEase занимают лидирующие позиции на глобальном рынке. Игры типа Genshin Impact, Honor of Kings и PUBG Mobile достигли беспрецедентной популярности, погружая сотни миллионов игроков в миры, насыщенные китайской эстетикой, мифологией и философией. Этот тип

культурного влияния эффективен, поскольку работает на уровне подсознательного восприятия, формируя положительные ассоциации с китайской культурой через увлекательный игровой опыт.

Технологическая и экономическая экспансия сопровождается активными усилиями по формированию благоприятного информационного пространства вокруг Китая. Цифровая дипломатия КНР представляет собой многоуровневую систему влияния на глобальные нарративы, которая органично встроена в общую стратегию «мягкой силы».

Официальные государственные медиа активно развивают свое цифровое присутствие. CGTN является англоязычным новостным каналом государственной China Global Television Network, базирующейся в Пекине, Китай. Это один из нескольких каналов, предоставляемых China Global Television Network, международным подразделением китайского государственного вещателя China Central Television (CCTV), находящимся под контролем Центрального департамента пропаганды Коммунистической партии Китая ¹⁰⁹.

Устойчивость китайского влияния обеспечивается систематической работой по подготовке кадров и формированию интеллектуальных сетей в сфере цифровых технологий. Образовательная составляющая стратегии направлена на создание поколения специалистов, обученных китайским технологиям, стандартам и подходам к цифровому развитию. К 2021 году Китай установил научно-техническое сотрудничество с 84 странами BRI, инвестировал 2,99 миллиарда юаней, создал 1 118 совместных исследовательских проектов и основал 53 совместных лаборатории ¹¹⁰. Эти цифры отражают системный подход к формированию глобальной сети специалистов, связанных с китайской технологической экосистемой.

Образовательные программы охватывают весь спектр цифровых компетенций – от базовых навыков работы с китайскими платформами до глубокой

¹⁰⁹ Гегелова Н. С., Ду Юйвэй. Сравнительный анализ международных каналов CGTN-English и CGTN-Русский «Китайской глобальной телевизионной сети» // Неофилология. 2023. Т. 9, № 3. С. 607-617.

¹¹⁰ China's AI Soft Power Play: How is the Digital Silk Road Shaping Global Influence // Sundial Press. Режим доступа: <https://www.sundialpress.co/2025/01/14/chinas-ai-soft-power-play-how-is-the-digital-silk-road-shaping-global-influence/>.

специализации в области искусственного интеллекта, больших данных и кибербезопасности.

Показательным примером эволюции китайской стратегии цифровой «мягкой силы» стал феномен DeepSeek – стартапа из Ханчжоу, который в начале 2025 года совершил технологический прорыв, продемонстрировавший новые механизмы реализации влияния через цифровые технологии.

В начале 2025 года китайская компания DeepSeek выпустила свою модель ИИ R1, что вызвало обеспокоенность в политических и экспертных кругах США. Несмотря на экспортный контроль США на передовые полупроводники, компании удалось разработать настраиваемую открытую технологию, которая могла конкурировать с некоторыми из самых передовых проприетарных американских моделей ИИ ¹¹¹.

Стоит отметить, что китайский разработчик искусственного интеллекта DeepSeek потратил всего 294 000 долларов на обучение своей модели R1, значительно меньше, чем сообщалось для американских конкурентов ¹¹².

Как отмечают исследователи, «китайская AI-компания DeepSeek с ее недорогими моделями с открытым исходным кодом, готовыми стать глобальными стандартами, способствует глобальному осознанию того, что передовые технологии не останутся эксклюзивными для развитых стран».

Феномен DeepSeek иллюстрирует трансформацию китайской стратегии «мягкой силы» в цифровую эпоху. Вместо прямой пропаганды или культурной экспансии, Китай предлагает глобальному сообществу технологические решения, которые:

- значительно дешевле западных аналогов;
- открыты и адаптируемы под локальные нужды;
- снижают технологический барьер для развивающихся стран;
- создают альтернативу западному технологическому доминированию.

¹¹¹ China's Overlooked AI Strategy // Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/chinas-overlooked-ai-strategy>.

¹¹² China's DeepSeek shook the tech world. Its developer just revealed the cost of training the AI model // CNN. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2025/09/19/business/deepseek-ai-training-cost-china-intl>.

Успех DeepSeek вызвал опасения в сообществе национальной безопасности США, что наиболее передовые продукты ИИ Соединенных Штатов больше не смогут конкурировать с более дешевыми китайскими альтернативами. Если этот страх подтвердится, Китай будет лучше оснащен для распространения моделей, которые подрывают свободу слова и цензурят неудобные истины, угрожающие политическим целям его лидеров ¹¹³.

Несмотря на масштабность и системность подхода, китайская стратегия цифровой «мягкой силы» сталкивается с рядом серьезных вызовов и ограничений, которые снижают ее эффективность.

Главным препятствием для китайских цифровых технологий остаются опасения относительно встроенных механизмов слежки и контроля, поскольку Цифровой Шелковый путь также стал способом «экспорта китайской системы массового наблюдения и технологий цензуры Великого файрвола в несколько стран» ¹¹⁴.

В качестве примера, подорвавшего доверие к китайским технологиям, можно привести инцидент, когда Африканский союз обнаружил, что китайские хакеры проникли в систему безопасности их штаб-квартиры, отправляя копии ее содержимого в Пекин, что значительно подорвало доверие к китайским технологиям даже среди дружественных стран ¹¹⁵.

Несмотря на массивные вложения в государственные СМИ и цифровую дипломатию, их эффективность остается под вопросом. Как отмечалось, CGTN, наряду с другими китайскими государственными СМИ, по-прежнему широко рассматривается как «редакционно предвзятая и полная пропаганды, и они все еще с трудом привлекают большие аудитории», особенно в эпоху широкого использования интернета с социальными медиа ¹¹⁶.

¹¹³ What DeepSeek Revealed About the Future of U.S.-China Competition // Foreign Policy. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2025/02/03/deepseek-china-ai-artificial-intelligence-united-states-tech-competition>.

¹¹⁴ China's Digital Silk Road exports internet technology, controls // Voice of America. Режим доступа: <https://www.voanews.com/a/china-s-digital-silk-road-exports-internet-technology-controls/7626266.html>.

¹¹⁵ China's Digital Silk Road taking its shot at the global stage // East Asia Forum. – URL: <https://eastasiaforum.org/2024/05/09/chinas-digital-silk-road-taking-its-shot-at-the-global-stage/> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст: электронный.

¹¹⁶ China's \$6 Billion Propaganda Blitz Is a Snooze // Foreign Policy. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2018/04/23/the-voice-of-china-will-be-a-squeak/>.

Также многие проекты DSR полагаются на кредиты китайских банков, создавая потенциальную долговую нагрузку для стран-партнеров. Эти договоренности сравнивают с критикой долговой дипломатии более широкой инициативы Пояса и пути. Растущая долговая нагрузка становится причиной социальной напряженности и политических рисков ¹¹⁷.

Несмотря на выявленные ограничения, китайская стратегия цифровой «мягкой силы» показывает ряд существенных преимуществ, которые обеспечивают ее конкурентоспособность на глобальном уровне.

Главным преимуществом китайской модели является ее всеобъемлющий характер, интегрирующий технологические, экономические, инфраструктурные и нормативные аспекты в единую стратегию. Как показал анализ, Китай экспортирует отдельные технологии, и создает целостные цифровые экосистемы – от физической инфраструктуры (подводные кабели, сети 5G) до платформ и приложений (WeChat, TikTok), от образовательных программ до нормативного регулирования.

Беспрецедентный объем финансирования дает возможность Китаю реализовывать проекты, недоступные для других государств БРИКС. Как было сказано, к 2021 году Китай установил научно-техническое сотрудничество с 84 странами, создал 1118 совместных исследовательских проектов и основал 53 совместные лаборатории.

После релиза DeepSeek Банк Китая объявил о выделении 1 триллиона юаней на развитие индустрии ИИ в течение пяти лет. Такие масштабы инвестиций создают конкурентное преимущество, которое сложно нивелировать ¹¹⁸.

В отличие от простого экспорта программных продуктов, Китай строит физическую инфраструктуру цифрового взаимодействия. По состоянию на 2020 год HMN Technologies выполнила 16 проектов подводных кабелей на сумму 1,6

¹¹⁷ China's AI Soft Power Play: How is the Digital Silk Road Shaping Global Influence // Sundial Press. Режим доступа: <https://www.sundialpress.co/2025/01/14/chinas-ai-soft-power-play-how-is-the-digital-silk-road-shaping-global-influence/>.

¹¹⁸ Beyond DeepSeek: How China's AI Ecosystem Fuels Breakthroughs // Lawfare. Режим доступа: <https://www.lawfaremedia.org/article/beyond-deepseek--how-china-s-ai-ecosystem-fuels-breakthroughs>.

миллиарда долларов в 27 странах Индо-Тихоокеанского региона ¹¹⁹. Контроль над физической инфраструктурой глобального интернета обеспечивает долгосрочное стратегическое преимущество, так как миграция на альтернативные системы требует колоссальных затрат.

Также китайская система демонстрирует способность к быстрой адаптации нормативной базы. Путь от появления ChatGPT в ноябре 2022 года до принятия «Положения о временных мерах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» в августе 2023 года занял менее года, что значительно быстрее, чем в большинстве западных юрисдикций.

Стоит отметить переход к модели открытых технологий (DeepSeek, Alibaba Cloud), который снимает часть опасений относительно закрытости китайских систем. Открытый код дает возможность локальным разработчикам адаптировать технологии под свои нужды, создавая условия для локальной адаптации при сохранении базовой зависимости от китайской экосистемы.

Однако, «мягкая сила» Китая обладает и недостатками. Главный из них – противоречивость ее восприятия в мире. Как отмечает А.О. Наумов: «для многих иностранцев Поднебесная до сих пор представляет собой сомнительную смесь устаревших идей, фантастических надежд, неискоренимых предрассудков и необоснованных страхов» ¹²⁰. Несмотря на усилия власти по изменению имиджа, это не приводит к эффективным результатам, поскольку, как говорит, А.О. Наумов: «основной контент вышеприведенных медиа включает в себе исключительно позитивную оценку политики КНР, которая воспринимается как обычная пропаганда».

Таким образом, китайская модель цифровой «мягкой силы» представляет собой сложную систему, где значительные преимущества в ресурсах, системности подхода и технологических инновациях сочетаются с серьезными репутационными

¹¹⁹ The Digital Silk Road in the Indo-Pacific // ORF. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/research/the-digital-silk-road-in-the-indo-pacific-mapping-china-s-vision-for-global-tech-expansion>.

¹²⁰ Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024.

рисками и проблемами доверия. Баланс этих факторов определяет различную эффективность китайской стратегии в разных регионах и для разных аудиторий.

2.2 Механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в Российской Федерации

Российская Федерация, как и другие государства БРИКС, также развивает инструментарий цифровой «мягкой силы», однако ее подход отличается от китайской модели как по масштабам, так и по философии реализации. Если Китай ориентирован на глобальную экспансию цифровых технологий и создание альтернативного технологического порядка, то российская стратегия в большей степени сфокусирована на защите информационного суверенитета, работе с русскоязычной аудиторией и позиционировании страны как ответственного актора в сфере этического регулирования новых технологий.

Одним из инструментов российской цифровой дипломатии являются государственные медиа-платформы. Переход к цифровым форматам коммуникации существенно снизил барьеры для глобального распространения контента, позволяя оперативно охватывать массовую аудиторию без значительных затрат на традиционную вещательную инфраструктуру.

Еще в 2005 году был запущен телеканал Russia Today (позднее ребрендированный в RT), который изначально задумывался как инструмент представления российской точки зрения международной аудитории. Важным этапом в развитии RT стал переход к цифровым платформам, что дало возможность многократно увеличить охват аудитории. Когда RT начал активно осваивать YouTube, Twitter, Facebook и другие социальные платформы, охват аудитории вырос экспоненциально.

Как отмечается в научной литературе, «активная трансляция позиций России по целому ряду вопросов через СМИ (например, посредством Russia Today) выступает в качестве проводника российской «мягкой силы», способствует разоблачению компромата посредством публичной дипломатии и является

инструментом формирования привлекательного образа нашей страны на мировой арене»¹²¹.

Телеканал вещает на нескольких языках (английский, арабский, испанский, немецкий, французский), что дает возможность охватывать разнообразную международную аудиторию более чем в 100 странах¹²².

Цифровая стратегия RT базируется на присутствии во всех основных социальных медиа. На YouTube канал RT достигал миллиардов просмотров до введения ограничений в 2022 году. Характерной особенностью контентной стратегии является адаптация материалов под специфику каждой платформы: короткие видеоролики для TikTok и Instagram, развернутые аналитические материалы для YouTube, оперативные новости для Twitter (X).

RT не пытается охватить все страны равномерно – ресурсы концентрируются там, где российская повестка может найти наибольший отклик. В странах Латинской Америки, где традиционно сильны антиамериканские настроения и левые политические движения, RT Spanish предлагает критический взгляд на политику США в регионе, освещает социальные движения, поддерживает различные мнения. В арабском мире RT Arabic конкурирует с Al Jazeera и другими региональными гигантами, предлагая свою трактовку ближневосточных конфликтов, особенно сирийского кризиса, где Россия играет ключевую роль.

Sputnik представляет собой еще один важный элемент российской медиа-стратегии. Новостное агентство и радио работает более чем в 30 странах мира, предоставляя контент на различных языках¹²³. Специфика работы Sputnik заключается в создании локализованного контента, учитывающего особенности информационного потребления в конкретных странах и регионах.

Если RT позиционируется как альтернативный взгляд на мировые события через призму телевидения и видеоконтента, то Sputnik делает акцент на текстовые новости, радиовещание и локальное присутствие. В Турции, например, после

¹²¹ Агеева А. В. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2021. № 4. С. 59-63.

¹²² Федеральное государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство «Россия сегодня» // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/organization_Mezhdunarodnoe-informacionnoe-agentstvo-Rossija-segodnja/.

¹²³ Sputnik. Режим доступа: <https://sputnik.ru/>.

нормализации отношений между Москвой и Анкарой, Sputnik Turkey активно освещает российско-турецкое сотрудничество, экономические проекты, культурные связи. В Латинской Америке фокус смещен на критику неолиберальной экономической политики, поддержку левых движений, освещение социальных протестов. В Африке акцент делается на историю колониализма, критику западной эксплуатации ресурсов континента, позитивное освещение российско-африканского сотрудничества.

Анализ контентных стратегий российских государственных медиа показывает фокусирование на нескольких ключевых нарративах: критика западной политики, альтернативная трактовка международных событий, освещение позитивных аспектов российской внутренней и внешней политики, продвижение многополярного миропорядка. При этом наблюдается значительная адаптация подачи материала в зависимости от целевой аудитории – содержание для латиноамериканской, ближневосточной и европейской аудитории существенно различается как по тематике, так и по стилистике изложения.

Конкретным примером информационной кампании может служить освещение событий на Украине начиная с 2022 года, где российские цифровые платформы транслировали альтернативную западным СМИ версию происходящего, акцентируя внимание на исторических, культурных и геополитических аспектах конфликта.

Социальные сети стали ареной интенсивной конкуренции нарративов. Telegram приобрел особое значение для российского информационного присутствия после ограничений на западных платформах. Многочисленные официальные и полуофициальные каналы транслируют государственную повестку, при этом мессенджер обеспечивает большую защищенность от цензуры по сравнению с западными платформами.

Однако эффективность российских цифровых медиа сталкивается с существенными ограничениями. После 2022 года произошло массовое блокирование RT и Sputnik в Европейском союзе, что значительно сократило их аудиторию. Также российские платформы YouTube, Facebook и Twitter ввели

ограничения на монетизацию и распространение контента российских государственных медиа, что снизило их конкурентоспособность в цифровом пространстве. Таким образом, несмотря на значительные инвестиции и развитую инфраструктуру, российские цифровые медиа сталкиваются со структурными ограничениями, которые снижают их способность реализовывать задачи «мягкой силы» в современных условиях.

Искусственный интеллект также стал одним из инструментов цифровой дипломатии Российской Федерации. В 2021 году был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, разработанный Альянсом в сфере искусственного интеллекта при участии крупнейших российских технологических компаний и научных организаций ¹²⁴. Документ был разработан Альянсом в сфере искусственного интеллекта совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ и Министерством экономического развития при участии крупнейших технологических компаний и научных организаций.

Кодекс формулирует принципы разработки и использования систем ИИ: защита прав и свобод человека, прозрачность алгоритмов, недопущение дискриминации, обеспечение безопасности. Документ дает возможность России позиционировать себя как страну, ответственно подходящую к развитию критически важных технологий, и участвовать в формировании глобальных стандартов регулирования ИИ наравне с другими технологическими державами. Кодекс устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения участников отношений в сфере искусственного интеллекта, формулируя основные принципы внедрения ИИ: прозрачность, правдивость, ответственность, надежность, инклюзивность, беспристрастность, безопасность и конфиденциальность. Подписание кодекса дало старт добровольному саморегулированию и внедрению инструмента «мягкой силы» в достижение согласия между ИИ и человеком.

¹²⁴ Кодекс этики. Режим доступа: <https://a-ai.ru/code/>.

Принятие этического кодекса имеет значимое внешнеполитическое измерение, позволяя России позиционировать себя как ответственного игрока на глобальном рынке технологий ИИ и участвовать в формировании международных стандартов регулирования. Документ дает российским компаниям-разработчикам возможность уверенно чувствовать себя на различных международных площадках и выводить свои продукты на международные рынки, что усиливает технологическую составляющую «мягкой силы» России.

Фундаментом для развития искусственного интеллекта как инструмента цифровой дипломатии стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 ¹²⁵.

Документ определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Стратегия устанавливает ключевые цели развития ИИ в России ¹²⁶. Во-первых, обеспечение роста благосостояния и качества жизни населения. Во-вторых, обеспечение национальной безопасности и правопорядка. В-третьих, достижение конкурентоспособности российских научно-технических разработок на международном уровне.

Документ выделяет приоритетные сферы применения технологий искусственного интеллекта: здравоохранение, транспорт, сельское хозяйство, промышленность, строительство и ЖКХ, торговля и логистика, безопасность, государственное и муниципальное управление.

Стратегия предусматривает активное участие России в формировании международных стандартов регулирования искусственного интеллекта, создание условий для привлечения в Российскую Федерацию ведущих зарубежных ученых

¹²⁵ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184.

¹²⁶ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>.

и специалистов для работы в сфере искусственного интеллекта, а также содействие экспорту российских технологий и разработок в области искусственного интеллекта.

Важным направлением является акцент на международном сотрудничестве в сфере ИИ при одновременном обеспечении технологической независимости. В 2024 году стратегия была обновлена в связи со стремительным ростом технологий. В обновленной версии отмечается, что количество параметров в моделях ИИ ежегодно увеличивается в несколько раз: если в 2019 году в передовых моделях фиксировалось до 1,5 миллиарда параметров, то в 2022 году в ряде моделей их уже более 1 триллиона ¹²⁷.

Обновленная версия стратегии учитывает появление генеративного искусственного интеллекта, больших языковых моделей и других прорывных технологий, которые не были в фокусе внимания в две тысячи девятнадцатом году ¹²⁸.

Стратегия предусматривает создание системы подготовки кадров в области искусственного интеллекта ¹²⁹. Планируется обучение специалистов на всех уровнях образования – от школьного до дополнительного профессионального, внедрение образовательных программ по искусственному интеллекту в ведущих университетах страны.

Несмотря на ограничения после санкций, российские компании продолжают разработку собственных решений в области искусственного интеллекта. Яндекс, Сбер, ВКонтакте и другие технологические компании развивают собственные языковые модели и системы машинного обучения.

Однако применение ИИ в информационной сфере сопряжено с рисками: использование автоматизированных ботов неоднократно становилось предметом критики и обвинений в манипулировании общественным мнением, что наносит

¹²⁷ Обновлена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта // РЖД Digital. Режим доступа: <https://rzdigital.ru/regulation/obnovlena-natsionalnaya-strategiya-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta/>.

¹²⁸ В России появился Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/v-rossii-poavilsa-kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-27078>.

¹²⁹ Национальный проект «Цифровая экономика» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.

репутационный ущерб российской «мягкой силе». Технологические санкции, введенные после 2022 года, ограничили доступ к передовым чипам и программному обеспечению, необходимым для развития систем ИИ, что замедлило развитие российских технологий и увеличило отставание от мировых лидеров.

Сравнительный анализ стратегий развития ИИ России и Китая представлен в таблице 4.

Таблица 4 – Сравнительный анализ стратегий развития ИИ России и Китая

Параметр	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Основной документ	Указ Президента № 490 от 2019 г., обновление 2024 г.	План развития ИИ нового поколения 2017 г., Временные меры 2023 г.
Объем финансирования	Несколько миллиардов рублей в рамках нацпроектов	Сотни миллиардов долларов, 1 трлн юаней от Банка Китая
Стратегическая цель	Технологическая независимость, обеспечение безопасности	Глобальное лидерство в ИИ к 2030 году
Приоритетные сферы	Здравоохранение, транспорт, госуправление, безопасность	Все отрасли экономики, военно-гражданская интеграция
Международное сотрудничество	Ограничено санкциями, фокус на БРИКС и СНГ	Активная экспансия через «Цифровой шелковый путь»
Доступ к технологиям	Ограничен санкциями на чипы и ПО	Частично ограничен, но компенсируется внутренними разработками
Кадровая политика	Дефицит специалистов из-за миграции	Массовая подготовка кадров, привлечение талантов из-за рубежа
Регулирование	Кодекс этики (добровольный), разработка законодательства	Детальное правовое регулирование на всех уровнях

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) – один из институтов реализации российской «мягкой силы» через гуманитарное сотрудничество и культурно-образовательные программы. Агентство формирует библиотечные фонды представительств, комплектует их справочной, научной и художественной литературой, учебно-методическими материалами, содействует развитию международных контактов в научно-технической, культурной и образовательной областях. Цифровизация деятельности Россотрудничества стала важнейшим

направлением модернизации работы агентства, позволяющим существенно расширить охват аудитории и повысить эффективность реализуемых программ.

Онлайн-платформы для изучения русского языка представляют собой центральный элемент цифровой стратегии продвижения русского языка за рубежом. Современные исследования показывают, что цифровые технологии становятся способом оптимизации обучения русскому языку как иностранному, выявляя широкие дидактические возможности и свойства в развитии иноязычной коммуникативной компетенции ¹³⁰.

Использование интернет-ресурсов в обучении русскому языку позволяет реализовать дистанционное и онлайн-обучение, хотя реальное широкомасштабное обучение в формате онлайн нуждается в научно-методическом обосновании. Так, портал «Образование на русском» (education-in-russia.com), созданный при поддержке Россотрудничества, дает возможность иностранным гражданам подавать заявки на обучение в российских вузах и проходить этапы отбора из любой точки мира. Этот удобный способ централизованного приема значительно упростил процедуру поступления иностранных студентов в российские образовательные учреждения и расширил географию привлечения талантливой молодежи.

Виртуальные культурные центры и онлайн-мероприятия стали особенно актуальны в условиях географической удаленности и ограниченности ресурсов для создания физической инфраструктуры за рубежом. Цифровые технологии дают возможность организовывать виртуальные экскурсии по российским музеям, онлайн-концерты, лекции, мастер-классы и круглые столы, привлекая более широкую аудиторию без географических ограничений. Работа с русскоязычными диаспорами через социальные сети, мессенджеры и специализированные онлайн-платформы обеспечивает сохранение связей с соотечественниками за рубежом и поддержание русского языка и культурной идентичности в иноязычной среде.

¹³⁰ Загуменникова Н. В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-1. С. 165-178.

Реализация цифровой парадигмы «мягкой силы» Российской Федерации сталкивается с комплексом структурных ограничений, которые значительно снижают ее эффективность по сравнению с основными конкурентами на глобальной арене. Главным ограничением стали масштабные блокировки российских государственных медиа после февраля 2022 года. Совет Европейского союза 2 марта 2022 года ввел санкции, приостанавливающие вещание новостного агентства Sputnik и телевизионной сети RT в странах ЕС¹³¹. Решение охватило все каналы распространения: телевещание, кабельное и спутниковое вещание, IP-телевидение, интернет-платформы и мобильные приложения. Глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила, что запрет RT и Sputnik связан со стремлением пресечь распространение «токсичной и вредоносной дезинформации»¹³².

Крупнейшие технологические платформы немедленно начали блокировку: Google заблокировал все связанные с RT и Sputnik YouTube-каналы в Европе, Meta (Facebook, Instagram) ограничила доступ к контенту этих медиа, TikTok заблокировал RT и Sputnik в ЕС. Эти меры ограничили возможность российских медиа достигать западной аудитории, лишив их доступа к миллиардам накопленных просмотров и многомиллионной аудитории.

Репутационные издержки оказались не менее значительными. Обвинения в распространении дезинформации, манипулировании общественным мнением и информационных операциях стали постоянным элементом международного дискурса о российском цифровом присутствии. В официальном документе Совета ЕС указывается, что «новостное агентство Sputnik и телевизионная сеть Russia Today находятся под постоянным прямым или косвенным контролем властей Российской Федерации и являются необходимыми инструментами осуществления и поддержки военной агрессии», а также что «Российская Федерация ведет систематическую международную кампанию по дезинформации, информационным манипуляциям и искажению фактов».

¹³¹ ЕС наложил санкции на вещание RT и Sputnik // Европейская служба внешних связей. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/eeas/ec-наложил-санкции-на-вещание-в-ес-государственных-сми-rtrussia-today-и-sputnik_ru.

¹³² Google заблокировал YouTube-каналы RT и Sputnik // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2022/621ddd549a7947def338a70f.

Такая характеристика со стороны международных институтов сформировала устойчивый негативный образ российских цифровых активностей, что подрывает базовую цель «мягкой силы» – создание привлекательности и доверия. Значительная часть даже той аудитории, которая ранее воспринимала RT как источник альтернативной информации, перестала доверять российским государственным медиа.

Технологические санкции, введенные после 2022 года, ограничили доступ России к передовым полупроводникам, чипам для искусственного интеллекта, суперкомпьютерному оборудованию и специализированному программному обеспечению. США, ЕС, Япония и другие страны запретили экспорт в Россию критических технологий, что затруднило развитие облачных сервисов, систем искусственного интеллекта и высокопроизводительных вычислений. Отказ компаний Oracle, SAP, Adobe, Microsoft в обслуживании российских клиентов нарушил работу цифровых систем и замедлил технологическое развитие. Технологическое отставание накапливается: если в 2021 году Россия отставала от США и Китая в области искусственного интеллекта на несколько лет, то без доступа к новейшим чипам и технологиям этот разрыв продолжает увеличиваться.

Географический охват российского цифрового влияния остается узким. Российские платформы наиболее влиятельны на постсоветском пространстве и имеют выборочное присутствие в некоторых странах Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки, но практически отсутствуют в Азиатско-Тихоокеанском регионе и утратили влияние в Западной Европе и Северной Америке. Китайские цифровые платформы присутствуют практически во всех регионах мира: TikTok имеет более миллиарда пользователей глобально, китайские смартфоны занимают значительную долю рынков развивающихся стран, китайская цифровая инфраструктура строится в рамках «Цифрового шелкового пути» в десятках государств.

Проведем сравнение механизмов цифровой «мягкой силы» России и Китая, который даст возможность увидеть особенности реализации стратегий двух стран.

Сравнительный анализ механизмов цифровой «мягкой силы» России и Китая представлен в таблице 5.

Таблица 5 – Сравнительный анализ механизмов цифровой «мягкой силы» России и Китая

Параметр	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Медиа-платформы	RT, Sputnik – блокированы в ЕС после 2022 г., работают в Латинской Америке, Африке, частично Азии	CGTN, Xinhua – глобальное присутствие; TikTok – более 1 млрд пользователей по всему миру
Бюджет программ	Несколько сотен миллионов долларов в год	Несколько миллиардов долларов в год
Цифровая инфраструктура	Ограниченное международное присутствие, фокус на постсоветское пространство	«Цифровой шелковый путь» – экспорт телекоммуникационной инфраструктуры в 80+ стран; 16 проектов подводных кабелей на \$1,6 млрд (HMN Technologies)
Искусственный интеллект	Национальная стратегия до 2030 г., Кодекс этики 2021, технологические санкции замедляют развитие	«План развития ИИ нового поколения» 2017 г., инвестиции в десятки миллиардов USD, DeepSeek (\$294 тыс. на обучение R1), 1 трлн юаней от Банка Китая
Образовательные программы	Россотрудничество, онлайн-платформы для изучения русского языка	84 страны BRI, 1118 совместных исследовательских проектов, 53 совместные лаборатории (к 2021 г.)
Технологические платформы	Региональные (Яндекс – 67% РФ, присутствие в Казахстане, Беларуси), отсутствие глобальных игроков	Глобальные платформы (TikTok, WeChat, AliExpress), доминирование в своем регионе
Географический охват	Постсоветское пространство, выборочное присутствие в Латинской Америке, Африке, Азии	Глобальное присутствие, особенно сильное в Африке, Азии, Латинской Америке, растущее в Европе
Репутационные риски	Обвинения в дезинформации значительно снижают доверие и эффективность	Озабоченность конфиденциальностью данных, но экономическая привлекательность компенсирует риски
Философия стратегии	Оборонительная – защита информационного суверенитета, противодействие западному влиянию	Наступательная – экспорт цифровой инфраструктуры, создание структурной зависимости

Сравнительный анализ показывает, что китайская и российская модели цифровой «мягкой силы» принципиально различаются по философии реализации.

Российский подход является преимущественно суверенным и регуляторным: основной фокус на защите информационного суверенитета, противодействии западному информационному доминированию, продвижении альтернативных интерпретаций международных событий. Российская стратегия акцентирует критику существующего миропорядка, оспаривание западных нарративов, создание информационного противовеса, что представляет собой реактивную позицию, реагирующую на действия других акторов, а не формирующую собственную глобальную повестку.

Китайский подход является интеграционным и инфраструктурным. Китай не только продвигает свои нарративы через медиа, но и строит физическую и цифровую инфраструктуру, создающую долгосрочную зависимость других стран от китайских технологий. «Цифровой шелковый путь» экспортирует телекоммуникационное оборудование, системы «умных городов», технологии видеонаблюдения, платежные системы. Китай формирует технологические стандарты через массовое распространение своих решений: страны, использующие китайское оборудование Huawei или ZTE для построения сетей 5G, интегрируются в китайскую технологическую экосистему. Это создает структурное влияние, более глубокое и долговременное, чем влияние через медиаконтент.

Согласно А.О. Наумову, «проблемы российской «мягкой силы» связаны с совокупностью взаимосвязанных объективных и субъективных факторов, а именно: сравнительно недавним возобновлением (после распада СССР) работы институтов отечественной «мягкой силы»; отсутствием системного подхода при реализации стратегии «мягкой силы»; ограниченностью финансового и кадрового обеспечения российских программ «мягкой силы» и публичной дипломатии; наконец, сложной внешнеполитической обстановкой, отягощенной информационной войной против России со стороны стран Запада во главе с США, до сих пор формирующих большую часть глобального нарратива»¹³³.

¹³³ Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024. 198 с.

Таким образом, анализ механизмов и технологий реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» Российской Федерации выявляет специфическую модель, существенно отличающуюся от подходов других государств БРИКС как по масштабам, так и по стратегической направленности.

2.3 Цифровая парадигма «мягкой силы» Индии, Бразилии и Южной Африки

Анализ цифровых стратегий России и Китая выявил два полярных подхода к реализации «мягкой силы» в цифровую эпоху: китайскую инфраструктурно-интеграционную модель с инвестициями в сотни миллиардов долларов и российскую суверенно-регуляторную стратегию с акцентом на информационный суверенитет. Для более полного понимания трансформации политического влияния в цифровом пространстве необходимо проанализировать опыт других государств БРИКС+, каждое из которых разрабатывает собственные механизмы конвертации технологических возможностей в политический капитал.

Индия, Бразилия и Южная Африка представляют особый интерес для исследования, поскольку их стратегии формируются в условиях ограниченных финансовых ресурсов по сравнению с Китаем, но при наличии значительного демографического, культурного или геополитического потенциала. Новые участники объединения БРИКС+ – ОАЭ, Египет, Иран и Эфиопия – показывают дополнительные варианты адаптации цифровых технологий для усиления регионального влияния.

Индия выделяется в глобальном цифровом ландшафте как страна, сочетающая крупнейший в мире рынок интернет-пользователей с развитой индустрией информационных технологий и амбициозными планами технологического лидерства в Глобальном Юге.

Центральным элементом институциональной архитектуры цифровой трансформации Индии выступает Министерство электроники и информационных

технологий, созданное в 2016 году путем реорганизации Департамента электроники и информационных технологий ¹³⁴.

Важной политической технологией стала программа Digital India, официально запущенная 1 июля 2015 года премьер-министром Нарендрой Модди. Согласно официальному документу программы, ее видение заключается в «трансформации Индии в цифровое общество и экономику знаний» через обеспечение цифровой инфраструктуры как утилиты для каждого гражданина, доставку услуг и сервисов по требованию, а также расширение цифровых возможностей граждан ¹³⁵.

Что касается регулирования искусственного интеллекта, Индия демонстрирует осторожный подход. В марте 2024 года правительство Индии выпустило рекомендательный документ «Индийский подход к регулированию ИИ», подготовленный MeitY ¹³⁶.

Документ предлагает «легкое регулирование» (light-touch regulation), основанное на принципах самоуправления индустрии и избегания жестких нормативных барьеров, которые могут сдерживать инновации. Подход контрастирует с детальным китайским регулированием и отражает стремление Индии позиционировать себя как более открытую для инноваций юрисдикцию.

Одним из наиболее значимых цифровых проектов Индии стала система биометрической идентификации Aadhaar, управляемая Управлением уникальной идентификации Индии. По официальным данным, на октябрь 2024 года выдано более 1,38 миллиарда Aadhaar номеров ¹³⁷.

Система интегрирована с более чем 500 государственными и частными сервисами, включая банковские услуги, социальные выплаты, налоговые декларации и телекоммуникационные услуги. Масштаб внедрения Aadhaar

¹³⁴ Официальный сайт Правительства Индии. Министерство электроники и информационных технологий. Режим доступа: <https://www.meity.gov.in/>.

¹³⁵ Digital India Programme // Ministry of Electronics and Information Technology. Режим доступа: <https://www.digitalindia.gov.in/content/programme-pillars>.

¹³⁶ India's Approach to AI Regulation / Advisory issued by Ministry of Electronics and Information Technology. March 2024. Режим доступа: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/02/9f6e99572739a3024c9cdaec53a0a0ef.pdf>.

¹³⁷ Aadhaar Dashboard // Unique Identification Authority of India. Режим доступа: https://uidai.gov.in/aadhaar_dashboard/.

превосходит аналогичные проекты в других странах и демонстрирует способность Индии создавать цифровые решения национального охвата, что формирует нарративный капитал технологической компетентности.

Unified Payments Interface (UPI) – система мгновенных платежей, разработанная Национальной корпорацией платежей Индии, стала важным инструментом цифрового влияния. Согласно данным NPCI, в сентябре 2024 года через UPI было обработано 15,04 миллиарда транзакций на сумму 20,61 триллиона рупий (около 247 миллиардов долларов США) ¹³⁸.

Индия активно экспортирует технологию UPI. В феврале 2023 года UPI была интегрирована с сингапурской системой PayNow, что позволило пользователям двух стран осуществлять трансграничные переводы. Аналогичные соглашения достигнуты с ОАЭ, Бутаном, Непалом, подписаны меморандумы о взаимопонимании с Францией и Шри-Ланкой ¹³⁹.

Технологический экспорт UPI создает структурную зависимость от индийской цифровой инфраструктуры у стран-партнеров, формируя инфраструктурный компонент цифрового коммуникационного капитала.

Также платформа CoWIN, разработанная для управления программой вакцинации от COVID-19, продемонстрировала способность Индии оперативно создавать цифровые решения национального масштаба. По данным Министерства здравоохранения Индии, через платформу было зарегистрировано более 2,2 миллиарда доз вакцины ¹⁴⁰.

Индия предложила открытый исходный код CoWIN более чем 50 странам, включая Ямайку, Доминиканскую Республику, Шри-Ланку и страны Африки. Эта технологическая помощь усиливает нарративный капитал Индии как ответственного глобального актора и «аптеки мира».

¹³⁸ UPI Product Statistics // National Payments Corporation of India. Режим доступа:

<https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2023/launch-of-real-time-payments-between-singapore-and-india>.

¹³⁹ India and Singapore link their fast payment systems // Reserve Bank of India. Press release, February 21, 2023. Режим доступа: https://www.rbi.org.in/Scripts/BS_PressReleaseDisplay.aspx?prid=55223.

¹⁴⁰ COVID-19 Vaccine Dashboard // Ministry of Health and Family Welfare, Government of India. Режим доступа: <https://www.mohfw.gov.in/>.

Далее рассмотрим аудиторный капитал Индии. Индийская диаспора численностью более 32 миллионов человек, расселенная по всему миру, представляет собой ресурс для реализации цифровой «мягкой силы». Согласно данным Министерства иностранных дел Индии, индийская диаспора является крупнейшей в мире и сосредоточена преимущественно в странах Персидского залива (8,9 млн), США (4,5 млн), Великобритании (1,8 млн) и других развитых государствах ¹⁴¹.

Цифровые платформы дают возможность индийскому правительству поддерживать постоянную связь с диаспорой. Портал Pravasi Bharatiya, запущенный Министерством иностранных дел, дает информацию о консульских услугах, возможностях инвестирования в Индию, культурных мероприятиях и программах для лиц индийского происхождения ¹⁴².

Культурная составляющая аудиторного капитала формируется через индийскую индустрию развлечений. Болливуд, производящий более 1500 фильмов ежегодно, создает глобальную аудиторию для индийского культурного контента. Цифровые стриминговые платформы расширили географию потребления индийского кино и сериалов ¹⁴³.

Стриминговые сервисы Disney+ Hotstar, Zee5, SonyLIV и международные платформы Netflix и Amazon Prime также продвигают индийский контент на глобальном рынке. Согласно отчету Media Partners Asia, индийский видеоконтент потребляют не только представители диаспоры, но и иностранные зрители, особенно в странах Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки ¹⁴⁴.

Образовательная составляющая аудиторного капитала реализуется через онлайн-платформы. SWAYAM (Study Webs of Active-Learning for Young Aspiring Minds) – национальная платформа онлайн-образования, запущенная

¹⁴¹ Population of Overseas Indians // Ministry of External Affairs, Government of India. Режим доступа: https://www.mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf.

¹⁴² Pravasi Bharatiya Portal // Ministry of External Affairs. Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/know-india-progressive.htm>.

¹⁴³ Media and Entertainment Industry Report // FICCI-EY, 2024. Режим доступа: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-in/insights/media-entertainment/images/ey-shape-the-future-indian-media-and-entertainment-is-scripting-a-new-story.pdf>.

¹⁴⁴ India Media and Entertainment Industry Report 2024 // Media Partners Asia. Режим доступа: <https://ibef.org/industry/media-entertainment-india>.

Министерством образования Индии в 2017 году, – предоставляет бесплатные курсы от ведущих индийских университетов ¹⁴⁵.

По состоянию на 2024 год на платформе зарегистрировано более 7 миллионов пользователей, изучающих более 2000 курсов. Часть контента доступна на английском языке, что позволяет привлекать иностранных студентов из развивающихся стран, формируя долгосрочные образовательные и культурные связи.

Также правительство Индии создало платформу DIKSHA (Digital Infrastructure for Knowledge Sharing), разработанную для школьного образования. Она насчитывает более 300 миллионов зарегистрированных пользователей и предоставляет цифровой образовательный контент на 36 языках Индии ¹⁴⁶.

Масштаб образовательных цифровых платформ свидетельствует о способности Индии создавать решения, охватывающие сотни миллионов пользователей, что усиливает нарративный капитал технологической компетентности страны.

Индия позиционирует себя как «голос Глобального Юга», председательствовала в G20 в 2023 году, а цифровые технологии стали инструментом продвижения этого нарратива.

В рамках председательства в G20 Индия провела серию виртуальных саммитов «Голос Глобального Юга» в январе и ноябре 2023 года, в которых приняли участие представители более 125 развивающихся стран ¹⁴⁷.

Благодаря использованию цифровых форматов появилась возможность включить в дискуссию страны, которые не смогли участвовать в физических встречах высокого уровня из-за ограниченных финансовых ресурсов. Это сформировало образ Индии как инклюзивного лидера, использующего технологии для расширения участия развивающихся стран в глобальном управлении.

¹⁴⁵ SWAYAM Platform // Ministry of Education, Government of India. Режим доступа: <https://swayam.gov.in/about>.

¹⁴⁶ DIKSHA Platform // Ministry of Education, Government of India. Режим доступа: <https://diksha.gov.in/about/>.

¹⁴⁷ Voice of Global South Summit // Ministry of External Affairs, Government of India. Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/voice-of-global-summit.htm>.

Несмотря на амбициозные планы и достижения, индийская стратегия цифровой «мягкой силы» сталкивается с рядом структурных ограничений.

Существенным ограничением для реализации данной стратегии является цифровое неравенство внутри страны. Согласно данным Национального статистического управления Индии, по состоянию на 2023 год только 33% сельских домохозяйств имеют доступ к интернету, по сравнению с 67% городских домохозяйств ¹⁴⁸.

Еще одной проблемой является отсутствие глобальных цифровых платформ индийского происхождения, способных конкурировать с китайскими или западными аналогами. В июне 2020 года Индия запретила 59 китайских приложений, включая TikTok, WeChat и UC Browser, ссылаясь на угрозы суверенитету и безопасности ¹⁴⁹.

Однако созданные индийские альтернативы не получили значимого международного распространения, оставшись преимущественно внутренними платформами. Приложения Koo (аналог Twitter), Chingari и Roposo (аналоги TikTok) остались преимущественно внутренними платформами, не получив значимого международного распространения.

Геополитическая напряженность с Китаем создает препятствия для формирования единого цифрового пространства БРИКС. Пограничный конфликт привел к охлаждению не только политических, но и технологических отношений между двумя крупнейшими членами объединения.

Языковой барьер ограничивает глобальный охват индийского цифрового контента. Основной объем культурного контента Болливуда производится на хинди и других национальных языках, что ограничивает его потребление за пределами индийской диаспоры и соседних стран Южной Азии.

Также фрагментированность институциональной структуры снижает эффективность цифровой дипломатии. В отличие от централизованной китайской

¹⁴⁸ Household Social Consumption on Education in India / National Statistical Office, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. Report No. 597, 2023. Режим доступа: https://mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/Report_585_75th_round_Education_final_1507_0.pdf.

¹⁴⁹ Press Release on blocking of 59 Chinese apps / Ministry of Electronics and Information Technology, Government of India. June 29, 2020. Режим доступа: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1635206>.

модели, где Управление по делам киберпространства координирует все аспекты цифровой стратегии, индийские инициативы распределены между MeitY, Министерством иностранных дел, NITI Aayog, Министерством связи без единого координирующего центра.

Недостатком «мягкой силы» Индии является то, что в государстве большое социальное расслоение, сильная разница между жизнью богатых и бедных людей, неразвитая инфраструктура и энергосистема, а также прохладные отношения с государствами-соседями ¹⁵⁰.

Таким образом, индийская модель характеризуется успешным формированием аудиторного и нарративного капитала на региональном уровне, особенно в странах Южной Азии и среди индийской диаспоры, однако сталкивается с ограничениями в глобальной проекции влияния из-за отсутствия собственных международных цифровых платформ и ограниченных инвестиций в инфраструктурный капитал по сравнению с Китаем.

Далее рассмотрим механизмы и технологии реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» Бразилии. Бразилия, являясь крупнейшей экономикой Латинской Америки, разрабатывает стратегию цифровой «мягкой силы», ориентированную преимущественно на региональное влияние и позиционирование как технологического лидера португалоязычного мира.

Институциональную основу цифровой политики составляет Министерство науки, технологий и инноваций, которое координирует разработку национальной политики в области цифровых технологий ¹⁵¹.

Основным документом в области регулирования искусственного интеллекта стал законопроект PL 2338/2023, который был одобрен Сенатом Бразилии 10 декабря 2024 года. Законопроект устанавливает национальную нормативную базу для разработки, использования и управления системами искусственного интеллекта ¹⁵².

¹⁵⁰ Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024. 198 с. ISBN 978-5-00247-078-5.

¹⁵¹ Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovações. Режим доступа: <https://www.gov.br/mcti/pt-br>.

¹⁵² Projeto de Lei nº 2.338, de 2023 // Senado Federal do Brasil. Режим доступа: <https://www25.senado.leg.br/web/atividade/materias/-/materia/157233>.

Законопроект использует риск-ориентированный подход, классифицируя системы ИИ по уровню риска и устанавливая более строгие требования для систем высокого риска. Принципами регулирования провозглашены «центральность человеческой личности, ответственные инновации, конкурентоспособность рынка ИИ и внедрение безопасных и надежных систем».

Важным элементом правового регулирования цифровой сферы стал Общий закон о защите данных, вступивший в силу в сентябре 2020 года. Закон устанавливает правила обработки персональных данных и создает Национальное управление по защите данных (ANPD)¹⁵³.

Принятие LGPD дало возможность Бразилии позиционировать себя как страну с высокими стандартами защиты данных, что формирует нормативный капитал в транснациональной политической коммуникации и создает основу для экспорта бразильской модели регулирования в другие латиноамериканские страны.

Показательным примером бразильской цифровой инновации стала система мгновенных платежей Pix, запущенная Центральным банком Бразилии 16 ноября 2020 года. За первые три года работы система достигла следующих показателей: 151 миллион зарегистрированных пользователей, которые совершили более 35 миллиардов транзакций за этот период¹⁵⁴.

К концу 2023 года Pix обрабатывал более 200 миллионов транзакций ежедневно, став доминирующим способом цифровых платежей в стране. Опыт Pix вызвал интерес других латиноамериканских стран, рассматривающих возможность внедрения аналогичных решений.

Также в Бразилии есть единый портал государственных услуг Gov.br, запущенный в 2019 году, объединяет доступ к более чем 4000 государственным сервисам через единую цифровую идентификацию¹⁵⁵.

¹⁵³ Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD), Lei nº 13.709/2018. Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/l13709.htm.

¹⁵⁴ Pix completa 3 anos com 151 milhões de usuários // Banco Central do Brasil. 16 de novembro de 2023. Режим доступа: <https://www.bcb.gov.br/detalhenoticia/673/noticia>.

¹⁵⁵ Portal Gov.br // Ministério da Gestão e da Inovação em Serviços Públicos. Режим доступа: <https://www.gov.br/pt-br>.

По данным правительства, к 2024 году на портале зарегистрировано более 140 миллионов пользователей, что составляет около 65% населения страны ¹⁵⁶. Платформа предоставляет доступ к цифровым документам, социальным выплатам, налоговым декларациям и другим государственным услугам.

Цифровизация государственных услуг демонстрирует технологические компетенции Бразилии и формирует нарративный капитал эффективного государственного управления, который может быть использован для позиционирования страны как источника передового опыта в регионе.

Важным ресурсом бразильской цифровой «мягкой силы» является культурный контент, получивший глобальное распространение через стриминговые платформы. Netflix значительно инвестировал в производство бразильского контента, что привело к росту международной аудитории.

Согласно данным компании, бразильский контент на Netflix просматривают более 300 миллионов зрителей по всему миру. Сериалы «3%», «О механизме», «Невидимый город» и другие приобрели популярность за пределами Бразилии ¹⁵⁷.

Бразилия позиционирует себя как технологический лидер Латинской Америки и активно продвигает свои цифровые решения в регионе. В рамках Меркосур обсуждаются инициативы по цифровой интеграции, включая взаимное признание электронных подписей, гармонизацию законодательства о защите данных и создание общего цифрового рынка ¹⁵⁸.

Правительство также уделяет внимание сотрудничеству с португалоязычными странами Африки – Анголой, Мозамбиком, Кабо-Верде – где Бразилия выступает как источник технологической помощи и экспертизы. Языковая общность создает естественное преимущество для распространения бразильских цифровых решений и контента в этих странах.

Одним из ключевых элементов бразильской модели цифрового влияния является ее внешнеполитическая стратегия в киберпространстве. Как отмечают

¹⁵⁶ Governo Digital // Ministério da Gestão e da Inovação em Serviços Públicos. Режим доступа: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br>.

¹⁵⁷ Netflix investments in Brazil // Netflix Media Center. Режим доступа: <https://about.netflix.com/en/news/category/brazil>.

¹⁵⁸ Agenda Digital del Mercosur. Режим доступа: <https://www.mercosur.int/>.

Дж. Деванни и Р. Бучан, Бразилия последовательно позиционирует себя не как участника какого-либо из противоборствующих лагерей, а как «стратегического мостостроителя» (strategic bridge-builder), использующего мягкую силу для поддержания независимой и неприсоединившейся позиции ¹⁵⁹. Этот подход позволяет Бразилии выступать в роли посредника в многосторонних форматах, сохраняя при этом возможность для прагматичного сотрудничества как с западными государствами, так и с другими странами БРИКС.

Вместе с тем анализ бразильской модели цифровой «мягкой силы» был бы неполным без учета рисков, связанных с использованием цифровых медиа в политических коммуникациях. Как отмечают А. Итуассу и М.А. Герреро, цифровые медиа стали фактором радикализации бразильской политики. Авторы показывают, что фейковые новости в бразильских кампаниях перестали быть спорадическими инцидентами и превратились в стратегический ресурс, который кампании целенаправленно используют, инвестируя в него время, людей и ресурсы ¹⁶⁰.

Несмотря на успехи в создании отдельных цифровых решений и распространении культурного контента, бразильская стратегия цифровой «мягкой силы» сталкивается с существенными структурными ограничениями при проекции влияния в транснациональной политической коммуникации. Политическая нестабильность и частая смена правительственных приоритетов препятствуют формированию долгосрочной последовательной стратегии. Импичмент президента Дилмы Руссефф в 2016 году, избрание Жаира Болсонару в 2018 году и приход к власти Луиса Инасиу Лулы да Силвы в 2023 году привели к радикальным изменениям в подходах к цифровой политике ¹⁶¹.

Каждая смена политического курса влечет пересмотр приоритетов цифровой стратегии, что препятствует накоплению институционального опыта и реализации

¹⁵⁹ Devanny J., Buchan R. Brazil's Cyber Strategy Under Lula: Not a Priority, but Progress Is Possible. Carnegie Endowment for International Peace, 2023. 426 p.

¹⁶⁰ Ituassu A., Guerrero M.A. Public Sphere and Political Communication Changes in Latin America: Digital Media and Democracy in Brazil and Mexico. Journal of Latin American Communication Research, 2025. Vol. 12, no. 1. Pp. 4-20.

¹⁶¹ Political transitions in Brazil // Encyclopaedia Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/Brazil/History>.

долгосрочных программ, необходимых для формирования устойчивого цифрового влияния.

Также технологическая зависимость от импорта критически важных компонентов ограничивает самостоятельность Бразилии в цифровой сфере. Страна импортирует практически все полупроводники, серверное оборудование и значительную часть программного обеспечения для телекоммуникационной инфраструктуры.

Согласно данным Министерства промышленности, внешней торговли и услуг Бразилии, дефицит торгового баланса в секторе информационных и коммуникационных технологий в 2023 году составил более 30 миллиардов долларов США ¹⁶².

Эта зависимость от импорта снижает способность Бразилии экспортировать собственную цифровую инфраструктуру, в отличие от Китая, который поставляет комплексные технологические решения, включая оборудование, программное обеспечение и системную интеграцию.

Отсутствие глобальных технологических компаний бразильского происхождения ограничивает формирование инфраструктурного капитала. В то время как Китай имеет Huawei, ZTE, Alibaba и Tencent с глобальным присутствием, а Индия – развитую ИТ-индустрию с международными контрактами, Бразилия не создала технологических гигантов, способных конкурировать на мировом рынке.

Крупнейшие бразильские ИТ-компании, такие как Totvs и Stefanini, работают преимущественно на внутреннем рынке и в Латинской Америке, не имея значительного присутствия в других регионах мира. Это ограничивает способность Бразилии создавать устойчивый спрос на свои технологические решения ¹⁶³.

Языковой барьер ограничивает глобальный охват бразильского цифрового контента. Португальский язык используют около 260 миллионов человек в мире, что значительно меньше охвата испанского (более 500 миллионов), китайского

¹⁶² Balança Comercial Brasileira // Ministério do Desenvolvimento, Indústria, Comércio e Serviços. Режим доступа: <https://www.gov.br/mdic/pt-br/assuntos/comercio-exterior/estatisticas>.

¹⁶³ Ranking das maiores empresas de tecnologia do Brasil // Associação Brasileira das Empresas de Tecnologia da Informação e Comunicação (Brasscom). Режим доступа: <https://brasscom.org.br/>.

(более 1 миллиарда) или английского языка как лингва франка международной коммуникации.

Хотя стриминговые платформы предоставляют субтитры и дубляж, культурная специфика бразильского контента часто не находит отклика за пределами португалоязычного и латиноамериканского регионов. Глобальная аудитория бразильских сериалов на Netflix остается значительно меньше, чем у южнокорейского или испанского контента.

Ограниченные финансовые ресурсы для международной цифровой экспансии также снижают эффективность стратегии. Бразильский бюджет на цифровую дипломатию и продвижение технологических решений за рубежом составляет десятки миллионов долларов, что несопоставимо с китайскими инвестициями в «Цифровой шелковый путь», исчисляемыми десятками миллиардов долларов.

Согласно данным бюджета на 2024 год, выделенные средства Министерству иностранных дел на программы публичной дипломатии, включая цифровой компонент, составили около 50 миллионов реалов (примерно 10 миллионов долларов США)¹⁶⁴.

Экономические кризисы и высокая инфляция периодически сокращают бюджетные возможности для долгосрочных инвестиций в цифровую инфраструктуру и международные проекты.

Фрагментированность цифрового рынка Латинской Америки препятствует региональному лидерству Бразилии. Несмотря на интеграционные усилия в рамках Меркосур, цифровые рынки латиноамериканских стран остаются разобщенными из-за различий в регулировании, технических стандартах и политических приоритетах.

Конкуренция с Мексикой за роль технологического лидера региона также ограничивает влияние Бразилии. Мексика, имеющая географическую близость к США и участие в соглашении USMCA, привлекает больше иностранных

¹⁶⁴ Lei Orçamentária Anual 2024 // Ministério da Fazenda. Режим доступа: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/orcamento-federal>.

инвестиций в цифровой сектор и выступает альтернативным центром технологического развития в Латинской Америке.

Как показывает пример Бразилии, подготовка к масштабным международным событиям (ЧМ-2014, Олимпиада-2016) не гарантирует усиления «мягкой силы»: политический кризис и социальные протесты способны обесценить вложенные ресурсы и сформировать устойчивый негативный образ страны в зарубежных СМИ. Слабость бразильской модели «мягкой силы» во многом объясняется утратой государством монополии на формирование образа нации. Как отмечает Ц. Хименес-Мартинес, в условиях цифровых медиа граждане и протестные движения получают возможность транслировать альтернативные, часто конфликтные нарративы, которые подрывают официальные имиджевые кампании и снижают эффективность публичной дипломатии ¹⁶⁵.

Таким образом, бразильская модель демонстрирует успешное формирование аудиторного капитала через культурный контент и нарративного капитала через демонстрацию эффективных цифровых решений на национальном уровне (Pix, Gov.br). Однако ограниченные финансовые ресурсы, технологическая зависимость от импорта, политическая нестабильность и отсутствие глобальных технологических компаний препятствуют масштабированию влияния за пределы португальязычного мира и Латинской Америки.

Южная Африка занимает выделяется среди стран БРИКС как наиболее развитая экономика Африканского континента и естественный посредник между объединением и африканскими государствами. Цифровая стратегия ЮАР формируется в контексте исторического наследия апартеида и стремления преодолеть глубокое социальное и экономическое неравенство. Институциональную основу цифровой политики составляет Департамент связи и цифровых технологий, созданный в 2019 году путем объединения Департамента телекоммуникаций и почтовых услуг и Департамента связи ¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Jimenez-Martínez C. National identity and the limits of soft power: when the nation turns against the state. Research for the World. Режим доступа: <https://researchonline.lse.ac.uk/id/eprint/126968/>.

¹⁶⁶ Jimenez-Martínez C. National identity and the limits of soft power: when the nation turns against the state. Research for the World. Режим доступа: <https://researchonline.lse.ac.uk/id/eprint/126968/>.

В августе 2024 года департамент выпустил документ «Концептуальные рамки политики искусственного интеллекта», открытый для общественного обсуждения. Документ направлен на «баланс между преимуществами ИИ и этическими, социальными и экономическими соображениями»¹⁶⁷.

Концепция выделяет четыре ключевые области регулирования:

- дезинформацию и фейковые новости, генерируемые с помощью ИИ;
- предвзятость и дискриминацию;
- злоупотребление авторскими правами;
- конфиденциальность для защиты личных, частных и общедоступных данных.

Южноафриканский подход к регулированию искусственного интеллекта отличается фокусом на социальной справедливости и предотвращении дискриминации. В документе отмечается, что «существует риск усиления хорошо задокументированных предубеждений в алгоритмах ИИ, если это не будет тщательно решено», что отражает озабоченность возможностью закрепления исторического неравенства через цифровые технологии.

Документ для обсуждения отмечает шесть областей, требующих регулятивного внимания: антиконкурентное поведение при предоставлении моделей ИИ, риски автономных устройств, агрессивную потерю занятости, преступное поведение, экзистенциальные риски выхода ИИ из-под контроля, риски военного применения ИИ¹⁶⁸.

Список регулируемых рисков показывает комплексный подход южноафриканских властей, охватывающий экономические и социальные аспекты внедрения искусственного интеллекта.

Как отмечают исследователи, анализирующие южноафриканскую политику в области ИИ: существует риск усиления хорошо задокументированных

¹⁶⁷ Artificial Intelligence Policy Framework Discussion Paper / Department of Communications and Digital Technologies. August 2024. Режим доступа: <https://www.dcdt.gov.za/sa-national-ai-policy-framework/file/338-sa-national-ai-policy-framework.html>.

¹⁶⁸ AI national government summit discussion document. Режим доступа: https://www.dcdt.gov.za/images/phocadownload/AI_Government_Summit/National_AI_Government_Summit_Discussion_Document.pdf.

предубеждений в алгоритмах ИИ, если это не будет тщательно решено, что создает глубокие этические проблемы. Озабоченность возможностью воспроизведения дискриминационных практик через алгоритмы ИИ является центральной темой южноафриканского дискурса о цифровых технологиях. Это формирует нарративный капитал ЮАР как защитника этического и справедливого развития цифровых технологий, что резонирует с другими развивающимися странами, сталкивающимися с аналогичными проблемами.

Географическое положение и относительно развитая по африканским меркам экономика дает возможность ЮАР позиционировать себя как технологический хаб континента. Кейптаун и Йоханнесбург привлекают технологические стартапы и инвестиции международных IT-компаний. Экономический вес ЮАР в Африке создает основу для формирования инфраструктурного капитала через привлечение региональных представительств международных технологических компаний. Страна выступает как точка входа на африканский рынок для глобальных цифровых платформ, что усиливает ее позиции как посредника между развитыми странами и Африканским континентом.

ЮАР активно участвует в формировании стратегии цифровой трансформации Африканского союза. В 2020 году была принята Стратегия цифровой трансформации для Африки на 2020-2030 годы, в разработке которой ЮАР играла ведущую роль ¹⁶⁹.

Участие в формировании панафриканской цифровой стратегии дает возможность ЮАР формировать нормативный капитал через влияние на стандарты и принципы цифрового развития континента. Стратегия направлена на использование цифровых технологий для трансформации африканского общества и экономики, при этом ЮАР позиционирует себя как лидера этого процесса.

Формирование нормативных рамок на континентальном уровне создает основу для более широкого нарративного позиционирования ЮАР в транснациональной политической коммуникации. Центральным элементом этого

¹⁶⁹ Приходько Д. В. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 1. С. 3-35.

нарратива становится защита принципов инклюзивного цифрового развития и противодействие «цифровому колониализму» – концепции, согласно которой африканские рынки эксплуатируются глобальными технологическими корпорациями без справедливого распределения выгод.

Переход от декларируемых целей к их практической реализации выявляет системные препятствия, которые ограничивают способность ЮАР эффективно проецировать цифровое влияние как внутри страны, так и на континентальном уровне. Эти ограничения носят фундаментальный социально-экономический характер.

Главным ограничением является отсутствие собственных глобальных или даже континентальных цифровых платформ южноафриканского происхождения. В отличие от Китая с TikTok и WeChat, Индии с UPI, или даже Кении с M-Pesa, ЮАР не создала технологических решений, которые получили бы массовое распространение за пределами страны. Это означает, что формирование аудиторного капитала происходит преимущественно через платформы, контролируемые западными или китайскими компаниями, что ограничивает суверенность южноафриканской цифровой дипломатии.

Зависимость от внешних платформ для транснациональной политической коммуникации создает фундаментальное противоречие между нарративом о защите африканского цифрового суверенитета и реальной практикой, где основные каналы коммуникации контролируются глобальными корпорациями. ЮАР критикует «цифровой колониализм», но не может предложить альтернативные инфраструктурные решения.

Ограниченные финансовые ресурсы по сравнению с Китаем, Россией и даже Индией сокращают возможности для масштабных инвестиций в инфраструктурные проекты за пределами страны. В то время как Китай инвестирует десятки миллиардов долларов в «Цифровой шелковый путь», прокладывая подводные кабели и строя телекоммуникационные сети в африканских странах, ЮАР не располагает ресурсами для аналогичных проектов.

Это ограничивает формирование инфраструктурного компонента ЦКК через создание физической зависимости других стран от южноафриканских технологий.

Также фрагментация африканского цифрового пространства препятствует реализации стратегии panafricanского лидерства. Континент разделен на франкофонную, англофонную, лузофонную и арабоязычную зоны с различными правовыми системами, унаследованными от колониальных держав. Это создает барьеры для распространения южноафриканских цифровых стандартов и решений за пределы англоязычной Южной и Восточной Африки.

Отсутствие значимого культурного контента с глобальным охватом ограничивает формирование аудиторного капитала. В отличие от Бразилии с ее сериалами на Netflix или Индии с Болливудом, южноафриканский культурный экспорт остается ограниченным. Хотя музыкальный жанр Amapiano получил определенное распространение, он не создает устойчивой глобальной аудитории, сопоставимой с влиянием K-поп или латиноамериканской музыки.

При этом, «мягкая сила» и публичная дипломатия Южно-Африканской Республики снижается. Как отмечает А.О. Наумов: «это стало следствием целого комплекса проблем, связанных с ошибками в области государственного управления ее новой политической элиты, которые негативно сказались и на имидже страны за рубежом»¹⁷⁰.

Таким образом, южноафриканская модель цифровой «мягкой силы» демонстрирует сильный нарративный капитал через позиционирование как защитника справедливого цифрового развития и участие в формировании континентальных стратегий. Однако отсутствие собственных глобальных платформ, ограниченные финансовые ресурсы и конкуренция с другими африканскими хабами препятствуют конвертации этого нарративного капитала в реальное влияние в транснациональной политической коммуникации стран БРИКС и за ее пределами.

¹⁷⁰ Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024. 198 с.

Анализ механизмов и технологий реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в странах БРИКС выявляет существенные различия в подходах, ресурсах и эффективности стратегий.

Компаративный анализ стратегий пяти стран-основательниц БРИКС дает возможность выделить четыре основных типа реализации цифровой «мягкой силы», каждый из которых характеризуется специфическим балансом компонентов ЦКК и стратегической направленностью (таблица 6).

Типологизация выявляет, что успешность реализации цифровой «мягкой силы» определяется способностью государства максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы и географические преимущества.

Таблица 6 – Типология моделей цифровой «мягкой силы» стран БРИКС

Тип модели	Страна	Доминирующий компонент ЦКК	Стратегическая направленность	Ключевая особенность
Инфраструктурно-интеграционная	Китай	Инфраструктурный капитал	Глобальная экспансия через создание физической и цифровой инфраструктуры	Создание структурной зависимости через «Цифровой шелковый путь»
Суверенно-регуляторная	Россия	Нарративный капитал	Защита информационного суверенитета и противодействие западному доминированию	Альтернативная интерпретация событий через государственные медиа
Демонстрационно-технологическая	Индия	Аудиторный капитал	Демонстрация технологических компетенций для позиционирования как лидера Глобального Юга	Масштабные цифровые платформы национального уровня (Aadhaar, UPI)
Культурно-региональная	Бразилия	Нарративный капитал (культурный)	Региональное лидерство в Латинской Америке через культурный контент	Экспорт культурного контента через глобальные стриминговые платформы
Нормативно-инклюзивная	ЮАР	Нормативный капитал	Формирование этических стандартов и защита интересов Африки	Участие в разработке panaфриканских цифровых стратегий

Китайская инфраструктурная модель требует инвестиций, недоступных другим членам БРИКС. Российская нарративная стратегия сталкивается с репутационными вызовами и блокировками на западных платформах. Индийская демонстрационная модель ограничена внутренним цифровым неравенством. Бразильская культурная стратегия сталкивается с языковыми барьерами. Южноафриканская нормативная модель не подкреплена достаточными технологическими и финансовыми ресурсами.

Операционализация концепции ЦКК через четыре компонента, такие как аудиторный, инфраструктурный, нормативный и нарративный капитал дает возможность систематическое сравнение стратегий стран БРИКС (таблица 7).

Таблица 7 – Компоненты ЦКК в стратегиях стран БРИКС

Страна	Аудиторный капитал	Инфраструктурный капитал	Нормативный капитал	Нарративный капитал	Интегральная оценка
Китай	Высокий: TikTok (1+ млрд пользователей), WeChat, игровая индустрия (Genshin Impact, PUBG Mobile)	Очень высокий: 16 проектов подводных кабелей (\$1,6 млрд), 5G инфраструктура в 80+ странах, 1118 совместных исследовательских проектов	Высокий: Первая страна с регулированием генеративного ИИ (2023), установление технических стандартов	Средний: CGTN воспринимается как пропагандистский, но DeepSeek демонстрирует технологическое лидерство	Доминирующая позиция по инфраструктурному и аудиторному компонентам
Россия	Низкий: Ограничен постсоветским пространством, RT и Sputnik заблокированы в ЕС, отсутствие глобальных платформ	Низкий: Региональное присутствие (Яндекс в РФ, Казахстане, Беларуси), отсутствие международной инфраструктуры	Средний: Кодекс этики ИИ (2021), добровольное саморегулирование, 48% доверия населения к ИИ	Средний: Альтернативные нарративы находят отклик в Латинской Америке, Африке, но репутационные издержки значительны	Фокус на нарративном компоненте при слабости остальных
Индия	Высокий: Диаспора 32+ млн, Болливуд, образовательные платформы (SWAYAM 7+ млн, DIKSHA 300+ млн пользователей)	Средний: UPI экспортируется (Сингапур, ОАЭ, Непал), но нет собственной глобальной инфраструктуры	Средний: «Легкое регулирование» ИИ (2024), позиционирование как открытой юрисдикции	Высокий: «Голос Глобального Юга», «аптека мира», технологические компетенции (Aadhaar 1,38 млрд, CoWIN 2,2 млрд доз)	Сильные аудиторный и нарративный компоненты при средней инфраструктуре
Бразилия	Средний: Культурный контент на Netflix (300+ млн зрителей), региональный охват в Латинской Америке	Низкий: Pix и Gov.br успешны внутри страны, но не экспортируются, дефицит торгового баланса в ИКТ \$30+ млрд	Средний: Законопроект PL 2338/2023 об ИИ, LGPD создает стандарты защиты данных для региона	Средний: Региональное лидерство в Меркосур, но ограничено португальязычным миром	Культурный нарративный капитал не компенсирует слабость инфраструктуры

Продолжение таблицы 7

Страна	Аудиторный капитал	Инфраструктурный капитал	Нормативный капитал	Нарративный капитал	Интегральная оценка
ЮАР	Низкий: Музыка Амаріано имеет ограниченный охват, отсутствие значимого культурного экспорта	Низкий: Позиционирование как хаб, но нет собственных технологических решений, зависимость от западных и китайских платформ	Средний: Концептуальные рамки политики ИИ (2024) с фокусом на инклюзивность и недискриминацию	Высокий: Защита от «цифрового колониализма», участие в Стратегии цифровой трансформации Африки (2020-2030)	Сильный нормативный нарратив не подкреплён другими компонентами

Сравнительный анализ компонентов ЦКК показывает асимметрию возможностей стран БРИКС в транснациональной политической коммуникации. Китай является единственной страной объединения, обладающей всеми четырьмя компонентами на высоком или очень высоком уровне, что создает синергетический эффект и обеспечивает глобальный охват влияния. Остальные страны демонстрируют специализацию на одном-двух компонентах при слабости других, что ограничивает масштабируемость их стратегий за пределы региональных рынков.

Количественный анализ инвестиций в цифровую инфраструктуру и технологические разработки выявляет критическое неравенство ресурсов между странами БРИКС (таблица 8).

Финансовое неравенство создает структурные ограничения для конкуренции в сфере цифровой «мягкой силы». Объявление Банка Китая о выделении 1 триллиона юаней на развитие ИИ в течение пяти лет после релиза DeepSeek превышает совокупные годовые бюджеты всех цифровых программ остальных стран БРИКС. Бразильский бюджет на публичную дипломатию, включая цифровой компонент, составляет примерно 10 миллионов долларов США, что в сотни раз меньше китайских инвестиций только в медиа-платформы.

Технологическая зависимость от импорта критических компонентов, фиксируемая дефицитом торгового баланса в секторе ИКТ (Бразилия – более 30 миллиардов долларов в 2023 году), лишает страны БРИКС формировать устойчивый спрос на свои технологические решения и инфраструктуру.

Таблица 8 – Финансовые и ресурсные параметры цифровых стратегий БРИКС

Параметр	Китай	Россия	Индия	Бразилия	ЮАР
Годовой бюджет на цифровую дипломатию и медиа	Несколько миллиардов USD	Сотни миллионов USD	Данные недоступны	~10 млн USD (50 млн реалов на публичную дипломатию, 2024)	Данные недоступны
Инвестиции в ИИ	1 трлн юаней (Банк Китая, 5 лет после DeepSeek)	Несколько миллиардов рублей (нацпроекты)	Данные недоступны	Данные недоступны	Данные недоступны
Международные инфраструктурные проекты	16 подводных кабелей (\$1,6 млрд), 84 страны BRI, 1118 научных проектов	Ограничены	Экспорт UPI (Сингапур, ОАЭ, Непал, Бутан)	Отсутствуют	Отсутствуют
Дефицит торгового баланса в ИКТ	Нет данных	Значительный (санкции на чипы и ПО после 2022)	Нет данных	\$30+ млрд (2023)	Значительный (импорт оборудования и ПО)
Количество пользователей собственных глобальных платформ	1+ млрд (TikTok)	0	0	0	0
Технологические компании с глобальным присутствием	Huawei, ZTE, ByteDance, Tencent, Alibaba	0	IT-индустрия (без глобальных платформ)	0 (Totvs, Stefanini – Латинская Америка)	0

Компаративный анализ выявляет различия в стратегиях и общие структурные ограничения, с которыми сталкиваются страны БРИКС при попытке конкурировать с западными державами в сфере цифрового влияния (таблица 9).

Китай, обладающий наибольшими ресурсами среди стран БРИКС, сталкивается с репутационными рисками, которые снижают доверие к его технологиям. Инцидент со взломом штаб-квартиры Африканского союза, где китайские хакеры отправляли копии содержимого в Пекин, подорвал доверие среди дружественных стран. Россия столкнулась со барьерами: блокировки RT и Sputnik в Европейском союзе с марта 2022 года, ограничения на YouTube, Facebook и Twitter лишили российские СМИ доступа к многомиллионной западной аудитории. Индия и Бразилия демонстрируют «ловушку средних возможностей»: достаточные ресурсы для создания национальных цифровых решений (Aadhaar, UPI, Pix, Gov.br), но недостаточные для их глобального масштабирования и конкуренции с западными или китайскими платформами.

Таблица 9 – Ограничения реализации цифровой «мягкой силы» в странах БРИКС

Тип ограничения	Китай	Россия	Индия	Бразилия	ЮАР
Репутационные риски	Опасения слежки и контроля, инцидент со взломом штаб-квартиры Африканского союза	Обвинения в дезинформации, блокировки RT и Sputnik в ЕС (март 2022), устойчивый негативный образ	Утечки данных Aadhaar, судебные разбирательства о конституционности (решение Верховного суда 2018)	Нет значимых	Отсутствие собственных технологий создает противоречие с нарративом о «цифровом суверенитете»
Отсутствие глобальных платформ	Нет (TikTok, WeChat есть)	RT/Sputnik заблокированы, Яндекс региональный	Koo, Chingari, Roposo остались внутренними после запрета китайских приложений	Нет собственных платформ, зависимость от Netflix для контента	Нет собственных платформ, зависимость от западных и китайских
Технологические санкции/зависимость	Частичные ограничения на чипы США, компенсируются внутренними разработками (DeepSeek \$294 тыс.)	Санкции после 2022: доступ к чипам, ПО ограничен; отказ Oracle, SAP, Adobe, Microsoft	Нет прямых санкций, но технологическая зависимость	Импорт всех полупроводников, серверного оборудования, дефицит \$30+ млрд	Импорт технологий
Языковые барьеры	Нет (контент адаптируется)	Русский язык ограничивает охват за пределами постсоветского пространства	Основной контент на хинди и национальных языках, английский ~15% цифрового контента	Португальский (260 млн) vs испанский (500+ млн), китайский (1+ млрд)	Английский распространен, но контент ограничен
Географический охват влияния	Глобальный (Африка, Азия, Латинская Америка, растущий в Европе)	Постсоветское пространство + выборочно Латинская Америка, Африка, Азия	Южная Азия, диаспора, развивающиеся страны Африки/Азии	Латинская Америка, португалоязычная Африка	Африканский континент (ограниченно)
Финансовые ресурсы	Очень высокие (1 трлн юаней на ИИ, млрд USD на инфраструктуру)	Сотни млн USD, значительно меньше Китая	Десятки млрд USD, но меньше Китая	~10 млн USD на публичную дипломатию, инфляция сокращает бюджеты	Ограниченные, неспособность финансировать проекты
Политическая стабильность/институциональная фрагментация	Централизованная система	Относительно стабильна	Фрагментация между MeitY, МИД, NITI Aayog, Минсвязи	Импичмент Руссефф (2016), Болсонару (2018), Лула (2023) – смена приоритетов	Относительно стабильна, но энергокризис
Конкуренция внутри региона	Доминирует в Азии	Нет значимой	Китай (геополитическая напряженность после 2020)	Мексика (близость к США, USMCA)	Кения (М-Pesa, «Силиконовая саванна»), Нигерия (стартапы), Руанда

Попытка Индии создать альтернативы китайским приложениям после их запрета в июне 2020 года оказалась малоэффективной – Koo, Chingari и Roposo остались преимущественно внутренними платформами, не получив значимого международного распространения.

ЮАР сталкивается с фундаментальным противоречием между нарративом о защите африканского цифрового суверенитета и реальной зависимостью от внешних платформ для транснациональной коммуникации. Отсутствие собственных технологических решений, подобных кенийской M-Pesa или индийской UPI, подрывает претензии на континентальное лидерство.

Как отмечают южноафриканские исследователи О. Айоделе и В. Петла, цифровое партнерство БРИКС, оформленное в Рамочной программе цифровой экономики 2022 года, создает основу для сотрудничества по таким направлениям, как кибербезопасность, защита данных и электронная коммерция ¹⁷¹.

Эффективность реализации цифровой «мягкой силы» во многом определяется институциональной архитектурой управления цифровыми программами и степенью централизации принятия решений (таблица 10).

Институциональный анализ показывает критическое преимущество централизованной китайской модели в скорости принятия и реализации решений. Путь от появления ChatGPT в ноябре 2022 года до принятия «Временных мер по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» в августе 2023 года занял менее года, что значительно быстрее, чем в других юрисдикциях БРИКС. Управление по делам киберпространства Китая координирует действия шести министерств, обеспечивая единообразие политики от регулирования до международной экспансии.

Россия и Индия показывают проблемы институциональной фрагментации. В России отсутствует единый орган, координирующий цифровую дипломатию: Россотрудничество занимается культурно-образовательными программами, МИД – традиционной дипломатией, Министерство цифрового развития – внутренней

¹⁷¹ Ayodele O., Petla V. Leveraging the BRICS digital partnership for collaborative digital governance. Journal of BRICS Studies, 2024. Vol. 3, no. 1. Pp. 1-7.

цифровизацией, что приводит к дублированию функций и отсутствию когерентной стратегии.

Таблица 10 – Институциональные модели управления цифровой стратегией БРИКС

Параметр	Китай	Россия	Индия	Бразилия	ЮАР
Координирующий орган	Управление по делам киберпространства Китая (CAC) + 6 министерств для регулирования ИИ	Отсутствует единый орган (Россотрудничество, МИД, Минцифры работают параллельно)	MeitY (с 2016), но без единой координации с МИД, NITI Aayog, Минсвязи	Министерство науки, технологий и инноваций (MCTI)	Департамент связи и цифровых технологий (с 2019)
Степень централизации	Очень высокая	Низкая (фрагментированная)	Средняя (институциональная фрагментация)	Низкая (смена приоритетов при смене власти)	Средняя
Модель регулирования ИИ	Детальное правовое регулирование (Временные меры 2023, маркировка контента ИИ)	Добровольное саморегулирование (Кодекс этики 2021)	«Легкое регулирование» (рекомендательный документ март 2024)	Комплексное правовое (законопроект PL 2338/2023, одобрен Сенатом декабрь 2024)	Концептуальные рамки для обсуждения (август 2024)
Скорость принятия решений	Высокая (ChatGPT ноябрь 2022 → регулирование август 2023, <1 года)	Средняя	Средняя	Низкая (зависит от политической конъюнктуры)	Низкая (стадия обсуждения)
Участие частного сектора	Контролируемое участие (Alibaba, Tencent, ByteDance)	Альянс в сфере ИИ (Яндекс, Сбер, ВКонтакте) + 500+ экспертов в разработке Кодекса	Слабое (самоуправление индустрии)	Средне (консультации при разработке законопроекта)	Слабое
Международная координация	«Цифровой шелковый путь» (84 страны BRI), 53 совместные лаборатории	Ограничена санкциями, фокус на БРИКС и СНГ	Председательство G20 (2023), «Голос Глобального Юга» (125 стран)	Меркосур, португалоязычные страны Африки	Стратегия цифровой трансформации Африки 2020-2030 (Африканский союз)

В Индии MeitY, Министерство иностранных дел, NITI Aayog и Министерство связи работают параллельно без единого координирующего центра, что снижает эффективность реализации программы Digital India в международном измерении.

Бразильская модель характеризуется политической нестабильностью: импичмент президента Дилмы Руссефф в 2016 году, избрание Жаира Болсонару в 2018 году и приход к власти Луиса Инасиу Лулы да Силвы в 2023 году привели к радикальным изменениям приоритетов цифровой политики, что препятствует накоплению институционального опыта и реализации долгосрочных программ.

Южная Африка находится на стадии формирования институциональной базы: концептуальные рамки политики искусственного интеллекта, выпущенные в августе 2024 года, открыты для общественного обсуждения и не имеют силы закона, что отражает осторожный подход и недостаток ресурсов для быстрого внедрения регулирования.

Заметим, что цифровая парадигма служит рамкой для сравнения стратегий стран БРИКС, предоставляя релевантность нарративов. Такой подход обеспечивает целостное понимание многополюсного цифрового влияния и выявляет взаимосвязь национальных и глобальных механизмов воздействия.

Компаративное исследование механизмов и технологий реализации цифровой парадигмы «мягкой силы» в странах БРИКС дает возможность сделать три ключевых вывода.

Во-первых, успех цифровой стратегии определяется не универсальной моделью, а комбинацией трех факторов: финансовых ресурсов, институциональной централизации и технологического суверенитета. Китай демонстрирует оптимальное сочетание всех трех факторов, что обеспечивает ему доминирующие позиции. Россия обладает институциональной волей, но ограничена санкциями и финансовыми ресурсами. Индия имеет технологические компетенции и финансы, но страдает от институциональной фрагментации. Бразилия и ЮАР ограничены всеми тремя факторами одновременно.

Во-вторых, отсутствие собственных глобальных цифровых платформ у четырех из пяти стран БРИКС создает структурную зависимость от западных или китайских технологий для транснациональной политической коммуникации. Это фундаментальное противоречие между декларируемыми целями цифрового суверенитета и реальной практикой использования платформ, контролируемых

внешними акторами. Попытки создать национальные альтернативы (индийские Koo, Chingari после запрета TikTok) провалились из-за недостатка финансирования, технологических компетенций и эффектов сетевых экстерналий, которыми обладают укоренившиеся глобальные платформы.

В-третьих, страны БРИКС демонстрируют успешность формирования нарративного капитала на региональном уровне, но испытывают трудности с его конвертацией в глобальное влияние. Индия эффективно позиционирует себя как «голос Глобального Юга» в Южной Азии и среди развивающихся стран. Бразилия доминирует в культурном пространстве Латинской Америки. ЮАР формирует этические стандарты для Африки. Россия находит отклик в странах с антизападными настроениями. Однако ни одна из этих стратегий не масштабируется до глобального уровня влияния, сопоставимого с западными державами или Китаем, из-за структурных ограничений – финансовых, технологических, языковых и репутационных.

3 «Контрострая сила» и когнитивная безопасность: нормативные и инструментальные аспекты защиты

3.1. Нормативные битвы: от UNESCO/OECD к BRICS-подходу

Глобальная конкуренция в области регулирования искусственного интеллекта и цифровых технологий представляет собой как технологическое соперничество, так и столкновение фундаментально различных нормативных парадигм. Доминирующая западная модель, выстроенная вокруг принципов UNESCO и OECD, сталкивается с альтернативным подходом стран БРИКС, основанным на концепциях цифрового суверенитета и технологической автономии.

Формирование западной нормативной модели регулирования искусственного интеллекта началось с принятия Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Руководящих принципов по искусственному интеллекту 22 мая 2019 года в Париже ¹⁷².

Этот документ стал первым межправительственным соглашением, определившим международные стандарты для обеспечения надежности и безопасности систем ИИ. Первоначально принципы были поддержаны 36 странами-членами ОЭСР, а также Аргентиной, Бразилией, Колумбией, Коста-Рикой, Перу и Румынией ¹⁷³.

Руководящие принципы ИИ содержат 5 ключевых рекомендаций по созданию этичного и недискриминационного ИИ ¹⁷⁴:

– ИИ должен повышать недискриминационный рост и устойчивое социально-экономическое развитие;

¹⁷² Руководящие принципы ОЭСР по искусственному интеллекту. Режим доступа: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/international-acts/rukovodyaschie-principy-oesr-po-iskusstvennomu-intellektu/>.

¹⁷³ Страны одобрили переработанную Рекомендацию Совета по искусственному интеллекту // Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/news/276245330.html>.

¹⁷⁴ Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г., Медведева М. Б. Регулирование искусственного интеллекта международными организациями как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 8. С. 1999-2026.

- технологии ИИ должны разрабатываться с учетом требований применимого законодательства, обеспечения и защиты прав человека, демократических ценностей и многообразия;
- работа ИИ должна быть прозрачной и понятной для людей;
- технологии ИИ должны работать надежно и безопасно в течение всего жизненного цикла; такие технологии должны постоянно оцениваться на предмет потенциального риска причинения вреда человеку;
- организации и люди, которые разрабатывают, внедряют, управляют технологиями ИИ, должны нести ответственность за адекватное и точное функционирование таких технологий.

В феврале 2020 г. ОЭСР запустила онлайн-платформу «Обсерватория политики ИИ ОЭСР» (OECD AI Policy Observatory/OECD.AI) ¹⁷⁵, которая обеспечивает следующее:

- обзор ситуации в странах и инструментов. Имеется интерактивная база данных стратегических документов, а также разрабатываемых инициатив в сфере ИИ из разных стран в целях укрепления международного сотрудничества и создания передового опыта;
- обзор принципов ИИ ОЭСР: детализированная информация о Руководящих принципах ИИ;
- обзор политик: анализ стратегических документов на предмет интеграции во все сферы государственного управления;
- обзор тенденций: анализ тенденций развития ИИ.

Главная цель онлайн-платформы «Обсерватории политики ИИ ОЭСР» – обеспечить разработку и внедрение этичного и недискриминационного ИИ.

В феврале 2022 г. онлайн-платформа «Обсерватория политики ИИ ОЭСР» представила инструмент по классификации систем ИИ с целью реализации эффективной политики в этой области (OECD Framework for the Classification of AI

¹⁷⁵ OECD.ai. Trends & data overview. Режим доступа: <https://oecd.ai/en/trends-and-data>.

Systems: a tool for effective AI policies)¹⁷⁶. Данный инструмент разработан для оценки потенциальных рисков применения ИИ и своевременного отражения ее результатов в стратегических документах по ИИ.

Параллельно с деятельностью ОЭСР, UNESCO приняла в ноябре 2021 года «Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта», направленную на формирование справедливого и инклюзивного подхода к разработке и применению ИИ на глобальном уровне¹⁷⁷.

Рекомендация охватывает вопросы транспарентности, подотчетности и конфиденциальности, содержит ориентированные на конкретные действия главы по управлению данными, образованию, культуре, здравоохранению и экономике, предлагает правительствам и директивным органам глобальную основу для регулирования ИИ. Цель создания документа – уменьшить риски и трудности, связанные с ИИ, особенно с точки зрения усугубления существующего неравенства и последствий для прав человека¹⁷⁸.

Кульминацией западного нормативного подхода стало принятие Европейским союзом AI Act (Закона об искусственном интеллекте), который был согласован на национальном уровне со всеми государствами-членами ЕС в декабре 2023 года, одобрен Европейским парламентом 13 марта 2024 года и Советом ЕС 21 мая 2024 года¹⁷⁹.

Данный нормативный акт стал первым в мире законом, направленным непосредственно на регулирование ИИ, формируя всеобъемлющий свод правил использования систем искусственного интеллекта в ЕС. Основная цель документа заключается в обеспечении становления Европы в качестве мирового лидера ИИ-индустрии при одновременной защите фундаментальных прав граждан, основ

¹⁷⁶ OECD. The OECD Framework for the Classification of AI systems. Режим доступа: <https://wp.oecd.ai/app/uploads/2022/02/Classification-2-pager-1.pdf>.

¹⁷⁷ ЮНЕСКО приняла рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта // Digital Russia. Режим доступа: <https://d-russia.ru/junesko-prinjala-rekomendaciju-ob-jeticheskikh-aspektah-iskusstvennogo-intellekta.html>.

¹⁷⁸ Этические аспекты искусственного интеллекта: еще один шаг к принятию Рекомендации ЮНЕСКО // UNESCO. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/eticheskie-aspekty-iskusstvennogo-intellekta-eshche-odin-shag-k-prinyatiyu-rekomendacii-yunesko>.

¹⁷⁹ Искусственный интеллект, Европейский союз: Закон об искусственном интеллекте // Дипломатический словарь. Режим доступа: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/искусственный-интеллект-европейский-союз-евросоюз-ес-закон-об-искусственном-интеллекте-2024-г/>.

демократии и верховенства права от рисков использования систем ИИ. Закон распространяется как на европейские компании, разрабатывающие и внедряющие ИИ, так и на иностранные корпорации, если их ИИ-системы используются на территории Евросоюза.

AI Act вводит риск-ориентированную классификацию систем ИИ. Системы с высоким риском включают технологии, используемые для работы инфраструктуры, если такое использование может поставить под угрозу жизнь и здоровье граждан, а также системы, применяемые в образовании и способные повлиять на доступ к нему через оценку экзаменов. К системам с ограниченным риском относятся технологии, не соблюдающие требования прозрачности и не информирующие людей о взаимодействии с ИИ. Системы с минимальным или отсутствующим риском включают, например, видеоигры с поддержкой ИИ или фильтры для спама ¹⁸⁰.

Для систем высокого риска предусмотрено наиболее строгое регулирование: обязательная регистрация в специальном реестре с общим доступом, обязательное проведение оценки воздействия на права человека, создание специальных систем управления и контроля над ИИ, а также ряд технических требований, обеспечивающих надежность системы и кибербезопасность. Регламент предусматривает административные штрафы до 35 миллионов евро или до 7% от общемирового годового оборота компании за ввод в эксплуатацию или на рынок запрещенной системы ИИ.

Страны БРИКС формулируют системную критику западной нормативной парадигмы, обвиняя ее в цифровом колониализме, ограничении цифрового суверенитета и доминировании корпоративных интересов.

Критика западного подхода концентрируется на нескольких ключевых аспектах. Первый аспект касается барьеров для входа на рынок. Западные стандарты, особенно GDPR Европейского союза и AI Act, создают значительные препятствия для компаний из развивающихся стран. Требования к сертификации,

¹⁸⁰ AI Act: Новые правила для развития искусственного интеллекта в ЕС // Data Privacy Office. Режим доступа: <https://data-privacy-office.com/ai-act-overview/>.

обязательному тестированию и созданию сложных систем управления рисками предполагают значительные финансовые и технологические ресурсы, которыми располагают преимущественно западные корпорации ¹⁸¹.

Второй аспект критики связан с концепцией цифрового колониализма. Цифровой разрыв в международных отношениях ведет к цифровой колонизации – ситуации, при которой государства, обладающие передовыми информационно-коммуникативными технологиями, осуществляют контроль и доминирование над менее развитыми в технологическом плане странами ¹⁸².

Информационно-коммуникационные технологии развивались и продолжают развиваться крайне неравномерно. Лидерские позиции в этом направлении уверенно держат страны Запада и Восточной Азии, главным образом США и Китай. В этих государствах сосредоточены не только основные производители ИТ-оборудования и программного обеспечения, но и располагаются штаб-квартиры крупнейших социальных сетей, аккумулирующих значительные объемы данных от пользователей по всему миру. Такая ситуация способствует развитию цифрового колониализма – диктата со стороны держателей технологий.

Третий аспект критики касается доминирования корпоративных интересов.

Цифровой колониализм связан с применением цифровых рычагов, которые позволяют развитым странам использовать в своих интересах человеческие и информационные ресурсы, получаемые из развивающихся стран, а также оказывать давление и контролировать страны Глобального Юга. Цифровой колониализм проявляется через проприетарное (являющееся частной собственностью) программное обеспечение, принадлежащее крупным транснациональным компаниям, и связан с использованием компаниями закрытого исходного кода и формированием условий жесткого соблюдения авторских прав.

Западные цифровые платформы – Google, Meta, Microsoft, Amazon – фактически определяют правила функционирования цифрового пространства, при

¹⁸¹ Цифровой разрыв, цифровая колонизация // Дипломатический словарь. Режим доступа: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/цифровой-разрыв-цифровая-колонизация/>.

¹⁸² Бучинская О. Н. Цифровая колонизация – новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3(106). С. 78-92.

этом извлекая основную экономическую выгоду из данных пользователей по всему миру. Даже при наличии формального регулирования, как в случае с GDPR, реальная власть над цифровой инфраструктурой остается в руках частных корпораций, зарегистрированных преимущественно в США.

Четвертый аспект критики связан с несбалансированностью западного подхода к вопросам безопасности и приватности. Требования прозрачности и открытости алгоритмов, содержащиеся в документах UNESCO и OECD, на практике могут вступать в противоречие с интересами национальной безопасности. Раскрытие механизмов работы систем ИИ, используемых в критической инфраструктуре или оборонной сфере, создает уязвимости, которыми могут воспользоваться недружественные государства или террористические организации.

На XVII саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро в июле 2025 года была принята совместная декларация об управлении искусственным интеллектом, в которой авторы выступили против фрагментации и дублирования усилий по ИИ на международном уровне, отметив, что это может усугубить уже существующие асимметрии и подорвать легитимность глобального управления цифровыми вопросами ¹⁸³.

Лидеры БРИКС подтвердили право всех стран на доступ к преимуществам цифровой экономики и развивающимся технологиям, включая ИИ, а также на разработку собственных нормативных структур для технологической автономии и инноваций. Декларация подчеркивает важность справедливого регулирования рынков, инклюзивного управления данными и открытого доступа к ИИ-технологиям.

Жесткое регулирование технологических гигантов в Европейском союзе создает «окно возможностей» для стран БРИКС. Принятие GDPR в 2018 году и последующее введение AI Act, а также двух дополнительных ключевых регламентов Digital Markets Act и Digital Services Act продемонстрировало

¹⁸³ Лидеры БРИКС приняли декларацию об управлении ИИ. Режим доступа: <https://ria.ru/20250707/briks-2027573942.html>.

готовность ЕС ограничивать деятельность крупных технологических корпораций в интересах защиты прав граждан и обеспечения цифрового суверенитета ¹⁸⁴.

Государства пытаются защитить свой суверенитет и экономику от компаний из Кремниевой долины. Евросоюз стремится изменить эту ситуацию и создать целостную систему контроля за деятельностью IT-гигантов, способную защитить рынок и общество. Руководство ЕС планирует наложить значительные ограничения на деятельность IT-гигантов и тем самым защитить пользователей от манипуляций информацией, а рынок – от монополизации и непрозрачности.

Эволюция цифровой повестки БРИКС прослеживается через анализ деклараций саммитов объединения. Повестка цифрового сотрудничества стала одной из центральных и наиболее востребованных в рамках БРИКС. В качестве самостоятельной области данная проблематика оформилась к 2015 году усилиями России, инициативы которой в области международной информационной безопасности не ограничиваются БРИКС и в течение многих лет пользуются поддержкой на уровне ООН ¹⁸⁵.

Спектр вопросов, которым занимается БРИКС, делится на три направления: политическое, экономическое и гуманитарное. XVI саммит БРИКС в Казани (22–24 октября 2024 года) стал важным событием российского председательства и самым представительным в истории объединения. На саммит прибыли 36 делегаций из разных стран, 22 из которых – на высшем уровне.

По итогам XIV саммита БРИКС в 2022 г. была принята Пекинская декларация, в которой выражена обеспокоенность рисками и этическими дилеммами, связанными с ИИ. Декларация призывает страны БРИКС совместно работать над устранением этих озабоченностей, обмениваться передовым опытом, проводить сравнительные исследования по этому вопросу для разработки общего подхода к управлению, которое будет служить руководством для стран БРИКС в отношении этического и ответственного использования ИИ, способствуя развитию

¹⁸⁴ Брюссельский цифровой светофор. Как ЕС собирается приструнить IT-гигантов // Republic. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/99045>.

¹⁸⁵ Цифровой суверенитет в повестке объединения БРИКС // РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/>.

технологий ИИ. Принимая во внимание эти факторы, в 2023 году страны БРИКС договорились создать Группу по изучению ИИ ¹⁸⁶.

XVII саммит БРИКС в Рио-де-Жанейро (6-7 июля 2025 года) стал значимым этапом формирования общего подхода объединения к управлению искусственным интеллектом. Впервые в качестве полноправного члена БРИКС принимала участие Индонезия.

Лидеры стран БРИКС приняли декларацию о глобальном управлении искусственным интеллектом, в которой выразили намерение способствовать разработке международных принципов развития и применения технологий ИИ, ориентированных на инклюзивность, устойчивость и соблюдение прав человека ¹⁸⁷. В документе подчеркивается, что глобальное управление ИИ должно смягчать потенциальные риски и удовлетворять потребности всех стран, особенно стран Глобального Юга.

В объединении БРИКС действует Рамочная программа в сфере науки, технологий и инноваций, направленная на поддержку исследований по приоритетным направлениям, для проведения которых эффективнее использовать многонациональный подход.

Финансирование осуществляется отдельно, в пределах каждой конкретной страны, организациями, которые принимают участие в Программе. Финансирование образовательных, научных организаций Российской Федерации осуществляет Минобрнауки России. Функции Секретариата Программы выполняет РФФИ ¹⁸⁸.

В проекте, представленном на конкурс, должны принимать участие три и более организации из трех различных стран БРИКС. Минимум трое из участников должны запросить поддержку у соответствующих финансирующих организаций и иметь право получения такого финансирования.

¹⁸⁶ ИИ в странах БРИКС // Правительство РФ. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/ai-brics/>.

¹⁸⁷ Лидеры БРИКС приняли декларацию об управлении ИИ. Режим доступа: <https://ria.ru/20250707/briks-2027573942.html>.

¹⁸⁸ Программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций // СПбГЭТУ. Режим доступа: <https://etu.ru/ru/nauchnaya-i-innovacionnaya-deyatelnost/konkursy-granty/programma-briks-v-sfere-nauki-tehnologij-i-innovacij>.

Также в области кибербезопасности была создана важная инициатива. Президент России Владимир Путин на встрече с представителями государств БРИКС, курирующих вопросы безопасности, среди конкретных результатов совместной работы отметил создание специального электронного реестра для обмена данными о компьютерных атаках и инцидентах ¹⁸⁹.

В области институционального развития особое значение имеют предложения, выдвинутые на XVII саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро. Министр иностранных дел Ирана Аббас Аракчи предложил создать Центр БРИКС по ИИ и новым технологиям для обмена знаниями, совместных разработок и поддержки инновационных проектов ¹⁹⁰.

В октябре 2025 года заместитель Председателя Правления Сбербанка Станислав Кузнецов представил предложение о создании Альянса БРИКС по кибербезопасности ¹⁹¹.

Альянс БРИКС по кибербезопасности объединит ключевые организации стран-участников для обмена опытом и координации действий и позволит совместно бороться с киберугрозами и эффективнее реагировать на инциденты. Потенциально при скоординированности и заинтересованности всех сторон Альянс может начать работу уже в 2027 году. Дорожную карту формирования альянса предложено рассмотреть на специальном заседании саммита БРИКС в Индии в 2026 году.

Анализ подходов БРИКС и западных стран к цифровому регулированию дает возможность выделить три ключевых направления нормативных столкновений: подходы к данным, регулирование искусственного интеллекта и управление киберпространством.

Важнейшим элементом современного цифрового суверенитета является суверенитет в области данных.

¹⁸⁹ БРИКС объединились во благо кибербезопасности // ComNews. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/235179/2024-09-13/2024-w37/1007/briks-obedinilis-vo-bлаго-kiberbezopasnosti>.

¹⁹⁰ БРИКС+ на саммите в Рио: реформы глобальной системы, ИИ и новые партнерства // TV BRICS. 07.07.2025. Режим доступа: <https://tvbrics.com/news/predstaviteli-stran-briks-vydvynuli-predlozheniya-po-ukreplenyu-mnogostoronnnosti/>.

¹⁹¹ Сбер предложил создать Альянс БРИКС для борьбы с киберугрозами // МК Йошкар-Ола. Режим доступа: <https://www.mk-mari.ru/social/2025/10/27/sber-predlozhit-sozdat-alyans-briks-dlya-borby-s-kiberugrozami.html>.

Согласно подходу БРИКС, суверенитет в области данных предполагает возможность хранения и обработки данных на территории государства в рамках национальной юрисдикции или же, в случае если данные хранятся за пределами страны, распространение национального законодательства на вопросы их обработки, хранения и передачи третьим лицам. Цифровой суверенитет включает контроль над инфраструктурой связи и Интернета, расположенной внутри государственных границ, независимость в области программного обеспечения, а также в сфере платформенной экономики, что предполагает наличие в государстве национальных поисковых систем, социальных сетевых сервисов, почтовых сервисов.

Европейский подход, воплощенный в GDPR (Общем регламенте по защите данных), направлен прежде всего на то, чтобы дать гражданам контроль над собственными персональными данными, и на упрощение нормативной базы для международных экономических отношений путем унификации регулирования в рамках ЕС.

GDPR применяется экстерриториально: он распространяется не только на компании, зарегистрированные на территории ЕС, но и на организации, зарегистрированные за пределами ЕС, если обработка персональных данных происходит в отношении субъектов данных, находящихся на территории ЕС, в связи с предложением товаров и услуг. За невыполнение закона накладывается штраф до 20 миллионов евро или до 4% от годового мирового оборота компании за предыдущий финансовый год, в зависимости от того, что больше.

Принципиальное различие между подходами заключается в том, что европейская модель делает акцент на правах индивида и свободе перемещения данных внутри ЕС при жестких требованиях к защите, в то время как модель БРИКС ставит во главу угла государственный суверенитет и контроль над данными на национальной территории. Россия, Китай и Индия активно внедряют требования локализации данных, обязывая иностранные компании хранить данные граждан на серверах внутри страны.

В подходе к регулированию искусственного интеллекта наблюдается аналогичное расхождение приоритетов. Западная модель, представленная принципами OECD и UNESCO, а также AI Act Европейского союза, акцентирует внимание на предосторожности (precautionary approach), оценке рисков и защите прав человека. Системы ИИ классифицируются по уровню риска, и наиболее жесткие требования применяются к системам высокого риска, способным повлиять на безопасность людей или их фундаментальные права.

Подход БРИКС, артикулированный в декларациях саммитов, делает акцент на инклюзивность, развитие и суверенитет. Страны БРИКС подчеркивают, что глобальное управление ИИ должно смягчать потенциальные риски и удовлетворять потребности всех стран, особенно стран Глобального Юга. БРИКС выступает за развитие открытых моделей, научное и технологическое сотрудничество, избегая процессов стандартизации как барьеров для входа на рынки малых стран и развивающихся экономик.

Для стран БРИКС принципиально важно, чтобы регулирование ИИ не создавало дополнительных барьеров для технологического развития и не закрепляло отставание развивающихся стран. Этот подход отражает опасения, что западные стандарты, особенно требования AI Act к обязательному тестированию, сертификации и оценке рисков, де-факто могут быть выполнены только крупными корпорациями из развитых стран, что еще более усилит цифровое неравенство.

Третье важнейшее нормативное столкновение касается модели управления интернетом и киберпространством. Западная модель основана на мультистейкхолдерском подходе, предполагающем участие в управлении интернетом не только государств, но и частных компаний, гражданского общества и технического сообщества. Этот подход воплощен в деятельности ICANN (Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами) и других международных организаций, где значительную роль играют негосударственные акторы.

Страны БРИКС, особенно Россия и Китай, выступают за модель многостороннего управления (multilateral governance) на основе

межправительственного сотрудничества под эгидой ООН. Согласно этому подходу, суверенные государства должны иметь решающую роль в управлении киберпространством на своей территории, а международные вопросы должны решаться через межправительственные переговоры, а не через структуры с участием частных корпораций и НКО.

Декларации БРИКС последовательно подчеркивают приверженность многосторонности и роли ООН как центральной площадки для выработки норм в сфере кибербезопасности и управления интернетом. Эта позиция вступает в противоречие с западной практикой, где ключевую роль играют частные технологические корпорации, формирующие де-факто стандарты функционирования цифрового пространства.

Сравнительный анализ выявляет принципиальные расхождения в подходах БРИКС и западных стран по ключевым направлениям цифрового регулирования.

Подытожим нормативные столкновения между западным и BRICS-подходами к цифровому регулированию в таблице 11.

Таблица 11 – Нормативные столкновения между западным и BRICS-подходами к цифровому регулированию

Направление	Западный подход (UNESCO/OECD/EC)	BRICS-подход
Данные	Защита прав индивида, свободное перемещение данных внутри ЕС (GDPR), экстерриториальное применение	Государственный суверенитет, локализация данных, контроль в рамках национальной юрисдикции
Искусственный интеллект	Риск-ориентированное регулирование, предосторожность, защита прав человека (AI Act)	Инклюзивность, развитие открытых моделей, избегание барьеров для развивающихся стран
Киберпространство	Мультистейкхолдерская модель (ICANN), участие частных компаний, НКО, технического сообщества	Многостороннее межправительственное управление, центральная роль ООН, государственный суверенитет
Приоритеты	Индивидуальные права, рыночная конкуренция, прозрачность алгоритмов	Национальная безопасность, технологическая автономия, учет интересов Глобального Юга
Механизмы принуждения	Крупные штрафы (до 4% оборота), сертификация и тестирование систем	Лицензирование иностранных платформ, требования локализации, межправительственные соглашения

Анализ нормативной эволюции подходов БРИКС к цифровому регулированию дает возможность сделать несколько важных выводов.

Во-первых, формируется альтернативная западной нормативная парадигма, основанная на концепциях цифрового суверенитета, многостороннего управления и учете интересов развивающихся стран. Эта парадигма последовательно артикулируется в декларациях саммитов и находит воплощение в конкретных институциональных инициативах – от Рамочной программы по науке и технологиям до предложений о создании Центра БРИКС по ИИ и Альянса по кибербезопасности.

Во-вторых, вопрос о формировании единого «BRICS-стандарта» остается открытым. Более корректно говорить о коалиции суверенных подходов, объединенных общей критикой западного доминирования, но различающихся в конкретных механизмах и степени государственного контроля. Наиболее высокая комплементарность наблюдается в позициях России и Китая, которые активно наращивают присутствие государства в цифровой сфере, руководствуясь соображениями безопасности. Индия, Бразилия и ЮАР занимают более умеренные позиции, стремясь сбалансировать требования государственного суверенитета с необходимостью интеграции в глобальную цифровую экономику.

В-третьих, цифровая повестка обладает значительным консолидирующим потенциалом для объединения. В условиях, когда страны БРИКС могут иметь разногласия по геополитическим вопросам, цифровой суверенитет и противодействие технологическому доминированию западных корпораций становятся объединяющей темой, вокруг которой можно выстраивать практическое сотрудничество. Создание общих институтов, обмен опытом регулирования и совместные исследовательские проекты укрепляют внутреннюю связность БРИКС как международного объединения.

В-четвертых, важно отметить, что БРИКС-подход не является полностью изолированным от западной модели. Декларации объединения подчеркивают важность прав человека, этичности и прозрачности ИИ, безопасности данных – ценностей, которые присутствуют и в западных документах. Различие заключается

не столько в базовых ценностях, сколько в приоритетах и механизмах их реализации: БРИКС ставит государственный суверенитет и интересы развития выше индивидуальных прав и рыночной конкуренции.

Наконец, «окно возможностей», созданное европейским регулированием Big Tech, демонстрирует следующую динамику: жесткое регулирование технологических гигантов в ЕС легитимирует аналогичные действия стран БРИКС, создавая прецедент для ограничения власти глобальных цифровых платформ. Таким образом, даже внутри западного блока происходит частичная конвергенция с позицией БРИКС в вопросе необходимости государственного контроля над Big Tech, хотя мотивы и конкретные механизмы этого контроля различаются.

3.2. Когнитивная этика и нейроэтикет: принципы, процедуры и метрики

Промышленная революция в новой ИИ-парадигме ставит перед человечеством проблему защиты когнитивной сферы личности, сопоставимую по значимости с традиционными вопросами безопасности. В условиях стремительного развития нейротехнологий и систем искусственного интеллекта возникает необходимость создания международной системы этического регулирования, обеспечивающей защиту когнитивного суверенитета личности как фундаментального права человека.

Искусственный интеллект в широком смысле трактуется как система, способная обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение, согласно определению ЮНЕСКО.

Российское законодательство определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Искусственный интеллект уже является проводником «мягкой силы» и влияет на убеждения и поведение людей. Как подчеркивает директор Департамента информации и печати МИД России М.В. Захарова: «ИИ становится не только и не

столько инструментом прогресса, сколько рычагом давления, движущей силой глобальной конкуренции, в том числе за умы и сердца, за сам образ жизни человека, а также средством перераспределения власти в мире. В погоне за этим безусловным лидерством, статусом «властителя судьбы человечества», есть риск оказаться совсем не в том будущем, какое нам рисуют сторонники цифрового перехода»¹⁹².

В рамках цифровой «контрострой силы» механизмом защиты в первую очередь является этическое и идеологическое ядро человека, культуры и национальности. В цифровое время его могут формировать стандарты. Один из влиятельных и рискованных проводников «мягкой силы» являются системы ИИ, которые уже влияют не только на инфраструктуру, но и на убеждения и поведение людей.

Среди ключевых угроз когнитивному суверенитету можно выделить:

- недостаточная информированность об ИИ-технологиях, ведущая к их мифологизации;
- цифровое неравенство и распространение неподтвержденных данных;
- риски манипуляции сознанием, связанные с применением нейротехнологий;
- утечки конфиденциальных данных;
- неопределенность в интерпретации эмоциональных реакций ИИ.

Для обеспечения защиты прав человека в цифровую эпоху необходима реализация следующих принципов:

1) прозрачность алгоритмов. Граждане должны знать, когда они взаимодействуют с системами ИИ, и понимать условия этого взаимодействия. Ответственность за принятое решение всегда должна быть за человеком, поскольку определенные вопросы нельзя поручать алгоритмам.

2) свободное и информированное согласие. Необходим контроль со стороны пользователя с использованием принципа «конфиденциальность по умолчанию» и

¹⁹² Захарова М. В. Об искусственном интеллекте // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/07/17/neokolonializm.html>.

сбором необходимого минимума данных для региональных и законодательных ограничений (пол, возраст, страна).

3) обратимость воздействий. Системы должны обеспечивать прослеживаемость изменений в этическом контуре и возможность контроля границ с механизмом согласия (opt-in/opt-out). Модели должны уметь честно признавать неопределенность и показывать степень уверенности в своих ответах.

4) недискриминация (снижение bias). Алгоритмы должны проектироваться для предотвращения дискриминации по расовым, национальным, половым, политическим, религиозным признакам, возрасту и социально-экономическому статусу.

5) языковое и культурное разнообразие. Необходима динамичная настройка систем под ментальность различных культур и соответствие местному законодательству страны, в которой находится пользователь или ведет деятельность компания-разработчик.

6) защита уязвимых групп (дети, пожилые). Системы должны включать особую защиту для несовершеннолетних и пожилых пользователей, особенно в контексте предотвращения мошенничества и манипуляций.

Реализация данных принципов составляет основу концепции нейроэтикета, разработанной Кант Т.В. в компании ООО «Глобал Кант Хаб: Аналитика и образование» (GKNHUB).

GKNHUB – это международная организация, специализирующаяся на аналитике и образовании в сфере технологического бизнеса, которая была основана в 2025 г. Кант Т.В. Компания помогает оценивать и повышать эффективность с помощью уникальных пилотных ИИ-индексов, формирующих инфраструктуру доверия, а также внедрять искусственный интеллект ответственно – на основе передовых R&D-исследований в области этики ИИ и глобального стандарта «Кант 3.0», признанного ШОС ядром цифровой дипломатии.

Цели GKNHUB:

– разработка и внедрение этических стандартов использования искусственного интеллекта и нейротехнологий;

- формирование «Инфраструктуры доверия» для оценки этичности ИИ-систем;
- подготовка кадров в области цифровой этики, международного протокола и нейроэтикета;
- содействие международному научно-экспертному сотрудничеству в сфере цифровой дипломатии и «мягкой силы»;
- экспертно-консультационное сопровождение проектов в области информационной и когнитивной безопасности.

Основные задачи GKNHUB:

- создание Кодекса нейроэтикета «Кант 3.0 Global»;
- разработка и апробация трех индексов (Доверия, Культурной ответственности, Динамической этики);
- реализация образовательных программ и курсов повышения квалификации в Центре компетенций GKNHUB по этике ИИ и нейроэтикету, а также совместно с Дипломатической академией МИД России;
- участие в экспертных мероприятиях ШОС, БРИКС, Беооского азиатского форума, форумов НАМИБ;
- проведение аудита цифровых коммуникаций, консультирование государственных структур и бизнеса.

Источники финансирования организации:

- доходы от реализации образовательных программ и курсов повышения квалификации;
- консультационные услуги и экспертно-аналитическое сопровождение проектов;
- добровольные целевые взносы партнеров (в рамках реализации совместных инициатив);
- собственные средства учредителя.

В рамках своей образовательной инициативы, Академии GKNHUB, компания обучает специалистов компетенциям в сфере этики искусственного интеллекта,

нейроэтикета и практического применения кодекса «Кант 3.0», который служит нормативным основанием для построения доверительных цифровых экосистем.

Тем самым GKNHUB объединяет технологии, этику и глобальную экспертизу, создавая целостную модель ответственного внедрения ИИ, направленную на защиту прав человека и устойчивое развитие в эпоху алгоритмического управления.

Нейроэтикет представляет собой не замену «мягкой силы», а дополнительную опцию – «мягкую силу» через нейроэтикет, которая предоставляет возможность управлять коммуникационными процессами с учетом нейropsихологических особенностей восприятия информации целевыми аудиториями.

Нейроэтикет как инновационная политическая технология основывается на понимании когнитивных механизмов восприятия политической информации и психологических процессов формирования политических предпочтений, учете социокультурных особенностей политического восприятия различных аудиторий и применении современных цифровых технологий для создания эффективных стратегий политического воздействия.

Важной особенностью разработки является то, что термин «нейроэтикет» был переведен на китайский язык 神经伦理与数字交往规范. Это свидетельствует о новизне концепции – ранее такого термина не существовало ни в русском, ни в китайском языке, что подчеркивает инновационный характер разработки.

Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» включает семь ключевых принципов, представленных в таблице 12.

Для того чтобы кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» стал действенным инструментом регулирования цифрового взаимодействия в нейротехнологической среде, необходимо его институциональное закрепление на различных уровнях – от локального до международного.

Таблица 12 – Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0»¹⁹³

Принцип	Содержание
Иерархия решений	Искусственный интеллект может предлагать варианты, но финальное решение всегда остается за человеком, чтобы сохранить ответственность и свободу воли. Это гарантирует, что ключевые решения, влияющие на жизнь, свободу или благополучие человека, не будут отданы на откуп алгоритмам. Данный принцип охраняет за человеком автономию, право на ошибку и окончательную ответственность.
Фильтры сознания	ИИ не должен манипулировать мыслями и чувствами, чтобы защитить психическую автономию личности. Фильтры сознания обеспечивают защиту личности от скрытого или явного манипулирования мыслями, эмоциями и поведением с помощью нейротехнологий.
Ответственность цепочки	Каждый этап работы с ИИ – от разработки до применения – имеет свою зону ответственности: разработчик, регулятор и конечный пользователь обязаны действовать этично. Это создает систему подотчетности и сдерживания, поскольку четко определены субъекты ответственности для каждого этапа жизненного цикла системы (в случае сбоя, ошибки или злоупотребления нейротехнологиями).
Защита от магнитного смога	Все нейроустройства должны соответствовать безопасному уровню электромагнитного излучения ($SAR \leq 1.6$ Вт/кг), чтобы минимизировать вред от излучения. Строгие нормы SAR защищают пользователя от неизученных или доказанных негативных последствий для организма, особенно при постоянном ношении устройств.
Зеркальность культур	При разработке ИИ учитываются нормы всех стран ШОС и других культурных моделей с целью уважения многообразия и предотвращения цифровой дискриминации. Данный принцип обеспечивает, что технологии служат всем людям равноправно, учитывают их ценности и контекст, а не навязывают чуждые стандарты или усугубляют существующие неравенства.
Человечность	ИИ дополняет человека, а не заменяет его, потому что технологии должны усиливать, а не вытеснять человеческую сущность. Принцип гарантирует, что технологии остаются инструментом усиления человеческих способностей, а не заменой самого человека, сохраняя смысл человеческого существования и социальных связей.
Динамическая адаптивность	Кодекс регулярно обновляется, чтобы отражать технологические и социальные изменения в реальном времени. Статичный кодекс быстро устареет перед лицом новых нейротехнологий и связанных с ними этических дилемм.

Рассматривая сферы и направления применения кодекса нейроэтикета «Кант 3.0», были проанализированы различные аспекты, субъекты и риски, отраженные в таблице 13, с которыми этот процесс сталкивается.

¹⁹³ Кант Т. В. Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» как основа цифровой суверенной этики в условиях нейротехнологической трансформации // Наука. Практика. Человек : сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва. Москва : Мир науки, 2025. С. 51-60.

Таблица 13 – Сферы и направления применения кодекса нейроэтикета «Кант 3.0»¹⁹⁴

Сфера применения	Основные задачи применения	Примеры организаций/институций	Риски без применения кодекса
СМИ и политическая коммуникация	Этическая регуляция распространения политических новостей и информации, борьба с манипуляциями и дезинформацией	Государственные и частные СМИ, пресс-службы, медиаагентства, политические партии	Манипуляции общественным мнением, подрыв доверия, рост манипулятивного воздействия
Государственное регулирование	Внедрение норм в законодательство, контроль безопасности нейротехнологий	Министерства цифрового развития, здравоохранения, национальные регуляторы	Нарушение прав граждан, снижение контролируемости технологий
Международное сотрудничество	Координация этических стандартов между странами и объединениями	ШОС, БРИКС, ООН, ЮНЕСКО	Конфликты стандартов, ослабление нормативной автономии
Образовательные учреждения	Включение этических норм в программы подготовки специалистов	Университеты, научные центры	Низкий уровень этической подготовки, злоупотребления
Частный сектор и бизнес	Корпоративные стандарты, ответственный дизайн и внедрение продуктов	IT-компании, стартапы, производители нейроустройств	Репутационные риски, юридические санкции
Этико-правовые комитеты	Контроль соблюдения кодекса, разрешение конфликтов	Независимые этические советы, комитеты при госорганах	Недостаточный учет этических требований, внутренние конфликты

Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» может быть применим только в странах с этически чувствительным регулированием технологий. Эффективность применения кодекса зависит от уровня развития институтов гражданского общества и сложившейся практики технологического регулирования в конкретной стране.

¹⁹⁴ Кант Т. В. Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» как основа цифровой суверенной этики в условиях нейротехнологической трансформации // Наука. Практика. Человек : сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва. Москва : Мир науки, 2025. С. 51-60.

Данный кодекс был занесен в протокол заседания в Сколково на «Заседании Управляющей комиссии пула технопарков и инновационных кластеров государств-членов ШОС» с докладом на тему «Нейроэтикет Канта – ключ к технологическому суверенитету стран ШОС» 30 мая 2025 года. Также Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» был представлен на Иннопроме и 10 июля 2025 года был представлен в новостях СМИ «Sputnik Arabic».

В рамках БАФ-2025 дан комментарий СМИ «Sina News» от эксперта Кант Т.В. о ключевом направлении обсуждения – этическом: «Форум Боао создает «этическую операционную систему» для глобального управления», где 30 стран подключены к системе электронной коммерции Шелкового пути, а соглашения по ИИ позволят на 30% повысить эффективность портовых операций.

На выставке ИННОПРОМ-2025, где присутствовали более 1000 компаний и делегации из 60 стран, в рамках Международной сессии «Технологическое партнерство без границ: сотрудничество со странами ШОС и Китаем как точка роста экспорта» от российской компании GKHUB был анонсирован Кодекс «Кант 3.0». Также ведутся переговоры с партнерами из Саудовской Аравии о пилотном проекте в умном городе NEOM по совместным исследованиям в области этического ИИ как новой ESG-валюты.

Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» был представлен на XIX Международном форуме НАМИБ «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» в сентябре 2025 г.,

В сентябре 2025 г. на XIX Международном форуме НАМИБ «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» был представлен расширенный кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» до кодекса нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития».

Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» выглядит следующим образом.

Введение.

Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» (далее – Кодекс) устанавливает этические принципы и стандарты поведения для всех участников создания, внедрения и использования нейротехнологий и интерфейсов «мозг-компьютер» (НТ/ИМК). Кодекс направлен на обеспечение гуманистического, безопасного и ответственного развития нейротехнологий в интересах человека и общества.

Кодекс применяется в отношении систем и устройств, использующих нейротехнологии в гражданских целях. Документ носит рекомендательный характер и действует в части, не урегулированной национальным законодательством страны применения.

Раздел 1. Принципы нейроэтикета и правила поведения.

1. Принцип иерархии решений

Технологии дополняют, но не заменяют людей. Окончательное решение всегда за человеком.

1.1. Человеческий суверенитет.

Любое решение, принимаемое с использованием НТ/ИМК, должно быть подконтрольно и одобрено человеком. Система не может автономно совершать действия, влияющие на права, свободы или безопасность личности.

1.2. Право на вето.

Пользователь должен иметь возможность в любой момент отменить, скорректировать или запретить действие, инициированное нейросистемой.

1.3. Протоколирование решений.

Все значимые решения, принятые с участием НТ/ИМК, должны фиксироваться в журнале с указанием роли системы и окончательного решения человека.

2. Принцип ответственности цепочки

Государство → Разработчик → Пользователь.

2.1. Распределенная ответственность.

Ответственность за последствия применения НТ/ИМК распределяется между всеми участниками жизненного цикла системы в соответствии с их ролью и влиянием.

2.2. Обязанность разработчика.

Разработчик обязан обеспечить безопасность, надежность и соответствие системы заявленным этическим стандартам.

2.3. Обязанность пользователя.

Пользователь обязан применять систему в соответствии с назначением и пройти необходимую подготовку.

2.4. Роль государства.

Государство устанавливает правовые рамки, осуществляет надзор и содействует созданию инфраструктуры для безопасного внедрения нейротехнологий.

3. Принцип прозрачности изменений этического ядра и данных обучения.

3.1. Открытость спецификаций.

Изменения в этическом ядре системы, алгоритмах принятия решений и составе обучающих данных должны документироваться и быть доступными для проверки уполномоченными лицами.

3.2. Честность неопределенности.

Если система не уверена в ответе или действии, она должна явно информировать об этом пользователя.

3.3. Аудит данных.

Рекомендуется проводить регулярный аудит обучающих данных на предмет наличия смещений, ошибок или дискриминационных паттернов.

4. Принцип обучения и сертификации пользователей

Безопасность через компетентность

4.1. Обязательное обучение.

Пользователи систем с высоким уровнем риска должны проходить специальное обучение и аттестацию.

4.2. Фильтры сознания.

Разработчикам рекомендуется внедрять программно-аппаратные механизмы, предотвращающие непреднамеренное или вредоносное использование системы (аналог «контроля сознания»).

4.3. Периодическая переаттестация.

Для критических применений рекомендуется введение периодической переподготовки и проверки компетенций пользователя.

5. Принцип защиты здоровья

5.1. Приоритет благополучия.

НТ/ИМК должны быть направлены на поддержание и улучшение физического, психического и социального здоровья пользователя.

5.2. Запрет причинения вреда.

Запрещено создание и использование систем, способных нанести ущерб здоровью, психике или социальному статусу человека.

5.3. Медицинский контроль.

Применение систем, непосредственно воздействующих на нервную систему, должно сопровождаться медицинским наблюдением и контролем.

6. Принцип культурного зеркала и этического аудита.

6.1. Адаптивность к контексту.

Системы должны учитывать культурные, социальные и правовые нормы среды применения.

6.2. Динамическая настройка.

Рекомендуется предусматривать возможность адаптации этических установок системы в рамках, не нарушающих базовые принципы Кодекса.

6.3. Этический аудит.

Регулярный независимый аудит системы на соответствие этическим нормам и культурной адекватности.

7. Принцип динамической адаптивности стандартов.

7.1. Актуализация правил.

Стандарты и правила должны регулярно пересматриваться с учетом технологического прогресса и накопленного опыта.

7.2. Междисциплинарное сотрудничество.

Для обновления стандартов необходимо привлекать специалистов в области нейронаук, этики, права, социологии и кибербезопасности.

7.3. Аналогия с МАГАТЭ.

Рекомендуется создание национального или международного органа по нейроэтическому аудиту, консультациям и выработке стандартов.

8. Принцип безопасности: риск-ориентированный подход.

8.1. Постоянный мониторинг.

Непрерывный контроль за работой системы, анализ инцидентов и выявление новых угроз.

8.2. Междисциплинарное прогнозирование.

Оценка социально-экономических, этических и киберугроз, связанных с внедрением НТ/ИМК.

8.3. Упреждающее управление рисками.

Разработка и внедрение мер по минимизации выявленных рисков на всех этапах жизненного цикла системы.

Раздел 2. Применение кодекса.

1. Основы действия кодекса.

1.1. Правовая основа.

Кодекс разработан с учетом:

- Конституции РФ;
- законодательства стран ШОС и БРИКС в сфере здравоохранения, защиты данных и информационной безопасности;
- международных договоров и соглашений, ратифицированных странами-участницами;
- стратегических документов по развитию нейротехнологий и ИИ в рамках ШОС и БРИКС.

1.2. Сфера применения.

Кодекс применяется на территориях стран ШОС и БРИКС, а также может быть добровольно принят другими государствами. Применение Кодекса адаптируется с учетом:

- национального законодательства каждой страны;
- культурных и социальных особенностей региона;
- уровня технологического развития и инфраструктуры.

1.3. Термины.

Определения даются в соответствии с международными стандартами в области нейротехнологий и ИИ, а также национальными нормативными актами стран-участниц.

1.4. Акторы Нейроэтикета.

К акторам относятся:

- разработчики и производители из стран ШОС и БРИКС;
- международные научные консорциумы;
- эксплуатанты и операторы нейросистем;
- пользователи;
- национальные регуляторные органы;
- международные экспертные комиссии.

2. Международный механизм присоединения и реализации.

2.1. Добровольность присоединения.

Присоединение к Кодексу является добровольным для:

- государств-членов ШОС и БРИКС;
- коммерческих организаций и научных учреждений;
- международных ассоциаций и союзов.

2.2. Многоуровневая структура реализации:

- национальный уровень: каждая страна создает Национальную комиссию по нейроэтике;
- региональный уровень: формируются региональные советы по нейроэтике (ШОС, БРИКС);

– международный уровень: создается Международный координационный совет по нейроэтике.

2.3. Национальные комиссии по нейроэтике.

В каждой стране-участнице создается комиссия, которая:

- адаптирует Кодекс к национальным условиям;
- ведет реестр участников;
- рассматривает этические споры;
- взаимодействует с международными органами.

2.4. Региональные советы ШОС и БРИКС.

Советы выполняют функции:

- гармонизации стандартов между странами;
- организации совместных исследований;
- создания трансграничных механизмов сертификации;
- выработки единых подходов к регулированию.

2.5. Международный координационный совет.

Состоит из представителей всех стран-участниц и осуществляет:

- разработку единых методологических материалов;
- создание международного реестра систем и разработчиков;
- организацию ежегодных форумов по нейроэтике;
- мониторинг глобальных трендов и рисков.

3. Международная система сертификации

3.1. Многоуровневая сертификация:

- базовый уровень: соответствие национальным требованиям;
- расширенный уровень: соответствие региональным стандартам ШОС/БРИКС;
- высший уровень: международная сертификация с правом использования знака «Кант 3.0 International».

3.2. Взаимное признание сертификатов.

Страны ШОС и БРИКС признают сертификаты друг друга при условии соблюдения базовых принципов Кодекса.

3.3. Единая база данных.

Создание общей платформы для:

- регистрации сертифицированных систем;
- обмена информацией об инцидентах и уязвимостях;
- аккредитации испытательных лабораторий.

4. Международное сотрудничество и обмен опытом.

4.1. Образовательные программы:

- совместные магистерские программы по нейроэтике;
- стажировки для специалистов из стран ШОС и БРИКС;
- обмен преподавателями и исследователями.

4.2. Научно-исследовательское сотрудничество:

– создание международных консорциумов для изучения этических аспектов нейротехнологий;

- совместные проекты по разработке этических стандартов;
- публикация сравнительных исследований законодательств.

4.3. Инфраструктурные проекты:

- создание международных центров нейроэтической экспертизы;
- разработка облачных платформ для этического аудита;
- учреждение фонда поддержки этических нейротехнологических стартапов.

4.4. Кризисное реагирование:

– протоколы совместных действий при обнаружении критических уязвимостей;

- механизмы быстрого информирования всех стран-участниц;
- совместные группы по расследованию инцидентов.

5. Мониторинг и оценка эффективности.

5.1. Система ключевых показателей:

- количество стран, присоединившихся к Кодексу;

- число сертифицированных систем и разработчиков;
- статистика этических нарушений и их разрешения;
- уровень осведомленности пользователей.

5.2. Регулярная отчетность:

- ежегодные национальные отчеты;
- совместные отчеты региональных советов;
- глобальный отчет Международного координационного совета.

5.3. Механизм обратной связи:

- публичные консультации с участием всех заинтересованных сторон;
- экспертные опросы в странах-участницах;
- открытые платформы для предложений по совершенствованию Кодекса.

Заключение.

Кодекс Нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» представляет собой живую, развивающуюся систему принципов и механизмов, предназначенную для гармоничного развития нейротехнологий в глобальном масштабе. Будучи основанным на общечеловеческих ценностях и уважении к национальным особенностям, Кодекс создает прочный фундамент для международного сотрудничества в области ответственного технологического прогресса.

Особенностью данного Кодекса является его ориентированность на страны ШОС и БРИКС – динамично развивающиеся экономики с богатым культурным разнообразием. Это создает уникальную модель регулирования, сочетающую:

- уважение к национальному суверенитету;
- гибкость и адаптивность к различным условиям;
- единство в соблюдении базовых этических принципов;
- открытость для диалога и сотрудничества.

Кодекс призван стать платформой для формирования нового типа международных отношений в технологической сфере – отношений, основанных на взаимном доверии, прозрачности и общей ответственности за будущее человечества в эпоху нейрореволюции.

Кодекс «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» обладает рядом особенностей.

Первой особенностью кодекса «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» является его многоуровневая институциональная архитектура, обеспечивающая вертикальную и горизонтальную координацию этического регулирования. В отличие от монолитных регуляторных конструкций, кодекс предусматривает распределение функций контроля и стандартизации между тремя уровнями управления: национальным, региональным и глобальным. Такая структура сочетает гибкость локальной адаптации с унифицированностью базовых принципов, создавая масштабируемую систему этического надзора, способную функционировать как в рамках отдельного государства, так и в контексте транснациональных технологических экосистем.

Второй особенностью является встроенный механизм динамической адаптивности, противопоставленный статичным регуляторным моделям. Признавая экспоненциальный характер технологического развития, кодекс устанавливает процедуры периодического пересмотра этических норм и стандартов, обеспечивая их релевантность изменяющемуся технологическому ландшафту. Этот подход предотвращает моральное устаревание регулирования и дает возможность оперативно реагировать на возникновение новых этических дилемм, сопутствующих инновационным нейротехнологическим решениям.

Третьей особенностью кодекса выступает применение риск-ориентированной парадигмы регулирования, смещающей акцент с реактивного реагирования на инциденты к проактивному управлению потенциальными угрозами. Система предусматривает непрерывный мониторинг функционирования нейротехнологических систем, систематический анализ возникающих сбоев и формирование прогностических моделей будущих рисков.

Четвертой особенностью является закрепление принципа человеческого суверенитета в процессах принятия решений. Кодекс устанавливает непреодолимый барьер для автономного функционирования нейросистем в

ситуациях, затрагивающих фундаментальные права и свободы личности. Алгоритмы позиционируются исключительно как вспомогательные инструменты, расширяющие аналитические возможности человека, но не подменяющие его волю. Пользователю гарантируется право вето на любое действие системы, что обеспечивает сохранение человеческой агентности в условиях нарастающей алгоритмизации социальной жизни.

Рассмотрим преимущества Кодекса. Первым преимуществом кодекса нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» является создание системной основы для повышения доверия общества к технологиям искусственного интеллекта и нейротехнологиям. Доверие выступает важным фактором успешного внедрения передовых технологий в государственном управлении и общественной жизни, поскольку без него даже технически совершенные решения встречают сопротивление со стороны пользователей. В российском контексте показатель доверия к ИИ находится на среднем уровне, что обуславливает необходимость внедрения прозрачных этических механизмов, способных повысить уверенность граждан в безопасности и этичности применяемых алгоритмических систем.

Вторым преимуществом кодекса выступает предупреждение потенциального кризиса доверия к социальным институтам. Негативный опыт взаимодействия с алгоритмическими системами способен вызвать цепную реакцию недоверия, распространяющуюся далеко за пределы технологической сферы и затрагивающую фундаментальные основы легитимности государственных, коммерческих и гражданских структур. Установление четких этических рамок функционирования нейротехнологий позволяет предотвратить подобные сценарии, обеспечивая предсказуемость и подотчетность технологических решений.

Третьим преимуществом является создание институциональной платформы для междисциплинарного взаимодействия. Комплексная природа этических вызовов, порождаемых нейротехнологиями, требует синтеза экспертизы представителей различных областей знания: от инженеров и программистов до философов, юристов и социологов. Кодекс формализует механизмы такой

кооперации, что позволяет выработать сбалансированные решения, учитывающие как технические возможности, так и социокультурные последствия внедрения систем.

Четвертым преимуществом Кодекса является разрешение фундаментальной проблемы атрибуции ответственности в человеко-машинных системах. Поскольку алгоритмы не обладают моральным сознанием и не могут нести этическую ответственность за свои действия, кодекс устанавливает четкую цепочку ответственности, распределяющую обязательства между всеми участниками жизненного цикла системы: от государственных регуляторов и разработчиков до конечных пользователей. Такая архитектура подотчетности обеспечивает, что каждое звено цепи осознает свою роль и последствия принимаемых решений.

Пятым преимуществом выступает создание нормативной основы для гармоничной интеграции нейротехнологий в социальную ткань. Отсутствие этических ограничителей в развитии и применении алгоритмических систем неизбежно приводит к конфликтам между технологической эффективностью и человеческими ценностями, препятствуя формированию продуктивного симбиоза человека и машины. Кодекс задает этические границы допустимого использования технологий, обеспечивая их развитие в русле гуманистических приоритетов.

Шестым преимуществом является обеспечение культурной адаптивности нейротехнологических решений. В условиях глобального распространения технологий существует риск навязывания универалистских этических стандартов, разработанных в рамках одной культурной традиции и не учитывающих специфику иных цивилизационных контекстов. Кодекс устраняет этот дефицит, интегрируя механизмы адаптации систем к локальным нормам, ценностям и правовым рамкам, что предотвращает культурный империализм в технологической сфере и обеспечивает равноправное участие различных обществ в формировании цифрового будущего.

Преимущества и особенности кодекса «Кант 3.0 Global» образуют целостную экосистему этического регулирования, где элементы взаимно усиливают друг друга. Укрепление общественного доверия к нейротехнологиям органически

связано с закреплением человеческого суверенитета в принятии решений и прозрачным распределением ответственности между акторами. Так, граждане демонстрируют большую готовность к принятию инновационных решений в условиях, когда сохраняется их автономия и существует ясность относительно субъектов подотчетности. Кодекс интегрирует нормативные императивы с конкретными институциональными механизмами их имплементации, создавая полнофункциональную экосистему этического управления нейротехнологиями.

Контрострая сила в цифровой среде – комплекс правовых, технологических и культурных мер, укрепляющих суверенитет, устойчивость и доверие общества без изоляции: делает внешнее влияние распознаваемым, проверяемым и обратимым.

Для превращения этических принципов в работающую реальность устойчивого цифрового будущего критически важно объединение усилий. Конкретным шагом должно стать создание по инициативе России Координационного Совета по нейроэтике ИИ на Саммите ШОС 30 августа – практического механизма для гармонизации стандартов и совместного противодействия вызовам, таким как нейроманипуляции через дипфейки.

Практическая реализация принципов нейроэтикета требует создания комплексной системы оценки и контроля этичности применения технологий искусственного интеллекта. Компанией GKNUB была разработана концепция «Инфраструктуры доверия» – многоуровневой экосистемы, объединяющей механизмы измерения, стандартизации и практического внедрения этических норм в области ИИ.

В основе предлагаемой системы лежат три взаимосвязанных индекса, формирующих целостную картину этичности применения искусственного интеллекта:

1) Индекс Доверия – оценивает уровень контроля человека над ИИ-системами. Данный индекс фокусируется на степени автономности принятия решений человеком и его способности осуществлять надзор за работой алгоритмов. Критически важным является сохранение за человеком окончательного права

принятия решений в ситуациях, затрагивающих фундаментальные права и свободы личности.

2) Индекс культурной ответственности (ИКО) – учитывает нормы всех стран ШОС и других культурных моделей. Этот компонент системы обеспечивает уважение культурного многообразия и предотвращение дискриминации на основе цивилизационных различий. Здесь важно адаптировать ИИ-систему к специфике различных культурных контекстов, что принципиально отличает данный подход от универсалистских западных моделей.

3) Индекс динамической этики (ИДЭ) – отражает способность этических норм обновляться в реальном времени, адаптируясь к стремительному развитию технологий. Статичность этических стандартов в условиях быстрой эволюции ИИ-технологий создает разрыв между регулированием и практикой. Динамическая этика предполагает постоянный мониторинг новых этических вызовов и оперативную корректировку нормативных рамок.

Функционирование системы рейтингов этического ИИ обеспечивается многоуровневой инфраструктурой, включающей шесть ключевых элементов.

На международном уровне действует Секретариат Делового Совета ШОС, обеспечивающий легитимацию стандартов и координацию межгосударственных инициатив. Результатом деятельности данного уровня становится технологический суверенитет через единые этические стандарты, признанные всеми участниками объединения.

Центр компетенций GKNUB, базирующийся на платформах «Гармония» и «Космос», осуществляет разработку стандартов, обучение и сертификацию специалистов. Создается новая образовательная экосистема и система подготовки кадров, способных работать с этическими аспектами применения искусственного интеллекта.

Промышленные предприятия занимаются внедрением стандартов и реализацией пилотных проектов, что приводит к повышению конкурентоспособности и наращиванию экспортного потенциала продукции, соответствующей этическим требованиям.

Научные учреждения проводят исследования и обеспечивают методологическую поддержку системы, генерируя инновационные разработки и патентование решений в области этического ИИ.

Бизнес-объединения осуществляют продвижение стандартов и поиск экспортных решений, формируя новое экспортное направление – «этика как услуга», где сертификация этичности становится конкурентным преимуществом.

Финансовые институты обеспечивают ESG-финансирование и поддержку этических наборов процессов, создавая приток инвестиций в этические технологии и стимулируя развитие ответственного бизнеса в сфере ИИ.

Внедрение инфраструктуры доверия обеспечивает достижение пяти стратегических результатов.

Технологический суверенитет достигается через формирование собственных стандартов ИИ-разработки, независимость в принятии технологических решений и создание суверенной цифровой экосистемы, не зависящей от западных технологических платформ.

Новое экспортное направление открывается благодаря возможности экспорта стандартов и нормативов в области этического ИИ. Концепция «этика как услуга» для международных рынков предполагает, что сертификация и аудит этичности ИИ-систем становятся самостоятельным экспортным продуктом. Страны и компании, нуждающиеся в подтверждении соответствия этическим стандартам, могут обращаться к экспертизе, разработанной в рамках данной инфраструктуры.

Образовательная экосистема включает подготовку специалистов по этическому ИИ, междисциплинарные образовательные программы и систему международного обмена опытом и стажировок в рамках ШОС/БРИКС.

Инвестиционная привлекательность формируется за счет притока ESG-капитала в проекты, соответствующие этическим стандартам, преференциального финансирования этических разработок и снижения репутационных рисков для бизнеса, внедряющего сертифицированные решения.

Международное сотрудничество реализуется через кросс-культурные проекты, совместные исследования и разработки, а также гармонизацию стандартов в рамках объединений ШОС и БРИКС, что создает основу для формирования единого этического пространства незападных стран.

Объединение усилий всех участников создает работающую операционную систему для технологического суверенитета и «мягкой силы» ШОС/БРИКС. Каждый элемент инфраструктуры усиливает другие, формируя целостную архитектуру технологического доверия глобального уровня.

Для России внедрение инфраструктуры доверия обеспечивает ускоренное внедрение этических стандартов: GKNUB готовит кадры, Внешэкономбанк финансирует соответствующие проекты, бизнес (например, «Дела.Рос») внедряет разработки, а ШОС масштабирует их применение.

Формируется новый рынок ESG-услуг, где аудит по индексам ИКО/ИДЭ/ИДЗ превращается в сертификацию этичности, позиционируемую как «этика как услуга» и становящуюся экспортным стандартом.

Обеспечивается рост доверия и инвестиций благодаря гарантиям инфраструктуры, привлечению ESG-капитала в проекты РФ/ШОС и снижению репутационных рисков для бизнеса.

«Инфраструктура доверия» превращает нейроэтикет из концепции в работающую операционную систему для технологического суверенитета и «мягкой силы» ШОС/БРИКС. Система создает механизм, при котором этические принципы становятся не декларативными нормами, а измеримыми параметрами, влияющими на конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность и международное признание технологических решений.

Ожидаемый эффект от внедрения кодекса нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» для различных субъектов, потенциально задействованных в вопросах регулирования интернет-пространства:

- 1) государственное регулирование – повышение доверия общества, защита прав человека;

2) международное сотрудничество – создание единой этической платформы, суверенитет;

3) образовательные учреждения – формирование ответственных специалистов;

4) частный сектор и бизнес – повышение качества продуктов, снижение рисков;

5) этико-правовые комитеты – своевременное разрешение спорных ситуаций.

Реализация подобных этических инициатив не может рассматриваться изолированно от более широкого контекста трансформации систем оценки политического влияния в современном мире. Внедрение этических стандартов для цифровых технологий тесно связано с проблемой западноцентричности существующих рейтингов «мягкой силы» и необходимостью создания альтернативных моделей оценки, учитывающих многообразие цивилизационных подходов.

Как справедливо отмечают О.Ф. Русакова, А.О. Наумов и М.В. Белоусова, все существующие рейтинговые системы «мягкой силы» опираются на комплексы показателей, посредством которых производится репрезентация преимуществ глобальных неолиберальных ценностей, что неизменно способствует обеспечению западным странам их лидерского положения среди конкурентов, принадлежащих к другим цивилизационным форматам ¹⁹⁵.

Исследователи подчеркивают, что страны, которые со стороны западных держав получают официальное осуждение за нарушения неких «правил» мирового порядка, подлежат, как правило, рейтинговой дискриминации, вплоть до полного исключения из списков соревнующихся государств. Примером подобной дискриминации служит исключение России из системы рейтинга Global Soft Power Index в 2022 году по политическим мотивам.

В ответ на западноцентричность существующих рейтинговых систем страны БРИКС предприняли шаги по разработке собственной методологии оценки

¹⁹⁵ Наумов А. О., Белоусова М. В., Русакова О. Ф. К вопросу о создании рейтинга «мягкой силы» стран группы БРИКС // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 2. С. 54-78.

«мягкой силы». В Итоговом документе государств-членов БРИКС от 20 декабря 2024 года постановляется создать рейтинг «мягкой силы» стран-членов БРИКС с целью объективной оценки имиджа и влияния государств на международной арене.

Данный документ предлагает оценку «мягкой силы» государств посредством семи критериев: государственное управление, культура, медиа-сила, международное сотрудничество, образование и наука, спорт, туризм. Каждый из этих критериев конкретизируется через систему измеримых показателей.

Методология рейтинга БРИКС строится на принципиально иных идеологических основаниях. Как отмечают А.О. Наумов, М.В. Белоусова и О.Ф. Русакова, неолиберальному подходу к построению международного рейтинга «мягкой силы» необходимо противопоставить новый подход, основу которого составляют принципы равноправия, сотрудничества, диалога, уважения к национальному суверенитету, отсутствия какой-либо дискриминации ¹⁹⁶.

Важной особенностью нового рейтинга является предложение разделять места не по классическому пониманию «первенства», а по «классам», принимая во внимание концепцию взаимного сотрудничества, многополярного мира и устойчивого совместного развития. Такой подход радикально отличается от западной модели конкурентного ранжирования и отражает философию БРИКС как объединения равноправных партнеров.

Создание альтернативного рейтинга «мягкой силы» БРИКС и разработка кодекса нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» представляют собой взаимодополняющие элементы единой стратегии формирования справедливого многополярного цифрового пространства. Если рейтинг БРИКС задает принципы оценки влияния государств с учетом многообразия цивилизационных моделей, то нейроэтикет устанавливает этические рамки использования цифровых технологий для реализации этого влияния.

Оба инструмента опираются на общую философскую базу: отказ от универсализма западной модели, признание равноценности различных культурных

¹⁹⁶ Наумов А. О., Белоусова М. В., Русакова О. Ф. К вопросу о создании рейтинга «мягкой силы» стран группы БРИКС // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 2. С. 54-78.

традиций, приоритет национального суверенитета над глобалистскими амбициями. Внедрение кодекса нейроэтикета в странах БРИКС создаст технологическую основу для реализации тех ценностей, которые заложены в альтернативной системе рейтингования.

Опираясь на критику западоцентричности и цифровых пробелов существующих рейтингов «мягкой силы», мы приходим к выводу о необходимости трансформации систем оценки политического влияния. Представляется целесообразным разработать альтернативную панель индикаторов, основанную на концепции цифрового коммуникационного капитала (ЦКК) как агрегата политических активов, технологических правил и цифровой инфраструктуры, создающих устойчивое внимание и доверие политических аудиторий в цифровом пространстве.

Данная система оценки должна учитывать следующие аспекты:

1) цифровая инфраструктура и суверенитет:

- развитие собственных цифровых платформ и экосистем;
- независимость от западных технологических решений;
- качество цифровой инфраструктуры и связности.

2) сетевое влияние и охват:

- присутствие национального контента в глобальных сетях;
- активность пользователей из других стран;
- вирусность и распространение культурных продуктов.

3) доверие и репутация в цифровой среде:

- уровень доверия к национальным цифровым брендам;
- безопасность и надежность цифровых сервисов;
- защита данных пользователей.

4) инновационный потенциал:

- разработка передовых цифровых технологий;
- патентная активность в IT-сфере;
- стартап-экосистема и технологическое предпринимательство.

5) культурная экспансия через цифровые каналы:

- популярность национального контента в социальных сетях;
- распространение языка через цифровые платформы;
- влияние на глобальные тренды и мемы.

б) альтернативные коммуникационные модели:

- создание региональных цифровых альянсов;
- развитие Юг-Юг коммуникационных сетей;
- независимые от западных стандартов протоколы взаимодействия.

Такая система индикаторов ЦКК позволила бы более объективно оценить реальное цифровое влияние стран БРИКС, отграничив его от традиционной «мягкой силы» и «острой силы», и сосредоточившись на создании устойчивого внимания и доверия в сетевом пространстве.

Предлагаемая концепция ЦКК, дополненная инструментарием нейроэтикета, сможет стать основой для создания нейтральных рейтингов, не привязанных к политической конъюнктуре и учитывающих новые параметры, появившиеся благодаря цифровой трансформации политических процессов.

Чтобы глубже понять общественные установки и ожидания, мы провели опрос среди пользователей разного уровня вовлеченности в ИИ по теме «Анализ восприятия концепта нейроэтикета и цифровой этики как инструмента «мягкой силы»». Опрос был организован в виде онлайн-анкетирования и проведен в июле-сентябре 2025 года.

Выборка респондентов (n=153) была сформирована с целью охвата различных уровней вовлеченности в ИИ и разной профессиональной принадлежности, чтобы обеспечить многогранное представление о восприятии концепта.

Социодемографическая характеристика выборки:

- в опросе приняли участие 153 человека, гендерное соотношение: женщины – 92 человека (60,1%), мужчины – 61 человек (39,9%);
- уровень образования респондентов: с высшим образованием (бакалавриат, специалитет) – 67 человек (43,8%), с магистерским образованием или обучающиеся в аспирантуре – 53 человека (34,6%), с ученой степенью (кандидат/доктор наук) –

28 человек (18,3%), со средним профессиональным образованием – 5 человек (3,3%);

– возрастные категории: 18-25 лет – 37 человек (24,2%), 26-35 лет – 58 человек (37,9%), 36-45 лет – 42 человека (27,5%), 46-55 лет – 12 человек (7,8%), старше 55 лет – 4 человека (2,6%);

– профессиональная принадлежность: IT-специалисты – 43 человека (28,1%), работники образовательной сферы – 35 человек (22,9%), представители научного сообщества – 22 человека (14,4%), сотрудники финансовых учреждений – 18 человек (11,8%), работники здравоохранения – 15 человек (9,8%), юристы – 8 человек (5,2%), другие сферы – 12 человек (7,8%).

В ходе опроса были выявлены сферы, где респонденты готовы доверить ИИ принятие решений:

– образование (персонализация учебных программ, адаптивное обучение, оценка прогресса) – выбрали 118 человек (77,1%). Респонденты особо отмечали возможности ИИ создавать индивидуальные образовательные траектории, учитывающие когнитивные особенности обучающихся и их темп усвоения материала;

– финансы (кредитный скоринг, управление инвестициями, прогнозирование рынков) – выбрали 94 человека (61,4%). Участники опроса подчеркивали способность ИИ обрабатывать большие массивы данных для более точной оценки финансовых рисков и выявления неочевидных закономерностей на рынке;

– здравоохранение (диагностика заболеваний, анализ медицинских изображений, прогнозирование эпидемиологических ситуаций) – выбрали 89 человек (58,2%). Респонденты указывали на потенциал ИИ в раннем выявлении патологий и поддержке врачей в принятии диагностических решений;

– городское планирование и транспорт (оптимизация транспортных потоков, энергоэффективное управление инфраструктурой) – выбрали 76 человек (49,7%);

– правосудие (оценка доказательств, анализ правовых прецедентов, поддержка в вынесении приговоров) – выбрали 32 человека (20,9%). При этом

большинство подчеркивали, что финальное решение должно оставаться за человеком, а ИИ должен выступать лишь в роли советника;

– не готовы доверить ИИ ни в одной сфере – 7 человек (4,6%). Эти респонденты выражали принципиальную позицию о необходимости сохранения человеческого контроля над всеми значимыми решениями.

В результате опроса были выявлены следующие направления, в которых по мнению респондентов был бы оптимальным запуск пилотного проекта:

– новости и медиасфера – 65 человек (42,5%) выделили отдельно, несмотря на то что такой опции в вопросе изначально не было. Это отражает высокий общественный запрос на этическое использование ИИ в создании, проверке и распространении новостного контента. Участники подчеркивали риски манипуляции, фейков, смещения повестки, а также важность алгоритмической прозрачности в новостных рекомендательных системах. Как отметил один из респондентов: «В эпоху информационного шума критически важно иметь этические стандарты для ИИ-систем, формирующих нашу информационную среду. Без этого мы рискуем оказаться в пузырях фильтров и мире постправды»;

– образование – 51 человек (33,3%). Причины: повышение доступности качественного обучения для всех социальных групп, помощь в профориентации, введение персонализированных образовательных треков, развитие цифровой педагогики, адаптация материалов под уровень каждого ученика. Многие респонденты отмечали, что образование является наименее рискованной сферой для пилотных проектов, поскольку позволяет контролировать результаты и корректировать методики. Как подчеркнул один из участников исследования: «Образование – идеальная площадка для тестирования этических принципов ИИ, поскольку здесь мы можем наблюдать долгосрочные эффекты и формировать у нового поколения правильное отношение к цифровым технологиям»;

– финансы – 19 человек (12,4%). Причины: проще верифицировать результаты работы ИИ, возможность тестировать системы на реальных числовых данных, уже существующая развитая цифровая инфраструктура, высокая степень регламентации процессов. Один из экспертов финансовой сферы отметил:

«Финансовый сектор уже давно использует алгоритмические решения, поэтому внедрение этических принципов будет эволюционным, а не революционным шагом»;

– здравоохранение – 12 человек (7,8%). Причины: критическая важность помощи в ранней и точной диагностике, высокая социальная значимость, поддержка врачей в принятии решений в условиях информационной перегрузки, потенциал для персонализированной медицины. Характерно мнение одного из медицинских работников: «ИИ может стать третьим мнением при сложных диагностических случаях, но этические рамки обязательны, чтобы сохранить доверие пациентов и не подменить человеческую эмпатию алгоритмами»;

– правосудие – 5 человек (3,3%). Причины: потребность в унификации правовых формулировок, помощь в анализе больших массивов доказательств и прецедентов, снижение влияния человеческого фактора и предвзятости при рассмотрении дел. Интересно наблюдение юриста-участника опроса: «Правовая система может извлечь огромную пользу из применения ИИ для первичного анализа документов, но окончательное решение должно оставаться за человеком, который способен учесть этический и социальный контекст»;

– экология и климатический мониторинг – 6 человек (3,9%). Этот вариант был предложен самими респондентами. Они отмечали важность использования ИИ для прогнозирования экологических рисков, оптимизации использования ресурсов и моделирования климатических изменений;

– не выбрали ни одну сферу / считают, что ИИ не должен принимать решения – 4 человека (2,6%). Эта группа выражала озабоченность потенциальным снижением человеческой автономии и рисками делегирования принятия решений алгоритмическим системам.

В ходе опроса также подвергались оценке и риски, связанные с внедрением ИИ:

– ошибки и неточности в выводах ИИ – упомянуто 89 раз (58,2%). Респонденты отмечали, что даже небольшой процент ошибок может иметь серьезные последствия в критически важных областях, таких как медицина или

безопасность. Как заметил один из технических специалистов: «Проблема не столько в самих ошибках, сколько в том, что они могут быть систематическими и масштабироваться на миллионы случаев, прежде чем будут обнаружены»;

– сложность контроля и верификации решений ИИ – 72 раза (47,1%). Участники опроса выражали обеспокоенность т.н. «проблемой черного ящика», когда невозможно проследить, как именно ИИ пришел к тому или иному выводу. Особенно это беспокоило респондентов с техническим образованием, которые подчеркивали: «Если мы не можем объяснить, почему система приняла определенное решение, мы не можем гарантировать ее этичность и безопасность»;

– непрозрачность алгоритмов и логики ИИ – 63 раза (41,2%). Участники выражали озабоченность тем, что коммерческие ИИ-системы часто являются закрытыми, а их алгоритмы защищены как коммерческая тайна, что препятствует общественному контролю и научной проверке. По мнению одного из исследователей: «Этические принципы должны включать требование к прозрачности алгоритмов, особенно в системах, принимающих решения, влияющие на жизнь людей»;

– отсутствие ответственности / субъектности ИИ – 38 раз (24,8%). Респонденты поднимали вопрос о том, кто несет ответственность, если ИИ принимает неверное решение: разработчики, пользователи или сама система. Юристы особенно подчеркивали необходимость четкого определения цепочки ответственности: «Правовые рамки должны быть адаптированы к новой реальности, где алгоритм может принимать решения с серьезными последствиями»;

– влияние ИИ на автономию человека – 22 раза (14,4%). Участники опроса выражали опасения, что чрезмерная зависимость от ИИ-рекомендаций может привести к атрофии навыков принятия решений и критического мышления. Показательно мнение одного из педагогов: «Мы должны использовать ИИ как инструмент расширения человеческих возможностей, а не как замену человеческому мышлению»;

– проблемы приватности и контроля личных данных – 18 раз (11,8%). Этот риск был добавлен самими респондентами, которые отмечали, что для эффективной работы современные ИИ-системы требуют огромных массивов данных, часто включающих личную информацию. Как отметил один из специалистов по кибербезопасности: «Этический ИИ невозможен без уважения к приватности пользователей и прозрачности процессов сбора и использования данных»;

– усиление социального неравенства – 14 раз (9,2%). Респонденты указывали на риск того, что доступ к передовым ИИ-технологиям могут получить только привилегированные группы, что может увеличить существующий социально-экономический разрыв. По мнению одного из социологов: «Принципы нейроэтикета должны включать требования к инклюзивности и справедливому распределению преимуществ ИИ-технологий».

Также респондентам было предложено оценить перспективы внедрения этического кодекса «Кант 3.0»:

– 68 человек (44,4%) отметили это как «очень важно / обязательно нужно», назвав основным мотивом необходимость общественного контроля, формализации этических рамок, выстраивания партнерства «человек–ИИ». Как подчеркнул один из экспертов: «В отличие от предыдущих технологических революций, мы имеем уникальную возможность предвосхитить и смягчить негативные последствия развития ИИ через проактивное этическое регулирование»;

– 45 человек (29,4%) посчитали это как «ценно и своевременно», аргументируя тем, что это может помочь задать границы, необходимые в связи с экспоненциальным ростом возможностей ИИ, и создаст основу для общественного доверия к новым технологиям. Примечательно высказывание одного из IT-руководителей: «Этический кодекс необходим не только для защиты пользователей, но и для самой индустрии, поскольку без доверия общества развитие ИИ-технологий будет ограничено»;

– 24 человека (15,7%) заявили, что «правила нужны всегда», выразив общее одобрение идеи регулирования, но без конкретных аргументов. Как выразился

один из участников: «Любая сложная система нуждается в правилах функционирования, и ИИ не исключение»;

– 10 человек (6,5%) выразили мнение, что «кодекс полезен, но недостаточен» и должен дополняться техническими решениями, законодательными актами и международными соглашениями. Один из экспертов по информационной безопасности отметил: «Этический кодекс – это первый шаг, но нам нужен комплексный подход, включающий технические стандарты, юридические нормы и механизмы контроля»;

– 6 человек (3,9%) высказались скептически, считая идею кодекса «преждевременной» или «избыточной». Основным аргумент этой группы заключался в том, что технология еще недостаточно развита для специфического регулирования, или что существующих норм достаточно. Как выразился один из скептиков: «Нам нужно больше понимания технологии, прежде чем мы сможем эффективно ее регулировать».

Таким образом, около 90% респондентов считают идею внедрения кодекса нейроэтикета «Кант 3.0» своевременной и необходимой. Среди аргументов в пользу этого были выдвинуты следующие:

- необходимость общественного контроля и алгоритмической прозрачности;
- этическая неопределенность современных ИИ-систем;
- создание доверия между пользователями и технологиями;
- формирование партнерской модели взаимодействия «человек+ИИ»;
- опережающее регулирование потенциально дестабилизирующей технологии;
- защита человеческой автономии и ценностей;
- обеспечение справедливого распределения преимуществ ИИ-технологий.

Данные опроса подтверждают актуальность использования этических рамок и общественную готовность поддержать внедрение регулятивного инструмента – кодекса «Кант 3.0» как основы для безопасной, справедливой и человекоцентричной цифровой среды. Существует общественный запрос на этическое регулирование цифрового пространства и готовность к внедрению

регулятивного инструмента – кодекса «Кант 3.0» как основы для безопасной, справедливой и человекоцентричной цифровой среды. Результаты исследования подтверждают актуальность разработанных принципов нейроэтикета и необходимость их институционализации на различных уровнях – от национального законодательства до международных соглашений в рамках БРИКС и ШОС.

Анализ когнитивной этики и нейроэтикета в контексте защиты от манипуляций в цифровую эпоху выявляет необходимость комплексного подхода, объединяющего философско-этические принципы, практические инструменты регулирования и альтернативные системы оценки политического влияния. Разработанный кодекс нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» представляет собой инновационный механизм защиты когнитивного суверенитета личности, основанный на принципах прозрачности, обратимости воздействий, культурного разнообразия и приоритета человека над технологией.

Взаимодействие кодекса нейроэтикета с инициативой БРИКС по созданию альтернативного рейтинга «мягкой силы» и концепцией цифрового коммуникационного капитала формирует целостную систему противодействия западноцентричным моделям оценки и использования политического влияния в цифровом пространстве. Эмпирическая валидация показала высокий уровень общественной поддержки (85%) внедрения этических стандартов регулирования ИИ, что подтверждает своевременность и актуальность предложенных решений.

Институционализация предложенных механизмов на уровне международных объединений (БРИКС, ШОС) и их практическое применение в рамках конкретных проектов (Сколково, БАФ-2025, ИННОПРОМ-2025, НЕОМ) свидетельствуют о переходе от теоретических разработок к реальной практике формирования справедливого многополярного цифрового пространства, основанного на принципах суверенитета, недискриминации и взаимного уважения культурных традиций.

Таким образом, проведенное исследование когнитивной этики и нейроэтикета демонстрирует необходимость создания комплексных этических

механизмов защиты когнитивного суверенитета личности в условиях стремительного развития искусственного интеллекта и нейротехнологий. Разработанный кодекс нейроэтикета «Кант 3.0 Global: международные принципы нейроэтики для устойчивого развития» с его семью ключевыми принципами представляет собой инновационный инструмент «мягкой силы», формирующий концептуальную основу для этического регулирования взаимодействия человека с системами ИИ. Практическая реализация этих принципов обеспечивается через концепцию «Инфраструктуры доверия», объединяющую индексы Доверия, культурной ответственности и динамической этики, что позволяет создать измеримую систему оценки этичности технологических решений.

Результаты проведенного опроса подтверждают высокий уровень общественной поддержки (около 90% респондентов) идеи внедрения кодекса нейроэтикета как основы для безопасной, справедливой и человекоцентричной цифровой среды. Институционализация предложенных механизмов на уровне международных объединений (БРИКС, ШОС) и их практическое применение в рамках конкретных проектов свидетельствуют о переходе от теоретических разработок к реальной практике формирования справедливого многополярного цифрового пространства.

Синергия кодекса нейроэтикета с инициативой БРИКС по созданию альтернативного рейтинга «мягкой силы» и концепцией цифрового коммуникационного капитала формирует целостную систему противодействия западноцентричным моделям оценки и использования политического влияния в цифровой среде, основанную на принципах суверенитета, недискриминации и взаимного уважения культурных традиций.

3.3. «Контрострая сила»: правовые, технологические и культурные контуры «щита без изоляции»

Трансформация мирового порядка и усиление санкционного давления на страны БРИКС со стороны западных держав ставит задачу создания

принципиально новых подходов к обеспечению цифрового суверенитета. Концепция «контрострой силы» формируется как ответ на информационное и технологическое давление, при этом ее отличие от изоляционистских стратегий заключается в сохранении открытости и притягательности национальных цифровых экосистем.

Как было показано ранее, традиционные модели защиты цифрового пространства часто строятся по принципу «цифровой крепости» – максимальное ограничение внешних влияний, жесткий контроль трансграничных потоков данных, создание замкнутых национальных сегментов интернета. Однако подобный подход ведет к технологической изоляции, снижению инновационного потенциала и утрате притягательности национальной цифровой среды как для собственных граждан, так и для международных партнеров.

«Контрострая сила» представляет собой системный ответ на практики когнитивного и нейроманипулятивного воздействия. В отличие от классической «мягкой силы», ориентированной на формирование привлекательных образов и ценностных ориентиров, «контрострая сила» направлена на снижение разрушительного воздействия «острых» информационных инструментов – агрессивных нарративов, поведенческих триггеров и алгоритмически усиленных манипуляций вниманием и эмоциями.

«Контрострая сила» формирует новую нормативную парадигму, в центре которой находится этический кодекс искусственного интеллекта как структурное и моральное ядро современной цифровой коммуникации. Такой кодекс выполняет защитную функцию по отношению к нейроманипуляциям, одновременно трансформируя «контрострую силу» из реактивного механизма противодействия в проактивную стратегию формирования глобальных стандартов цифровой этики и когнитивной безопасности.

«Контрострая сила» – это эволюция политической коммуникации, представляющая собой ответ на вызовы цифровой эпохи через установление новой нормативной парадигмы. Данная парадигма формируется вокруг этического кодекса для искусственного интеллекта, который становится структурным и

этическим ядром современной «мягкой силы». Такой кодекс трансформирует «контрострую силу» из оборонительной практики в проактивную стратегию по созданию глобальных стандартов цифровой этики. Интегрируясь в механизмы верификации, фильтрации и производства контента, он позволяет строить суверенные, но открытые цифровые экосистемы, чья притягательность основана на технологическом суверенитете, культурной релевантности и, что ключевое, – на демонстрации этической ответственности как конкурентного преимущества в глобальной борьбе за доверие.

Использование термина «контрострая сила» обусловлено необходимостью обозначить практики, направленные не на формирование собственной привлекательности, а на нейтрализацию, переосмысление или ограничение воздействия внешних нарративов мягкой силы в цифровой среде.

Рассмотрение «контрострой силы» через цифровую парадигму подчеркивает функциональное, а не ценностное противопоставление. Здесь стратегии нейтрализации и переосмысления внешних нарративов рассматриваются как элементы цифрового режима управления вниманием и доверием в глобальной среде, интегрированные с этическими нормами и технологическими механизмами.

«Контрострую силу» БРИКС необходимо строить на иной логике – создание устойчивой, суверенной экосистемы, которая остается открытой для международного взаимодействия, но при этом обладает собственными механизмами верификации, фильтрации и критического осмысления внешних информационных потоков. Цель данной стратегии – формирование альтернативных центров притяжения, способных конкурировать с западными платформами по качеству сервисов, защите прав пользователей и культурной релевантности контента.

Ключевое отличие «контрострой силы» от традиционной «мягкой силы» заключается в том, что она сочетает оборонительные и проективные. Если классическая «мягкая сила» направлена на создание привлекательного образа страны и распространение ее ценностей, то «контрострая сила» в первую очередь отвечает на попытки дискредитации, информационные операции и

технологическое давление. При этом она не ограничивается оборонительными действиями, а активно предлагает альтернативные нормативные рамки и технологические решения.

В контексте санкционного давления «контрострая сила» выполняет двойную функцию. С одной стороны, она минимизирует уязвимость от отключения западных сервисов и платформ, создавая собственную технологическую инфраструктуру. С другой стороны, она превращает автономизацию в возможность для инноваций и формирования альтернативной модели цифрового развития, более привлекательной для стран Глобального Юга.

Эффективность системы «контрострой силы» не может измеряться традиционными индикаторами, такими как охват аудитории или количество подписчиков на государственных медиаплатформах. Необходима иная система критериев, ориентированная на качество защиты от манипулятивных воздействий и способность сохранять когнитивную автономию пользователей.

Триада критериев эффективности «контрострой силы» включает распознаваемость, проверяемость и обратимость манипулятивных воздействий.

Распознаваемость предполагает наличие у пользователей, институтов и технических систем способности идентифицировать манипулятивный контент, скрытое влияние и информационные операции. Данный критерий реализуется на нескольких уровнях. На индивидуальном уровне это развитие критического мышления и медиаграмотности граждан, способность распознавать признаки дезинформации, эмоциональной манипуляции и когнитивных искажений. На институциональном уровне речь идет о создании специализированных центров мониторинга информационного пространства, способных выявлять координированные кампании влияния и информационные операции. На технологическом уровне это внедрение систем автоматической детекции синтетического контента, ботов и троллинговых сетей.

Распознаваемость не означает тотального недоверия ко всем внешним источникам информации. Напротив, она предполагает формирование навыков дифференциации между легитимной критикой и манипулятивными нарративами,

между объективным освещением событий и целенаправленными операциями влияния. Развитая способность к распознаванию создает своего рода «цифровой иммунитет» общества, когда попытки манипуляции не только не достигают цели, но и разоблачаются, дискредитируя их организаторов.

Проверяемость означает возможность верификации информации через альтернативные, независимые источники и каналы. В условиях монополизации глобального информационного пространства западными платформами и агентствами проверяемость становится критически важным элементом цифрового суверенитета. Если у страны или группы стран отсутствуют собственные надежные источники информации по ключевым вопросам, они обречены на зависимость от внешних нарративов.

В рамках БРИКС проверяемость требует создания собственной инфраструктуры фактчекинга, развития национальных и транснациональных аудит-центров, способных проверять контент и алгоритмы его распространения. Критически важным становится наличие технической возможности «заглянуть внутрь» рекомендательных систем и алгоритмов искусственного интеллекта, понять логику их работы и выявить потенциальные предвзятости.

Проверяемость также связана с прозрачностью источников финансирования медиа и цифровых платформ. Пользователи должны иметь возможность узнать, кто стоит за тем или иным информационным ресурсом, какие интересы он представляет и какова его повестка. Это не предполагает запрета иностранных или оппозиционных СМИ, но требует честной маркировки источников и раскрытия конфликтов интересов.

Обратимость представляет собой способность нейтрализовать последствия манипулятивного воздействия, восстановить достоверную картину событий и скорректировать искаженные представления аудитории. Этот критерий связан с оперативностью реагирования на информационные угрозы, наличием эффективных каналов опровержения дезинформации и механизмов восстановления репутации незаслуженно дискредитированных субъектов.

Обратимость важна в контексте «вирусной» природы распространения дезинформации в социальных сетях. Ложная информация распространяется среди миллионов пользователей с высокой скоростью, в то время как опровержение часто доходит лишь малой части людей. Эффективная система «контрострой силы» должна обеспечивать распространение правдивой информации так же быстро и широко, как и дезинформации.

Обратимость также подразумевает наличие механизмов реабилитации – как для отдельных лиц, так и для институтов и государств, ставших жертвами информационных кампаний. Например, судебные процедуры против распространителей клеветы, системы общественного контроля над фактчекерами и модераторами контента, а также дипломатические механизмы противодействия информационным операциям на международном уровне.

Отличием «контрострой силы» от традиционных защитных стратегий является ее проективный характер. Речь идет и о защите собственного информационного пространства, и о создании привлекательной альтернативы западным цифровым экосистемам для стран Глобального Юга. Если изоляционистская модель замыкает страну внутри собственных границ, то «контрострая сила» направлена на экспансию – предложение миру иных принципов организации цифрового пространства.

Эти принципы основаны на уважении цифрового суверенитета каждого государства, признании культурного разнообразия в цифровой среде, защите прав пользователей от монополизма технологических гигантов и обеспечении справедливого распределения выгод от цифровой экономики. Страны БРИКС в данном случае позиционируют себя не как альтернативных гегемонов, стремящихся заменить западное доминирование собственным, а как сторонников многополярного цифрового порядка, где различные модели могут сосуществовать и конкурировать.

Данная концепция тесно связана с понятием «этического ядра», рассмотренным в предыдущем разделе диссертации. Если этическое ядро формирует ценностный фундамент альтернативной цифровой парадигмы БРИКС,

то «контрострая сила» представляет собой ее практическую реализацию – систему правовых, технологических и культурных механизмов, которые воплощают эти ценности в конкретных институтах, платформах и практиках цифровой коммуникации. Взаимосвязь между этическим ядром и «контрострой силой» можно описать как связь между нормативной базой и инструментарием ее реализации.

Формирование правовой базы цифрового суверенитета в странах БРИКС представляет собой комплексный процесс, направленный на создание национальных механизмов защиты информационного пространства при сохранении возможностей для международного взаимодействия. В отличие от западных моделей регулирования, ориентированных преимущественно на защиту прав потребителей и конкуренцию, законодательство стран БРИКС акцентирует внимание на обеспечении государственного суверенитета в цифровой сфере и защите национальной инфраструктуры от внешних угроз.

Важной частью российской правовой стратегии стал Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», вступивший в силу 1 ноября 2019 года. Закон о «суверенном интернете» направлен на обеспечение устойчивой работы российского сегмента интернета при возникновении угроз извне и предусматривает формирование национальной системы маршрутизации трафика ¹⁹⁷.

Рассматриваемый Федеральный закон предполагает создание полностью независимой инфраструктуры для функционирования Интернета в России ¹⁹⁸.

Параллельно с обеспечением технологической автономии страны БРИКС развивают законодательство о защите персональных данных, которое становится одним из инструментов противодействия цифровой колонизации со стороны западных технологических корпораций.

¹⁹⁷ Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815.

¹⁹⁸ Исакова В. С. Закон «о суверенном Рунете»: подготовка подзаконной нормативной базы // Вестник ПАГС. 2020. № 3. С. 96-102.

В Бразилии в 2020 году вступил в силу Общий закон о защите данных (Lei Geral de Proteção de Dados, LGPD), который унифицировал около сорока различных национальных законов, регулирующих обработку персональных данных. Закон гарантирует защиту основных прав на свободу, неприкосновенность частной жизни и свободное развитие личности каждого человека, а защита персональных данных была включена в число основных прав граждан Бразилии.

В Южно-Африканской Республике принят Закон о защите персональной информации (Protection of Personal Information Act, POPIA), который стал важнейшим ответом на растущую оцифровку персональных данных. Закон устанавливает всеобъемлющую правовую базу для сбора, обработки и хранения персональных данных, призванную обеспечить соблюдение прав человека в цифровую эпоху.

В России действует Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», который сформировал законодательную базу в сфере защиты персональных данных, включающую специальный закон и подзаконные акты. Российская Федерация среди стран БРИКС дальше других продвинулась в создании институциональной системы защиты персональных данных, сформировав Роскомнадзор в качестве уполномоченного органа, осуществляющего рассмотрение обращений субъектов персональных данных, ведение реестра операторов персональных данных и информационную работу с гражданами и операторами.

Общей чертой законодательства БРИКС о защите персональных данных является стремление к локализации данных граждан на национальных серверах и ограничению трансграничной передачи информации. Это отражает иную философию по сравнению с западной моделью свободного потока данных – страны БРИКС рассматривают персональные данные граждан как элемент национального суверенитета и стратегический ресурс, требующий защиты от иностранного контроля.

Противодействие дезинформации становится одним из ключевых направлений правового регулирования в странах БРИКС. В России

законодательство развивается в направлении усиления ответственности за распространение недостоверной информации.

Важным направлением становится создание технических систем противодействия кибермошенничеству и распространению ложной информации. В России Роскомнадзор разработал информационную систему «Антифрод» для борьбы с мошенничеством, которая занимается блокировкой звонков с подменных номеров ¹⁹⁹.

Также правительство РФ подготовило комплексные изменения в законодательство для предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Актуальность поправок вызвана ростом количества случаев кибермошенничества и увеличением объема утечек персональных данных россиян.

Роскомнадзор в 2024 г. зафиксировал 135 утечек баз данных. В интернет попало свыше 710 млн записей о россиянах, что более чем в два раза больше, чем в 2023 г., когда в сеть утекло 300 млн записей. В то же время МВД фиксирует увеличение числа преступлений, совершенных с использованием ИКТ. В 2023 г. рост составил 30% (почти 677 000 преступлений), а за девять месяцев прошлого года – 16% (более 564 000 преступлений).

В целях защиты граждан законопроект предлагает закрепить возможность онлайн-обмена информацией между госорганами, банками и цифровыми платформами. «Автоматический мониторинг позволит практически моментально выявлять подозрительные действия, блокировать их и уведомлять правоохранительные органы о потенциальных преступлениях».

Перспективным направлением развития правовых контуров «щита» БРИКС является создание национальных и наднациональных аудит-центров для проверки алгоритмов и контента. Данная концепция предполагает формирование институциональной инфраструктуры, способной осуществлять независимую экспертизу работы алгоритмов рекомендательных систем, систем модерации

¹⁹⁹ Кабмин подготовил масштабные поправки для борьбы с кибермошенниками // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/10/1091122-popravki-borbi-kibermoshennikami>.

контента и искусственного интеллекта на предмет соответствия национальным интересам и этическим принципам.

Аудит-центры должны обладать техническими возможностями для анализа исходного кода алгоритмов, тестирования их работы на различных датасетах и выявления потенциальных предвзятостей или манипулятивных механизмов. Особое внимание уделяется проверке алгоритмов на наличие скрытых механизмов цензуры или продвижения определенных политических нарративов. В условиях, когда большинство глобальных цифровых платформ контролируется западными корпорациями, создание независимых аудит-центров БРИКС становится важным инструментом обеспечения информационного суверенитета.

На наднациональном уровне в рамках БРИКС предлагается создание координационного механизма обмена информацией о выявленных угрозах, методологическими разработками по аудиту алгоритмов и лучшими практиками регулирования. Такой механизм даст возможность странам БРИКС выработать единую позицию в области кибербезопасности и защиты персональных данных своих граждан, что усилит их переговорные позиции при взаимодействии с глобальными технологическими корпорациями.

Правовые контуры «щита» БРИКС формируются как альтернатива западной модели саморегулирования технологических платформ. Как было показано ранее, если в США и Европе преобладает подход, основанный на добровольных кодексах поведения и ограниченном государственном вмешательстве, то страны БРИКС исходят из необходимости активной роли государства в обеспечении цифрового суверенитета и защите национальных интересов в информационном пространстве.

Формирование технологической автономии представляет собой важный элемент стратегии «контрострой силы» БРИКС. В условиях, когда глобальные цифровые платформы сосредоточены преимущественно в руках западных корпораций, создание собственных технологических решений и инфраструктуры становится вопросом экономической целесообразности и императивом цифрового суверенитета. Технологические контуры «щита» БРИКС включают три

взаимосвязанных направления: платформенную автономию, киберустойчивость и борьбу с синтетическим контентом.

Вызов заключается в том, что национальные платформы, созданные в одной стране БРИКС, остаются ограниченными рамками этой страны и не могут конкурировать с глобальным охватом западных сервисов. Выход видится в создании совместной инфраструктуры БРИКС, которая объединит технологические ресурсы всех стран объединения.

Перспективным направлением технологического сотрудничества БРИКС является создание центра разработки мультилингвальных моделей больших языков (Large Language Models, LLM), способных работать с языками всех стран объединения. Западные модели, такие как GPT и Claude, оптимизированы преимущественно под английский язык и европейские языки, что создает структурное неравенство для носителей других языков и ограничивает их способность в полной мере использовать возможности генеративного искусственного интеллекта.

BRICS-центр LLM должен разработать модели, в равной степени эффективно работающие на китайском, хинди, португальском, русском и арабском языках, а также языках новых стран-членов объединения. Это потребует создания массивных корпусов текстов на этих языках, разработки специализированных архитектур нейронных сетей, учитывающих особенности грамматики и семантики неиндоевропейских языков, и формирования вычислительной инфраструктуры, распределенной между странами БРИКС.

Важным аспектом является обеспечение того, чтобы эти модели не воспроизводили западные культурные предубеждения и ценностные ориентации. Модели БРИКС должны отражать культурное разнообразие и специфику мировоззрений стран объединения, обеспечивая подлинную многополярность в сфере искусственного интеллекта.

Чтобы обеспечить киберустойчивость, требуется развитие собственных технологий кибербезопасности, независимых от западных поставщиков программного и аппаратного обеспечения. Проблема для России и других стран

БРИКС состоит в том, что крупнейшие потребители продукции информационной безопасности не могут отказаться от продуктов зарубежных вендоров в пользу отечественных решений, поскольку большинство компаний, доминирующих на рынке кибербезопасности, являются иностранными разработчиками и производителями.

Перспективным направлением является создание единой платформы БРИКС по обмену информацией о киберугрозах, совместной разработке средств защиты и координации действий при крупномасштабных атаках. Такая платформа должна включать системы раннего предупреждения, базы данных уязвимостей, специфичных для технологий, используемых в странах БРИКС, и механизмы взаимопомощи при отражении критических атак на национальную инфраструктуру.

Быстрое развитие технологий создания синтетического медиаконтента, известных как *deepfakes*, создает новую категорию угроз информационной безопасности и требует разработки эффективных методов детекции таких подделок. *Deepfake* представляет собой синтетический медиаконтент (фото, видео, аудио), созданный с помощью искусственного интеллекта для подделки реальности путем замены лиц, клонирования голосов или генерации полностью несуществующих личностей.

Количество *deepfakes* в интернете постоянно увеличивается. Технологии *deepfakes* развиваются быстрее, чем технологии их обнаружения и законодательная база для регулирования их создания, что создает проблемы для систем верификации информации.

Детекция *deepfakes* основывается на анализе артефактов, возникающих при генерации синтетического контента: неестественное моргание, размытые грани объектов, несоответствия в освещении и тенях, а также микропризнаки манипуляции на уровне пикселей. Крупные технологические компании разрабатывают решения на основе машинного обучения, способные распознавать *deepfakes*.

Однако эффективная борьба с синтетическим контентом требует не только технических решений, но и системного подхода, включающего маркировку контента. Перспективным решением является создание систем «цифровых водяных знаков», которые дадут возможность идентифицировать весь контент, созданный с использованием нейросетей, и отличать его от аутентичных материалов. Альтернативный подход предполагает маркировку реального контента, например, с камер видеонаблюдения, создавая таким образом два типа верифицированного контента – реального и синтетического.

В рамках БРИКС целесообразно создание совместного центра по разработке технологий детекции deepfakes, который бы объединил усилия исследователей из всех стран объединения. Такой центр должен разрабатывать технические средства обнаружения синтетического контента, а также формировать базы данных известных deepfakes, методологию их классификации и системы оперативного реагирования на массовые кампании распространения фальсифицированного контента.

Необходимо обеспечить защиту от deepfakes в политической коммуникации, финансовых транзакциях, судебных разбирательствах и национальной безопасности. Необходимо создание протоколов верификации, которые исключали бы возможность использования синтетического контента для манипулирования общественным мнением, совершения мошенничества или провоцирования международных конфликтов.

Технологические и инфраструктурные контуры «щита» БРИКС формируют материальную основу цифрового суверенитета стран объединения. В отличие от правовых норм, которые могут быть изменены или обойдены, технологическая инфраструктура создает реальную способность контролировать цифровое пространство и противостоять внешним угрозам. Однако успех этой стратегии зависит от готовности стран БРИКС к долгосрочным инвестициям, обмену технологиями и координации усилий в создании совместной цифровой экосистемы.

Технологическая инфраструктура и правовые рамки цифрового суверенитета не могут функционировать эффективно без соответствующей культурной и гуманитарной основы. Культурные контуры «щита» БРИКС направлены на формирование у граждан навыков критического восприятия информации, создание альтернативных информационных нарративов и экспорт успешных цифровых решений в страны Глобального Юга как инструмента «мягкой силы».

Медиаграмотность представляет собой способность ориентироваться в различных типах медиа, понимать, как они устроены, и критически оценивать получаемую информацию. В эпоху цифровых технологий этот навык приобретает значение для обеспечения информационной безопасности и защиты от манипуляций. Медиаграмотность включает совокупность навыков, благодаря которым человек может свободно получать доступ к разным видам информации, а также изучать, анализировать и оценивать ее достоверность и качество. Актуальность технологии развития критического мышления состоит в том, что она является одним из инновационных методов, позволяющих добиться позитивных результатов в формировании информационной компетентности.

Важным является развитие навыков критического анализа информации как одного из эффективных практических способов повышения медиаграмотности. Различные события, освещаемые в средствах массовой информации и социальных медиа, не всегда позволяют сформировать объективное мнение, в связи с чем необходимо критически относиться ко всем данным, вне зависимости от источника их получения. Для оценки объективности представленной информации необходимо убеждаться в достоверности источника, анализировать намерения автора контента и понимать, с какой целью создавалось сообщение.

В контексте БРИКС программы медиаграмотности должны учитывать специфику информационных угроз, с которыми сталкиваются страны объединения. Сюда относится способность распознавать западные информационные операции, понимать механизмы культурного доминирования в цифровом пространстве и критически оценивать нарративы, продвигаемые глобальными медиаплатформами. Образовательные программы должны учить

техническим навыкам работы с информацией и формировать понимание геополитического контекста медиакоммуникаций.

Создание собственного информационного нарратива является неотъемлемой частью стратегии «контрострой силы». Страны БРИКС не могут ограничиваться оборонительной стратегией от западной дезинформации – необходимо активное формирование и распространение альтернативных точек зрения на глобальные процессы.

Совместные медиапроекты БРИКС призваны обеспечить платформу для освещения событий с позиций стран объединения, создавая противовес доминированию западных информационных агентств. Примером такого проекта может служить телеканал BRICS TV, который предоставляет аудитории возможность получать информацию о событиях в странах БРИКС и мире через призму ценностей и интересов этих государств, а не через фильтр западных редакций. Совместные медиапроекты должны охватывать различные форматы – от традиционного телевидения и новостных агентств до цифровых платформ, подкастов и присутствия в социальных сетях.

Индия показывает инновационный подход к использованию цифровых технологий как инструмента «мягкой силы» через экспорт своей модели цифровой публичной инфраструктуры. Программа «Цифровая Индия», запущенная в 2015 году, сосредоточилась на трех основных целях: создании безопасной цифровой инфраструктуры, предоставлении цифровых государственных услуг и достижении универсальной цифровой грамотности.

Платформа India Stack представляет собой комплексную цифровую инфраструктуру, включающую системы идентификации, цифровых платежей и управления данными. Во время председательства Индии в G20 в 2023 году были подписаны меморандумы о взаимопонимании с восемью развивающимися странами, предлагая им бесплатный доступ к архитектуре India Stack ²⁰⁰. Этот подход предоставляет странам комплексную цифровую инфраструктуру

²⁰⁰ Цифровой мост: как интернет-экономика Индии меняет жизни по всему глобальному Югу // KST News. Режим доступа: <https://kstnews.kz/85586-2/>.

бесплатно. Соглашения о системе UPI были заключены с несколькими странами, включая Сингапур, Австралию, США, Великобританию, Канаду и несколько стран Ближнего Востока и Южной Азии. Эти соглашения направлены на снижение транзакционных издержек и улучшение финансовой инклюзивности. Кроме того, Индия обязалась создать виртуальный глобальный репозиторий цифровой инфраструктуры, который будет хранить инструменты и ресурсы для цифровой публичной инфраструктуры. Эта платформа поможет странам учиться на опыте цифровой трансформации Индии и адаптировать подобные стратегии в своих местных контекстах.

Также Индия разработала платформу Modular Open Source Identity Platform (MOSIP) в 2018 году, которая стала трансформационной для развивающихся стран. В настоящее время MOSIP внедрена в 11 развивающихся странах, что напрямую затронуло более 95 миллионов граждан по всему миру.

Важным теоретическим обобщением индийского опыта цифровой трансформации служит анализ Ч. Малхотра, который подчеркивает, что успех национальных цифровых инициатив зависит от постоянной эволюции институциональных рамок, политик, руководящих принципов, реформ и реинжиниринга бизнес-процессов в ответ на потребности и устремления граждан²⁰¹. Автор акцентирует, что достижение цели «минимального правительства и максимального управления» возможно только при реализации «общеправительственного подхода», из чего можно сделать вывод о важности создания масштабируемых цифровых решений национального уровня, которые затем экспортируются в развивающиеся страны как цифровые общественные блага. Ч. Малхотра также отмечает, что для бенчмаркинга эффективности управления могут использоваться глобальные индексы, такие как Индекс развития электронного правительства (eGDI), Индекс благого управления и Индекс электронного участия (ePI).

²⁰¹ Malhotra C. Digital India: Past, Present and Future. Indien im 21. Jahrhundert – Auf dem Weg zur postindustriellen Ökonomie. Wiesbaden : Springer, 2024. Pp. 325-345.

Модель Индии показывает, как цифровые технологии могут использоваться для укрепления позиций страны на международной арене не через доминирование и извлечение прибыли, а через открытое распространение и создание общественных благ. Это принципиально иной подход к цифровой «мягкой силе» по сравнению с западной моделью, где технологические платформы являются инструментами коммерческой экспансии и сбора данных.

Другие страны БРИКС обладают собственными разработанными цифровыми решениями, которые могут экспортироваться в страны Глобального Юга. Китайские платежные системы, российские решения в области кибербезопасности, бразильский опыт электронного голосования – все это представляет ценность для развивающихся стран, ищущих альтернативы западным технологиям. Систематизация и продвижение этих решений через единый механизм БРИКС значительно усилит их воздействие.

Культурные и гуманитарные контуры «щита» БРИКС формируют человеческое измерение цифрового суверенитета. Без критически мыслящих граждан, способных распознавать манипуляции, без собственных медиаплатформ, транслирующих альтернативные нарративы, и без привлекательных цифровых решений, экспортируемых в другие страны, технологическая инфраструктура и правовые рамки останутся лишь оболочкой, не наполненной содержанием. Именно культурное и гуманитарное измерение превращает цифровой суверенитет из технократической концепции в живую практику, определяющую повседневный опыт миллиардов людей.

Таким образом, необходимо формирование странами БРИКС комплексной системы «контрострой силы», которая синтезирует нормативную автономию, этический фундамент и практические механизмы защиты цифрового пространства. Данная система представляет собой проективную стратегию создания альтернативной модели цифрового развития, основанной на принципах многополярности и уважения цифрового суверенитета.

Для закрытия выявленных в первой главе лакун к подходам по политическому влиянию, среди которых недооценка цифровых медиа и

алгоритмов, культурная западоцентричная предвзятость и игнорирование этики технологий как нового ресурса, предлагается концепция цифрового коммуникационного капитала (ЦКК), интегрирующая теорию капиталов П. Бурдьё с сетевой концепцией власти М. Кастельса в условиях цифровой трансформации политических коммуникаций.

Структура термина выглядит следующим образом:

- 1) «цифровой» – указывает на технологическое измерение и платформенный контекст современных коммуникаций;
- 2) «коммуникационный» – подчеркивает процессы передачи смыслов и их институционального закрепления в политическом пространстве;
- 3) «капитал» – указывает на накапливаемую и конвертируемую природу ресурса влияния.

Цифровой коммуникационный капитал (ЦКК) – это совокупность накапливаемых и конвертируемых ресурсов, обеспечивающих политическим акторам способность создавать, контролировать и направлять коммуникационные потоки в цифровой среде для формирования политического влияния через управление вниманием, доверием и поведенческими паттернами глобальных аудиторий.

Структура ЦКК включает четыре компонента:

- а) аудиторный капитал – охваты, вовлеченность и способность привлекать внимание глобальной цифровой аудитории;
- б) инфраструктурный капитал – контроль над платформами, каналами и суверенными сетевыми решениями;
- в) нормативный капитал – участие в формировании этики ИИ, правил и международных стандартов;
- г) нарративный капитал – создание контента, культурная локализация и развитие экосистемы креаторов.

ЦКК отличается от классической «мягкой силы» измеримостью, технологичностью и адаптивностью к цифровым трансформациям политических коммуникаций.

Анализ существующих западных рейтингов «мягкой силы» выявил их системную неспособность адекватно оценивать альтернативные формы политического влияния. Операционализация концепции цифрового коммуникационного капитала через четыре компонента – аудиторный, инфраструктурный, нормативный и нарративный капитал – дала возможность систематизировать стратегии стран БРИКС и обосновать необходимость создания альтернативного рейтинга, построенного на принципах равноправия и сотрудничества, где страны разделяются по классам, а не по конкурентному первенству.

Разработанная концепция этического ядра БРИКС, воплощенная в кодексе нейроэтикета «Кант 3.0», предлагает иной подход к регулированию искусственного интеллекта, основанный на концепции когнитивного суверенитета и защиты от нейроманипуляций. Практическая реализация этих принципов обеспечивается через Инфраструктуру Доверия – многоуровневую экосистему, объединяющую механизмы измерения, стандартизации и внедрения этических норм. Система трех взаимосвязанных индексов – Индекса Доверия, оценивающего уровень контроля человека над ИИ-системами, Индекса культурной ответственности, учитывающего нормы различных культурных моделей БРИКС, и Индекса динамической этики, отражающего способность норм адаптироваться к развитию технологий, превращает абстрактные этические принципы в измеримые параметры, влияющие на конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность технологических решений. Анонсирование кодекса «Кант 3.0» на выставке ИННОПРОМ-2025 и переговоры о пилотных проектах в умном городе NEOM показывают практическую востребованность данного подхода за пределами БРИКС, открывая направление формирования «этики как услуги» в качестве экспортного стандарта.

Правовые, технологические и культурные контуры системы «контрострой силы» реализуют принцип «щита без изоляции», обеспечивая защиту цифрового пространства при сохранении открытости для международного взаимодействия. Законодательство о цифровом суверенитете в странах БРИКС, включающее российский Федеральный закон № 90-ФЗ о суверенном интернете, бразильский

LGPD и южноафриканский POPIA, формирует правовую основу для защиты данных граждан как элемента национального суверенитета. Предложенные концепции BRICS-центра мультилингвальных моделей LLM и совместного центра по детекции синтетического контента отражают стратегическое видение технологической кооперации, способной обеспечить подлинную автономию в критически важных цифровых технологиях.

Культурное измерение «контрострой силы», включающее программы медиаграмотности и развитие критического мышления, формирует человеческий фундамент цифрового суверенитета. Модель экспорта цифровых общественных благ, реализуемая Индией через India Stack, показывает альтернативный подход к цифровой «мягкой силе», основанный не на коммерческой экспансии, а на безвозмездном предоставлении технологических решений развивающимся странам. Внедрение платформы MOSIP в одиннадцать развивающихся странах, затронувшее более 95 миллионов граждан, подтверждает эффективность данной стратегии как инструмента расширения влияния через создание общественных благ.

Эффективность системы «контрострой силы» определяется через триаду критериев – распознаваемость, проверяемость и обратимость манипулятивных воздействий, операционализируемых через конкретные образовательные программы, системы верификации источников, технологии детекции deepfakes и механизмы оперативного опровержения дезинформации. Синергия всех компонентов системы превращает вынужденную автономизацию в ответ на западные санкции в возможность для инноваций и формирования привлекательной альтернативной модели, востребованной странами Глобального Юга.

Комплексная система «контрострой силы» БРИКС формирует целостную альтернативу западной цифровой гегемонии, основанную на принципах многополярности, культурного разнообразия, технологического суверенитета и этической ответственности, предлагая миру проективную программу справедливого многополярного цифрового порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование было посвящено разработке и обоснованию концепции цифровой парадигмы институтов, процессов и технологий «мягкой силы» стран БРИКС как альтернативной институциональной модели политического влияния в условиях трансформации мирового порядка. Достижение поставленной цели потребовало решения комплекса взаимосвязанных задач, охватывающих теоретико-методологический, эмпирический и прикладной уровни исследования.

В ходе исследования выявлено, что классическая концепция «мягкой силы» Дж. Ная, разработанная в доцифровую эпоху, нуждается в существенной теоретической ревизии. Трансформация политических институтов под воздействием цифровых технологий радикально изменила механизмы трансграничного влияния. Исследование показало, что цифровые платформы выступают не просто каналами коммуникации, но становятся самостоятельными политическими институтами, способными определять правила политического взаимодействия, формировать повестки дня и влиять на распределение внимания политических акторов.

Анализ эмпирического материала предоставил возможность обосновать принципиальные различия между западной и БРИКС-моделями цифрового влияния. Западная модель базируется на доминировании частных технологических корпораций, экспорте либеральных ценностей через цифровые платформы и продвижении индивидуальных прав как приоритета над государственным суверенитетом. В противоположность этому страны БРИКС формируют альтернативную институциональную парадигму, основанную на принципе цифрового суверенитета как нового элемента международного права.

Разработанная в исследовании концепция цифрового коммуникационного капитала представляет собой теоретическую рамку для анализа политического влияния в цифровую эпоху. Данная концепция интегрирует четыре взаимосвязанных компонента: аудиторный капитал, инфраструктурный капитал,

нормативный капитал и нарративный капитал. Каждый из этих компонентов отражает специфические измерения цифрового влияния и, может быть, операционализирован через систему эмпирически наблюдаемых индикаторов.

Аудиторный капитал характеризует способность государства привлекать и удерживать внимание политических аудиторий в цифровом пространстве. Инфраструктурный капитал отражает степень контроля над технологической архитектурой цифровых коммуникаций. Нормативный капитал демонстрирует способность формировать правила и стандарты цифрового взаимодействия. Нарративный капитал показывает эффективность в создании и распространении политически значимых смыслов через цифровые каналы.

Критический анализ существующих рейтингов «мягкой силы» выявил их системную предвзятость в пользу западных стран и неспособность адекватно отражать специфику цифрового влияния государств БРИКС. Методологические ограничения данных рейтингов проявляются в недооценке государственного контроля над цифровой инфраструктурой, игнорировании региональных механизмов влияния и абсолютизации западных ценностей как универсального стандарта.

Сравнительный институциональный анализ цифровых стратегий стран БРИКС позволил выявить две базовые модели реализации цифровой парадигмы «мягкой силы». Китайская инфраструктурно-интеграционная модель характеризуется созданием глобальной цифровой инфраструктуры через инициативу Цифрового шелкового пути, экспортом технологических решений и формированием альтернативных центров притяжения в глобальном цифровом пространстве. Российская суверенно-регуляторная модель фокусируется на защите информационного суверенитета, создании национальных цифровых экосистем и противодействии информационному доминированию западных держав.

Индия реализует инклюзивно-масштабную модель, ориентированную на использование цифровых технологий для позиционирования в качестве голоса Глобального Юга. Бразилия развивает культурно-коммерческую модель, основанную на экспорте цифрового контента в португалоязычное пространство и

за его пределы. ЮАР формирует этико-региональную модель, позиционируя себя как лидера в разработке этических стандартов использования искусственного интеллекта для африканского континента.

Введенное в научный оборот понятие «контрострой силы» определяет специфическую форму институциональной защиты цифрового суверенитета, отличающуюся от изоляционистских стратегий сохранением открытости для международного взаимодействия при наличии собственных механизмов верификации и фильтрации внешних информационных потоков. «Контрострая сила» выполняет двойную функцию: минимизирует уязвимость от западного технологического давления и одновременно формирует альтернативные нормативные рамки цифрового взаимодействия.

Триада критериев эффективности «контрострой силы» включает распознаваемость, проверяемость и обратимость манипулятивных воздействий. Распознаваемость предполагает развитие у граждан, институтов и технических систем способности идентифицировать манипулятивный контент и информационные операции. Проверяемость обеспечивает возможность верификации источников информации и намерений коммуникаторов через прозрачные институциональные процедуры. Обратимость гарантирует возможность восстановления когнитивной автономности после воздействия манипулятивных технологий.

Разработанный кодекс нейроэтикета формирует этическое ядро альтернативной институциональной цифровой парадигмы БРИКС. Кодекс базируется на трех фундаментальных принципах: когнитивный суверенитет защищает автономность мышления от алгоритмического манипулирования; запрет нейроманипуляций ограничивает применение искусственного интеллекта для скрытого влияния на поведение; культурная адаптивность учитывает различия цивилизационных моделей при разработке и применении систем искусственного интеллекта.

Концепция Инфраструктуры Доверия как многоуровневой институциональной экосистемы превращает абстрактные этические принципы в

измеримые параметры через систему трех индексов: индекс прозрачности алгоритмов, индекс защиты данных и индекс этичности контента. Данная система создает рыночные стимулы для внедрения этических практик без прямого государственного принуждения, что принципиально отличает ее от западных регуляторных моделей, основанных преимущественно на принудительных механизмах.

Эмпирическое исследование общественных установок относительно регулирования искусственного интеллекта выявило высокий уровень поддержки введения этических кодексов. Около девяноста процентов респондентов выразили одобрение идее внедрения кодекса нейроэтикета как основы для безопасной, справедливой и человекоцентричной цифровой среды. Данные результаты свидетельствуют о наличии социального запроса на формирование альтернативных западным подходам регулирования цифровых технологий.

Результаты исследования имеют существенное теоретическое и практическое значение. На теоретическом уровне разработанная концепция цифровой парадигмы институтов, процессов и технологий «мягкой силы» расширяет понимание механизмов политического влияния в условиях цифровой трансформации. Введение понятий «контрострой силы», нейроэтикета и цифрового коммуникационного капитала обогащает категориальный аппарат политической науки инструментами, адекватными вызовам цифровой эпохи.

На практическом уровне предложенные концептуальные рамки могут быть использованы для разработки институциональных механизмов защиты цифрового суверенитета, создания альтернативных систем оценки политического влияния и формирования этических стандартов применения искусственного интеллекта в политической коммуникации. Результаты исследования применимы при выработке внешнеполитических стратегий государств БРИКС в цифровой сфере, а также при координации позиций объединения на международных площадках.

Исследование выявило перспективные направления дальнейшей научной работы. Целесообразно углубленное изучение институциональных механизмов конвертации различных форм цифрового коммуникационного капитала в

политическое влияние. Требуется дополнительное исследование процесса институционализации принципа цифрового суверенитета в международном праве. Актуальным представляется сравнительное исследование эффективности различных национальных моделей регулирования искусственного интеллекта в политических коммуникациях.

Результаты проведенного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о формировании странами БРИКС качественно новой парадигмы институтов, процессов и технологий цифрового политического влияния. Данная парадигма базируется на принципах государственного суверенитета, культурного многообразия и противодействия технологическому доминированию, что требует создания альтернативных институтов оценки и реализации политического влияния в цифровом пространстве.

Трансформация глобального политического порядка в направлении многополярности находит свое отражение в цифровой сфере через формирование альтернативных центров притяжения и конкурирующих нормативных парадигм. Страны БРИКС выступают архитекторами новых институтов цифрового взаимодействия, основанных на признании равноправия различных цивилизационных моделей и отказе от универсализма западных подходов.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие политологического знания в области изучения цифровой трансформации политических институтов и процессов. Разработанные теоретические конструкции и эмпирические данные создают основу для дальнейшего научного осмысления эволюции институтов политического влияния в условиях стремительных технологических изменений и перехода к многополярной системе международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184.
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://base.garant.ru/406862712>.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>.
5. Агеева А. В. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2021. № 4. С. 59-63.
6. Андреев И. А. Феномен «мягкой» силы: концептуальные, институциональные и технологические аспекты : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.2. Москва, 2023. 23 с.
7. Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысляя американский опыт) // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 3. С. 32-47.
8. Ашманов И. С., Касперская Н. И. Цифровая гигиена. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 400 с. ISBN 978-5-4461-1938-7.
9. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74.
10. Бучинская О. Н. Цифровая колонизация – новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3(106). С. 78-92.
11. Быков И. А. «Мягкая сила»: понятие, сущность и содержание. Эволюция концепции «мягкой силы» во втором десятилетии XXI века // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8(38). С. 17-21.

12. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Артамонова Ю. [и др.] Трансформация политических институтов и политического участия в условиях цифрового общества // Информационные войны. 2019. № 3(51). С. 36-46.

13. Володенков С. В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 6-24.

14. Галларотти Д. М. Как измерять «мягкую силу» в политических коммуникациях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89-103.

15. Гегелова Н. С., Ду Юйвэй. Сравнительный анализ международных каналов CGTN-English и CGTN-Русский «Китайской глобальной телевизионной сети» // Неофилология. 2023. Т. 9, № 3. С. 607-617.

16. Глебов М. С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 275-293.

17. Гриневич П. А., Бочарова А. П., Стукал Д. К. Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям // Полит. наука. 2024. № 2. С. 38-43.

18. Загуменникова Н. В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-1. С. 165-178.

19. Иванов В. Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 23.00.01. Москва, 2016. 66 с.

20. Игнатенко В. А. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: попытка внедрения безопасных технологий или воззвание к совести акторов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы : Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24–25 февраля 2022 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 88-93.

21. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. 300 с.
22. Исакова В. С. Закон «о суверенном Рунете»: подготовка подзаконной нормативной базы // Вестник ПАГС. 2020. № 3. С. 96-102.
23. Кант Т. В. Кодекс нейроэтикета «Кант 3.0» как основа цифровой суверенной этики в условиях нейротехнологической трансформации // Наука. Практика. Человек : сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва. Москва : Мир науки, 2025. С. 51-60.
24. Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 564 с.
25. Концевая Н. А. Паблик Рилейшнз в системе публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 1. С. 52-64.
26. Концевая Н. А. PR-кампании в системе публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 5. С. 81-93.
27. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г., Медведева М. Б. Регулирование искусственного интеллекта международными организациями как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 8. С. 1999-2026.
28. Ли М. Мягкая сила во внешней политике Китая в XXI веке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2. С. 39-42.
29. Ли Я. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 245-267.
30. Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Искусственный интеллект в политике ЕС и КНР // Современная Европа. 2024. № 4 (125).

31. Махмуд А. Х. «Sharp power». Попытка западных авторов разделить «мягкую силу» на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4-2. С. 186-202.
32. Наумов А. О., Белоусова М. В., Русакова О. Ф. К вопросу о создании рейтинга «мягкой силы» стран группы БРИКС // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 2. С. 54-78.
33. Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122-131.
34. Наумов А. О., Дхар А. П. «Мягкая сила» стран группы БРИКС : монография. Москва : КДУ, 2024. 198 с. ISBN 978-5-00247-078-5.
35. Най Дж. С. Будущее власти / Дж. С. Най ; пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва : АСТ, 2014. 448 с. ISBN 978-5-17-081896-9.
36. Пономарева Е. Г. Политические коммуникации. Москва : Издательский дом МГИМО, 2025. 222 с. ISBN 978-5-699-12014-7.
37. Приходько Д. В. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 1. С. 3-35.
38. Пу К., Сян В. Возможности и проблемы, возникающие при использовании ChatGPT в качестве генеративного ИИ, и стратегия реагирования // Журнал Чунцинского университета. 2023. № 29 (3). С. 102-114.
39. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 1(56). С. 62-72.
40. Русакова О. Ф., Жакьянова А. М. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов // Культура и природа политической власти: теория и практика : сборник научных трудов, Екатеринбург, 15 апреля 2022 года / под общей редакцией А. А. Керимова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный

университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Уральский университет, 2022. С. 65-73.

41. Саяпин С. П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. 2025. № 3. С. 19-29.

42. Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 1. С. 78-89.

43. Соколова М. Е. 2012.04.011. Кастельс М. Сетевая теория власти. Castells M. A network theory of power // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2012. № 4. С. 76-85.

44. Тимофеева Л. Н., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 23-39.

45. Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. № 18(1). С. 40-71.

46. Харитонов Ю. С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 5(222). С. 130-138.

47. Чжан С. Продвижение верховенства закона с главным направлением продвижения нового качества продуктивности цифрового интеллекта // Цифровое правовое государство. 2024. № 4. С. 4-16.

48. Чжан Ю. О правовой реализации принципа прозрачности в сфере искусственного интеллекта // Юридический факультет Южно-Китайского нормального университета. Серия политико-правовых дискуссий. 2024. № 2. С. 124-129.

49. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59.

50. Шэнь Ф. Риски и управление генеративным искусственным интеллектом: решение «дилеммы Коллингриджа» // Журнал Чжэцзянского университета. 2024. № 6. С. 73-79.
51. Юйхань. «Мягкая сила» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 5.5.4. Москва, 2026. 32 с.
52. Яо З. В., Ли З. Л. Правовое регулирование рисков генеративного контента искусственного интеллекта // Журнал Сианьского университета Цзяотун. 2023. № 43 (05). С. 147-154.
53. Ayodele O., Petla V. Leveraging the BRICS digital partnership for collaborative digital governance. Journal of BRICS Studies, 2024. Vol. 3, no. 1. Pp. 1-7.
54. Bourdieu P., Nice R. Outline of a Theory of Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. 249 p. ISBN 978-0-521-11234-5.
55. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power. Sociological Theory, 1989. Vol. 7, no. 1. Pp. 14-25.
56. Chitty N., Hayden C., Ohnesorge H.W., Wang C. (eds.) The Anthem Handbook of Soft Power and Public Diplomacy in the Age of AI. London : Anthem Press, 2025. 250 p. ISBN 978-5-8114-4403-8.
57. Cull N. J. Public diplomacy: Taxonomies and histories. The annals of the American academy of political and social science, 2008. Vol. 616, no. 1. Pp. 31-54.
58. Devanny J., Buchan R. Brazil's Cyber Strategy Under Lula: Not a Priority, but Progress Is Possible. Carnegie Endowment for International Peace, 2023. 426 p.
59. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? Place Branding and Public Diplomacy, 2008. No. 2. Pp. 147-158.
60. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. The Chinese Journal of International Politics, 2010. No. 3. Pp. 209-214.
61. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the digital age. The Hague : Clingendael, Netherlands Institute of International Relations, 2015. ISBN 978-9-082-31255-9.

62. Ituassu A., Guerrero M.A. Public Sphere and Political Communication Changes in Latin America: Digital Media and Democracy in Brazil and Mexico. *Journal of Latin American Communication Research*, 2025. Vol. 12, no. 1. Pp. 4-20.
63. Lee B.T.F., Kornphetcharat K., Sims J.P. Soft Power: BRICS Cultural Diplomacy and the Rebalancing of Global Narratives. *International Review of Humanities Studies*, 2025. Vol. 10, no. 2. Pp. 614-629.
64. Liu Xinzhuang. Research on Political Communication in China. *Handbook of Contemporary Chinese Social Sciences*. Singapore : Springer, 2025. Pp. 2083-2097.
65. Malhotra C. Digital India: Past, Present and Future. *Indien im 21. Jahrhundert – Auf dem Weg zur postindustriellen Ökonomie*. Wiesbaden : Springer, 2024. Pp. 325-345.
66. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*, 2005. Vol. 33, is. 3. Pp. 583-612.
67. McClory J. *The New Persuaders*. London : Institute for Government, 2010. 15 p.
68. Nye J. S. *Bound to lead*. New York : Basic Books, 2016. ISBN 978-0-465-00177-4.
69. Nye J. S. Notes for a Soft Power Research Agenda / F. Berenskoetter, M.J. Williams (eds.) // *Power in World Politics*. London : Routledge, 2004. Pp. 162-172.
70. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004. 191 p. ISBN 978-1-586-48225-1.
71. Nye J., Goldsmith J. The Future of Power. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 2011. No. 3. Pp. 45-52.
72. Rusakova O.F., Gribov E.K., Vakhrusheva E.A. Digitalization As a Growth Factor of «Soft Power» in the Context of Globalization. *KnE Social Sciences*, 2021. No. 5(2). Pp. 777-784.
73. Sun S. Confucius Institutes: China's Cultural Soft Power Strategy. *Journal of Culture and Values in Education*, 2023. No. 6 (1). Pp. 52-68.

74. Walker C. The Authoritarian Threat: The hijacking of «Soft Power». Journal of Democracy, 2016. Vol. 27, no. 1. Pp. 49-63.

75. Walker C. What Is «Sharp Power»? Journal of Democracy, 2018. Vol. 29, no. 3. Pp. 9-23.

76. БРИКС объединились во благо кибербезопасности // ComNews. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/235179/2024-09-13/2024-w37/1007/briks-obedinilis-vo-bлаго-kiberbezopasnosti>.

77. БРИКС+ на саммите в Рио: реформы глобальной системы, ИИ и новые партнерства // TV BRICS. 07.07.2025. Режим доступа: <https://tvbrics.com/news/predstaviteli-stran-briks-vydvinuli-predlozheniya-po-ukrepleniyu-mnogostoronnosti/>.

78. Брюссельский цифровой светофор. Как ЕС собирается приструнить IT-гигантов // Republic. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/99045>.

79. В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта» // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html>.

80. В России подписан Кодекс этики искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://edurobots.org/2021/10/ai-ethics/>.

81. В России появился Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/v-rossii-poavilsa-kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-27078>.

82. ЕС наложил санкции на вещание RT и Sputnik // Европейская служба внешних связей. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/eeas/ес-наложил-санкции-на-вещание-в-ес-государственных-сми-rtrussia-today-и-sputnik_ru.

83. Захарова М. В. об искусственном интеллекте // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/07/17/neokoloniializm.html>.

84. ИИ в странах БРИКС // Правительство РФ. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/ai-brics/>.

85. Интервью ректора МГИМО Анатолия Торкунова // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/30/ii-i-diplomatia.html>.

86. Искусственный интеллект. Режим доступа: <https://media.future-hub.io/stati/kodeks-etiki-ii>.

87. Искусственный интеллект, Европейский союз: Закон об искусственном интеллекте // Дипломатический словарь. Режим доступа: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/искусственный-интеллект-европейский-союз-евросоюз-ес-закон-об-искусственном-интеллекте-2024-г/>.

88. Кабмин подготовил масштабные поправки для борьбы с кибермошенниками // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/10/1091122-popravki-borbi-kibermoshennikami>.

89. Китай вводит 24 новых правила регулирования ИИ // CNews. Режим доступа: https://gov.cnews.ru/news/top/2023-08-15_kitaj_vvodit_24_novyh_pravila.

90. Кодекс этики. Режим доступа: <https://a-ai.ru/code/>.

91. Лидеры БРИКС приняли декларацию об управлении ИИ. Режим доступа: <https://ria.ru/20250707/briks-2027573942.html>.

92. Методология составления рейтинга «мягкой силы» Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/>.

93. Национальный проект «Цифровая экономика» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.

94. Обновлено Национальная стратегия развития искусственного интеллекта // РЖД Digital. Режим доступа: <https://rzddigital.ru/regulation/obnovlennaya-natsionalnaya-strategiya-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta/>.

95. Особенности политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Режим доступа: <https://namib.online/wp-content/uploads/2024/05/BRICS.pdf>.

96. Официальный сайт Правительства Индии. Министерство электроники и информационных технологий. Режим доступа: <https://www.meity.gov.in/>.

97. Программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций // СПбГЭТУ. Режим доступа: <https://etu.ru/ru/nauchnaya-i-innovacionnaya-deyatelnost/konkursy-granty/programma-briks-v-sfere-nauki-tehnologij-i-innovacij>.

98. Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30 // ИМЭМО РАН. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sili-the-soft-power-30>.

99. Руководства в области ИИ // UAE. Режим доступа: <https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/AI-DeepFake-Guide-EN-2021.pdf>.

100. Руководящие принципы ОЭСР по искусственному интеллекту. Режим доступа: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/international-and-foreign-acts/international-acts/rukovodyaschie-principy-oesr-po-iskusstvennomu-intellektu/>.

101. Сбер предложил создать Альянс БРИКС для борьбы с киберугрозами // МК Йошкар-Ола. Режим доступа: <https://www.mk-mari.ru/social/2025/10/27/sber-predlozhil-sozdat-alyans-briks-dlya-borby-s-kiberugrozami.html>.

102. Sputnik. Режим доступа: <https://sputnik.ru/>.

103. Страны одобрили переработанную Рекомендацию Совета по искусственному интеллекту // Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/news/276245330.html>.

104. Федеральное государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство «Россия сегодня» // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/organization_Mezhdunarodnoe-informacionnoe-agentstvo-Rossija-segodnja/.

105. Цифровой мост: как интернет-экономика Индии меняет жизни по всему глобальному Югу // KST News. Режим доступа: <https://kstnews.kz/85586-2/>.

106. Цифровой разрыв, цифровая колонизация // Дипломатический словарь. Режим доступа: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/цифровой-разрыв-цифровая-колонизация/>.

107. Цифровой суверенитет в повестке объединения БРИКС // РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/>.

108. Этика в сфере ИИ. Режим доступа: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf.

109. Этические аспекты искусственного интеллекта: еще один шаг к принятию Рекомендации ЮНЕСКО // UNESCO. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/eticheskie-aspekty-iskusstvennogo-intellekta-eshche-odin-shag-k-prinyatiyu-rekomendacii-yunesko>.

110. ЮНЕСКО приняла рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта // Digital Russia. Режим доступа: <https://digital-russia.ru/junesko-prinjala-rekomendaciju-ob-jeticheskikh-aspektah-iskusstvennogo-intellekta.html>.

111. Aadhaar Dashboard // Unique Identification Authority of India. Режим доступа: https://uidai.gov.in/aadhaar_dashboard/.

112. Agenda Digital del Mercosur. Режим доступа: <https://www.mercosur.int/>.

113. AI Act: Новые правила для развития искусственного интеллекта в ЕС // Data Privacy Office. Режим доступа: <https://data-privacy-office.com/ai-act-overview/>.

114. AI national government summit discussion document. Режим доступа: https://www.dcdt.gov.za/images/phocadownload/AI_Government_Summit/National_AI_Government_Summit_Discussion_Document.pdf.

115. AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI. Режим доступа: <https://ainowinstitute.org/publications/reflections-on-south-africas-ai-industrial-policy>.

116. AI Policy Egypt // Nemko. Режим доступа: <https://digital.nemko.com/regulations/ai-policy-egypt>.

117. AI Watch: Global regulatory tracker – South Africa // White & Case. Режим доступа: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/ai-watch-global-regulatory-tracker-south-africa>.

118. Artificial Intelligence Act. Режим доступа: <https://artificialintelligenceact.com/brazil-ai-act>.

119. Artificial Intelligence Policy Framework Discussion Paper / Department of Communications and Digital Technologies. August 2024. Режим доступа: <https://www.dcdt.gov.za/sa-national-ai-policy-framework/file/338-sa-national-ai-policy-framework.html>.

120. Balança Comercial Brasileira // Ministério do Desenvolvimento, Indústria, Comércio e Serviços. Режим доступа: <https://www.gov.br/mdic/pt-br/assuntos/comercio-exterior/estatisticas>.

121. Beyond DeepSeek: How China's AI Ecosystem Fuels Breakthroughs // Lawfare. Режим доступа: <https://www.lawfaremedia.org/article/beyond-deepseek--how-china-s-ai-ecosystem-fuels-breakthroughs>.

122. Brand Finance's Global Soft Power Index 2024. Режим доступа: <https://brandfinance.com/press-releases/brand-finances-global-soft-power-index-2024-usa-and-uk-ranked-top-nation-brands-china-takes-third-place-overtaking-japan-and-germany>.

123. China's \$6 Billion Propaganda Blitz Is a Snooze // Foreign Policy. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2018/04/23/the-voice-of-china-will-be-a-squeak/>.

124. China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' // DigiChina. Режим доступа: <https://digichina.stanford.edu/work/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/>.

125. China's AI Soft Power Play: How is the Digital Silk Road Shaping Global Influence // Sundial Press. Режим доступа: <https://www.sundialpress.co/2025/01/14/chinas-ai-soft-power-play-how-is-the-digital-silk-road-shaping-global-influence/>.

126. China's DeepSeek shook the tech world. Its developer just revealed the cost of training the AI model // CNN. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2025/09/19/business/deepseek-ai-training-cost-china-intl>.

127. China's Digital Silk Road taking its shot at the global stage // East Asia Forum. Режим доступа: <https://eastasiaforum.org/2024/05/09/chinas-digital-silk-road-taking-its-shot-at-the-global-stage/>.

128. China's Digital Silk Road exports internet technology, controls // Voice of America. Режим доступа: <https://www.voanews.com/a/china-s-digital-silk-road-exports-internet-technology-controls/7626266.html>.

129. China's Interim Measures for the Management of Generative AI Services: A Comparison Between the Final and Draft Versions of the Text // Future of Privacy Forum. Режим доступа: <https://fpf.org/blog/chinas-interim-measures-for-the-management-of-generative-ai-services-a-comparison-between-the-final-and-draft-versions-of-the-text/>.

130. China's Interim Measures on generative AI: Origin, content and significance // ScienceDirect. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364924000529>.

131. China's Overlooked AI Strategy // Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/chinas-overlooked-ai-strategy>.

132. Contributors to Soft Power 30 // USC Center on Public Diplomacy. Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/users/softpower30>.

133. COVID-19 Vaccine Dashboard // Ministry of Health and Family Welfare, Government of India. Режим доступа: <https://www.mohfw.gov.in/>.

134. Department of Communications and Digital Technologies. Режим доступа: <https://www.dcdt.gov.za/>.

135. Digital India Programme // Ministry of Electronics and Information Technology. Режим доступа: <https://www.digitalindia.gov.in/content/programme-pillars>.

136. Digital silk road // ORCA Asia. Режим доступа: <https://www.orcasia.org/digital-silk-road>.

137. DIKSHA Platform // Ministry of Education, Government of India. Режим доступа: <https://diksha.gov.in/about/>.

138. Egypt National Artificial Intelligence Strategy // Ministry of Communications and Information Technology. Режим доступа: https://mcit.gov.eg/en/Publication/Publication_Summary/9283.

139. Future Growth Potential: Japan Soars and BRICS Build Strength // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/insights/future-growth-potential>.

140. Global Soft Power Index // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandirectory.com/softpowe>.

141. Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance. Режим доступа: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf>.

142. Global Soft Power Index 2024 // Brand Finance. Режим доступа: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf>.

143. Global Soft Power Index 2024. Режим доступа: <https://defencepk.com/forums/threads/brand-finances-global-soft-power-index-2024-usa-and-uk-ranked-top-nation-brands-china-takes-third-place-overtaking-japan-and-germany.6288/>.

144. Google заблокировал YouTube-каналы RT и Sputnik // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2022/621ddd549a7947def338a70f.

145. Governo Digital // Ministério da Gestão e da Inovação em Serviços Públicos. Режим доступа: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br>.

146. Household Social Consumption on Education in India / National Statistical Office, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. Report No. 597, 2023. Режим доступа: https://mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/Report_585_75th_round_Education_final_1507_0.pdf.

147. How to Interpret China's First Effort to Regulate Generative AI Measures // China Briefing. Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/how-to-interpret-chinas-first-effort-to-regulate-generative-ai-measures>.

148. India and Singapore link their fast payment systems // Reserve Bank of India. Press release, February 21, 2023. Режим доступа: https://www.rbi.org.in/Scripts/BS_PressReleaseDisplay.aspx?prid=55223.

149. India Media and Entertainment Industry Report 2024 // Media Partners Asia. Режим доступа: <https://ibef.org/industry/media-entertainment-india>.

150. India's Approach to AI Regulation / Advisory issued by Ministry of Electronics and Information Technology. March 2024. Режим доступа: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/02/9f6e99572739a3024c9cdaec53a0a0ef.pdf>.

151. Jimenez-Martínez C. National identity and the limits of soft power: when the nation turns against the state. Research for the World. Режим доступа: <https://researchonline.lse.ac.uk/id/eprint/126968/>.

152. Journal of Democracy. Режим доступа: <https://www.journalofdemocracy.org/about/masthead/>.

153. Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD), Lei nº 13.709/2018. Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/l13709.htm.

154. Lei Orçamentária Anual 2024 // Ministério da Fazenda. Режим доступа: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/orcamento-federal>.

155. Making Sense of China's AI Regulations // Holistic AI. Режим доступа: <https://www.holisticaai.com/blog/china-ai-regulation>.

156. Media and Entertainment Industry Report // FICCI-EY, 2024. Режим доступа: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-in/insights/media-entertainment/images/ey-shape-the-future-indian-media-and-entertainment-is-scripting-a-new-story.pdf>.

157. Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovações. Режим доступа: <https://www.gov.br/mcti/pt-br>.

158. Navigating the Complexities of AI Regulation in China // Reed Smith. Режим доступа: <https://www.reedsmith.com/en/perspectives/2024/08/navigating-the-complexities-of-ai-regulation-in-china>.

159. Netflix investments in Brazil // Netflix Media Center. Режим доступа: <https://about.netflix.com/en/news/category/brazil>.

160. OECD. The OECD Framework for the Classification of AI systems. Режим доступа: <https://wp.oecd.ai/app/uploads/2022/02/Classification-2-pager-1.pdf>.

161. OECD.ai. Trends & data overview. Режим доступа: <https://oecd.ai/en/trends-and-data>.

162. Pix completa 3 anos com 151 milhões de usuários // Banco Central do Brasil. 16 de novembro de 2023. Режим доступа: <https://www.bcb.gov.br/detalhenoticia/673/noticia>.

163. Political transitions in Brazil // Encyclopaedia Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/Brazil/History>.

164. Population of Overseas Indians // Ministry of External Affairs, Government of India. Режим доступа: https://www.mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf.

165. Portal Gov.br // Ministério da Gestão e da Inovação em Serviços Públicos. Режим доступа: <https://www.gov.br/pt-br>.

166. Pravasi Bharatiya Portal // Ministry of External Affairs. Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/know-india-progressive.htm>.

167. Press Release on blocking of 59 Chinese apps / Ministry of Electronics and Information Technology, Government of India. June 29, 2020. Режим доступа: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1635206>.

168. Projeto de Lei nº 2.338, de 2023 // Senado Federal do Brasil. Режим доступа: <https://www25.senado.leg.br/web/atividade/materias/-/materia/157233>.

169. Ranking das maiores empresas de tecnologia do Brasil // Associação Brasileira das Empresas de Tecnologia da Informação e Comunicação (Brasscom). Режим доступа: <https://brasscom.org.br/>.

170. Regulatory framework for artificial intelligence passes in Brazil's Senate // Mattos Filho. Режим доступа: <https://www.mattosfilho.com.br/en/unico/framework-artificial-intelligence-senate>.

171. SWAYAM Platform // Ministry of Education, Government of India. Режим доступа: <https://swayam.gov.in/about>.

172. The Digital Silk Road in the Indo-Pacific // ORF. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/research/the-digital-silk-road-in-the-indo-pacific-mapping-china-s-vision-for-global-tech-expansion>.

173. The OECD.AI Policy Navigator. Режим доступа: <https://oecd.ai/en/dashboards/policy-initiatives/egypt-national-ai-strategy-5294>.

174. The Soft Power 30. Режим доступа: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf.

175. UAE's International Stance on Artificial Intelligence Policy // UAE Legislation. Режим доступа: <https://uaelegislation.gov.ae/en/policy/details/uae-s-international-stance-on-artificial-intelligence-policy>.

176. Understanding the Global Soft Power Index 2025 // Brand Finance. Режим доступа: <https://brandfinance.com/insights/understanding-the-global-soft-power-index-2025>.

177. UPI Product Statistics // National Payments Corporation of India. Режим доступа: <https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2023/launch-of-real-time-payments-between-singapore-and-india>.

178. Voice of Global South Summit // Ministry of External Affairs, Government of India. Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/voice-of-global-summit.htm>.

179. What DeepSeek Revealed About the Future of U.S.-China Competition // Foreign Policy. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2025/02/03/deepseek-china-ai-artificial-intelligence-united-states-tech-competition>.